

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 2 (17)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: БЕЗОПАСНОСТЬ В АТР

От редактора рубрики.....	5
Лукин А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия.....	7
Бурлаков В.А. Военно-политическая составляющая геополитического анализа международных отношений в Северо-Восточной Азии.....	20
Губин А.В. Военно-морской фактор национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии.....	34
Козлов Л.Е. Вызовы национальной безопасности в развитии международных связей дальневосточных регионов России.....	44
Кузнецов А.М. Безопасность человека.....	52

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

Астафурова И.С., Полищук П.С. Основные подходы к формированию портфеля стратегических альтернатив развития судоремонтного предприятия.....	63
Копылов Л.Е. Отраслевые преимущества региональных страховых компаний.....	72
Соловченко С.А. Проблемы рынка труда Еврейской автономной области сквозь призму человеческих оценок.....	79

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Крушанова Л.А. Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг.....	88
---	----

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Ткачук М.А. К проблеме определения понятия «танец».....	94
Брянская Т.И. Этнокультурные особенности китайского сексизма.....	104
Брумфилд У.К. Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке.....	111
Киреев А.А. Трансграничное культурное взаимодействие России и Китая на Дальнем Востоке....	126

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

Теплоухова М.В. Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв.....	139
Лазарева С.И., Сергеев О.И. Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в.....	145

Золотухин И.Н. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии.....	157
АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ АТР	
Журбей Е.В. «Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса.....	164
STUDIO	
Маклис А. Возрождение российской «мягкой силы» ...	175
НАУКОВЕДЕНИЕ	
Литошенко Д.А. Состояние регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в.....	185
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ	
Трегубова И.Г. Диалог культур: русские и корейские соматические речения	192
Михалёва И.В. Президент Российской Федерации, как субъект современного политического процесса	195
Рецензии и обзоры	
Дацышен В.Г. Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони	200
Фадеечева М.А. «Два не отрываться»: этнонациональная политика демографической сверхдержавы	207
Научная жизнь	
Гусева А.А. Пятые Мандельштамовские чтения	212
К ЧИТАТЕЛЯМ	215
СОКРАЩЕНИЯ	216

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина,
В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова,
В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко,
А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун,
О.И. Шестаков, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 2 (17)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

ТЕМА HOMEPA: SECURITY IN APR

Lukin A.L. From the editor of a heading.....	5
Lukin A.L. The Regional Security Complex Theory and East Asia.....	7
Burlakov V.A. Military component of the geopolitical analysis of the international relations in North-East Asia....	20
Gubin A.V. Naval Issues of National Security in the North-East Asia.....	34
Kozlov L.E. Challenges of the National Security in the Development of the International Contacts of the Russian Far East Regions.....	44
Kuznetsov A.M. Human security.....	52

WILDLIFE MANAGEMENT AND ECONOMY

Astaferova I.S., Polishehuk P.S. Principal approach to organization of portofolio of strategical alternatives for ship-repair company.....	63
Kopilov L.E. Trade advantages of regional insurance companies.....	72
Solovchenkov S.A. Labor market problems of the Jewish Autonomous region through the prism of human evaluations.....	79

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Krushanova L.A. Features of economic criminality in Primorski Territory In the mid-fifties – 1960th	86
---	----

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Tkachuk M.A. To a problem of definition of concept «dance».....	94
Brjanskaja T.I. Ethnocultural features of the Chinese sexism.....	104
Brumfield W.C. Asian motives in church architecture of Siberia in XVIII.....	111
Kireev A.A. Transborder cultural interaction of Russia and China in the Far East	126

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

Teploukhova M.V. Ethnic and National Politics of the Russian Empire in the XIX – beginning of XX	139
Lazareva S.I., Sergeev O.I. Political activity of the Russian emigrants in China in 20 – 40th years of XX	145
Zolotuhin I.N. Chinese Diaspora in the South-East Asia ...	157

Vladivostok
2011

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

Zhurbey E.V. «Think tanks» and foreign policy of the People's Republic of China: Background.....	164
STUDIO	
McLees A. The Resurgence of Russian "Soft Power"	175
STUDY OF SCIENCE	
Litoshenko D.A. Status of regional researches in the south of the Far East Russia by the end of the first decade of XXI.....	185
SCIENTIFIC MESSAGES	
Tregubova I.G. Dialogue of cultures: Russian and Korean somatic phrases.....	192
Mihaljova I.V. The president of the Russian Federation, as the subject of modern political process.....	195
REVIEW	
Dazishen V.G. The Russian regions in works of foreign researchers: «Siberian republic Tuva» of Indian historian S.K. Soni	200
Fadeicheva M.A. «Two not to come off»: the ethnonational policy of a demographic superstate.....	207
SCIENTIFIC LIFE	
Guseva A.A. The fifth Mandelshtamovsky readings	212
TO READERS	215
REDUCTIONS	216

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, Yi.V. Latushko,
A.M. Kuznetsov, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yi.A. Naumov,
S.V. Sevastyanov, Choi Nak Jun, O.I. Shestak, S.E. Jachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Этот выпуск журнала фокусируется на проблематике безопасности. Понятие «безопасность» сегодня употребляется настолько часто и в таких разнообразных контекстах, что дать ему четкое определение практически невозможно. Тем не менее, можно выделить два основных подхода к пониманию безопасности.

Первый, традиционный, подход трактует безопасность в первую очередь как защищенность государства от внешней силовой агрессии. При таком подходе главное значение имеют вопросы военно-политической мощи государства, его способности защитить свою территориальную целостность и суверенитет от посягательств извне, прежде всего со стороны других государств.

Второй подход к пониманию безопасности возник относительно недавно, в конце двадцатого века, когда заговорили о новых, или нетрадиционных, угрозах безопасности. К ним относят угрозы в таких сферах, как экономика, экология, информационные и компьютерные технологии, а также распространение эпидемий, преступность, терроризм и т.п. Появился даже термин «безопасность человека» (human security), где центральное место занимает защищенность индивидов и их сообществ. Но при таком расширительном подходе предмет безопасности размывается настолько, что может вообще потерять смысл. Кроме того, масштаб некоторых нетрадиционных угроз явно «раздут» по политическим, коммерческим или иным меркантильным мотивам. Достаточно вспомнить, например, «компьютерную угрозу 2000 года», которая в итоге оказалось «пшиком», или более недавние страхи, связанные с «птичьим» и «свинным» гриппом.

На наш взгляд, найти компромисс между традиционным и расширительным подходами к безопасности позволяет концепция «секьюритизации», предложенная британцем Барри Бузаном и датчанином Оле Вэвером. Согласно их определению, секьюритизация – это «дискурсивный процесс, в результате которого в политическом сообществе конструируется восприятие какого-либо процесса или субъекта в качестве экзистенциальной угрозы высокозначимому референтному объекту и признается необходимость неотложных и исключительных мер для отражения этой угрозы». В современном мире в качестве подлежащих защите объектов секьюритизации в большинстве случаев выступают государство-нации, поскольку именно национальные государства Вестфальского типа выступают сегодня основными субъектами мировой политики. Однако, в зависимости от того, кто и в каких контекстах выступает субъектом секьюритизации, в статус безопасности могут возводиться и другие объекты, например, права человека, окружающая среда, религия и т.д.

Статьи номера рассматривают различные аспекты безопасности. Открывает номер статья Артема Лукина, которая представляет собой аналитический обзор теории комплексов региональной безопасности уже упомянутых Б. Бузана и О. Вэвера. По мнению автора, этим западным ученым удалось в целом решить крайне непростую задачу сопряжения глобального и регионального уровней мировой политики. Основное внимание в статье уделяется интерпретации теории Бузана – Вэвера применительно к Восточной Азии.

Виктор Бурлаков исследует проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии, рассматривая их в классическом стратегическом клю-

че. По его мнению, соотношение военных потенциалов государств по-прежнему остается критически важным элементом международной политики и национальной безопасности. Тем более это верно для Северо-Восточной Азии, которая характеризуется наличием целого ряда межгосударственных конфликтов с ярко выраженной военной составляющей.

Статья Андрея Губина логически продолжает этот тезис, предлагая углубленный анализ военно-морского фактора в стратегической обстановке в Северо-Восточной Азии. Автор делает вывод, что все три ключевые региональные державы, Япония, Китай и Южная Корея, активно наращивают свою военно-морскую мощь, рассчитывая тем самым более действительно обеспечить свою безопасность и национальные интересы.

Леонид Козлов сосредоточился на дилемме, с которой сталкивается Россия на своих дальневосточных рубежах. Автор полагает, что правительство России не проявляет заинтересованности в расширении связей своих восточных регионов с азиатскими странами. Такая позиция Москвы объясняется «охранительной» логикой: ограничение внешних связей российского Дальнего Востока снижает влияние на него соседних восточноазиатских стран и позволяет Центру сохранять полный контроль над восточными окраинами. Однако оборонительный вариант государственной политики, нацеливаясь на отражение внешних угроз, а не на интеграцию с потенциальными оппонентами, неизбежно тормозит развитие Дальнего Востока.

Статья Анатолия Кузнецова посвящена «безопасности человека». Этот концепт был запущен в оборот сравнительно недавно, в 1990-е годы, но уже успел прочно утвердиться в международном политико-академическом дискурсе. Он вошел в ряд документов ООН, стал важным принципом внешней политики ряда стран (Япония, Канада, Норвегия и др.). Признавая правомерность и перспективность концепта «безопасность человека», А. Кузнецов, тем не менее, подчеркивает, что он нуждается в более содержательном исследовании. Для этого мы должны выйти в новую исследовательскую область – антропологию международных отношений.

А.Л. Лукин

УДК 327

Лукин А.Л.

Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия

The Regional Security Complex Theory and East Asia

В статье рассматриваются основные положения теории комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вэвера. Основной акцент сделан на рассмотрении этой теории применительно к Восточной Азии. Высоко оценивая методологический потенциал теории Бузана-Вэвера, автор статьи предлагает дополнить ее некоторыми коррективами и модификациями.

Ключевые слова: теория комплексов региональной безопасности, Азия, Восточная Азия, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Китай, Россия, США

The article reviews the regional security complex theory developed by Barry Buzan and Ole Waever. The focus is on applying this theory to East Asia. Giving high assessment of the methodological potential of Buzan's and Waever's theory, the author proposes some correctives and modifications to it.

Key words: regional security complex theory, Asia, East Asia, Northeast Asia, Southeast Asia, China, Russia, the United States

1. Основные положения теории комплексов региональной безопасности

Сопряжение глобального и регионального уровней международной политики всегда было одним из камней преткновения в теории международных отношений. Большинство ученых концентрируется либо на глобальных мирополитических процессах, тем самым игнорируя региональную специфику, либо поглощены конкретным регионом, что зачастую ведет к недооценке общемирового системного контекста. Мало кому из исследователей удавалось создать целостную картину, в которой одновременно и глобальный, и региональный аспекты получили бы адекватное внимание.

На сегодняшний день наиболее эффективной и разработанной методологией анализа регионального измерения международной политики является теория комплексов региональной безопасности (ТКРБ). Ее авторы – британец Барри Бузан (*Barry Buzan*) и датчанин Оле Вэвер

(*Ole Waever*), основатели Копенгагенской школы международных отношений. В наиболее полном и завершенном виде они изложили ТКРБ в своей книге «*Регионы и державы: структура международной безопасности*» [3]¹. Хотя теория посвящена прежде всего проблемам безопасности, ее можно рассматривать и как инструмент анализа международной политики в целом. Это обусловлено тем, что именно проблемы безопасности образуют ядро международной политики.

Центральное место в теории Бузана-Вэвера занимает категория «секьюритизации». Это «дискурсивный процесс, в результате которого в политическом сообществе конструируется интересубъективное восприятие какого-либо процесса или субъекта в качестве экзистенциальной угрозы высокозначимому референтному объекту и признается необходимость неотложных и исключительных мер для отражения этой угрозы» [3, с. 491]². В современном мире в качестве подлежащих защите референтных объектов секьюритизации в большинстве случаев выступают государства-нации. Однако в качестве таковых могут выступать и другие объекты (права человека, окружающая среда, религия и т.д.).

Таким образом, угрозы безопасности не даны априори и объективно, «сами по себе». Они конструируются социальными субъектами в ходе политического процесса секьюритизации [3, с. 71]. Секьюритизацию в то же время не следует понимать как абсолютно произвольный и спонтанный процесс. На нее влияет ряд объективных и материальных условий. Способность секьюритизировать (то есть представить в виде угрозы) соседнюю страну зависит от продолжительности и интенсивности исторической вражды между двумя государствами, соотношения сил между ними и т.д.

Индикаторами интенсивности процессов секьюритизации могут выступать вооруженные конфликты, гонки вооружений, этнические чистки и другие чрезвычайные меры. Все регионы мира можно разделить на две основные группы – те, где доминируют военно-политические проблемы безопасности (Восточная и Южная Азия, Ближний Восток, в значительной степени постсоветское пространство), и те, в которых преобладают другие секторы безопасности (Северная и Южная Америка, Европа).

Главная идея ТКРБ состоит в том, что, несмотря на глобализацию большинство угроз безопасности в международных отношениях по-прежнему имеет территориальный характер и их степень напрямую зависит от географического расстояния. Бузан и Вэвер подчеркивают, что «ТКРБ – это теория безопасности, в которой географические факторы занимают центральное место» [3, с. 70]. Большинство государств испытывают озабоченность главным образом в связи с потенциалом и намерениями своих соседей. В силу этого отношения взаимозависимости в области безопасности обычно концентрируются в региональных кластерах – «комплексах безопасности». Бузан и Вэвер определяют региональный комплекс безопасности (РКБ) как «совокупность акторов, процессы секьюритизации и десекуритизации которых настолько взаимосвязаны, что проблемы безопасности этих акторов нельзя анализировать или решить отдельно друг от друга» [3, с. 44].

ТКРБ широко использует и конструктивистские, и реалистские под-

¹ Сами авторы утверждают, что их теория, возможно, является единственной существующей общей теорией региональной безопасности [1, с. 83].

² Секьюритизации противоположен процесс десекуритизации, в результате которого что-либо (кто-либо) перестает восприниматься в качестве экзистенциальной угрозы, либо степень этой угрозы понижается. Как правило, процесс десекуритизации носит непрямой характер, когда переключение внимания на другие проблемы уменьшает относительную значимость ранее секьюритизированного вопроса.

ходы. Конструктивистский компонент ТКРБ заключается в том, что она опирается на теорию секьюритизации, то есть на анализе общественно-политических процессов, посредством которых те или иные проблемы получают статус вопросов безопасности. Выраженная геополитическая составляющая, акцент на территориальность основных международных акторов (государств) и полярность в распределении сил между ними сближают ее с реализмом. Однако, в отличие от наиболее влиятельного направления современной реалистской парадигмы – неореализма, в котором основное внимание уделяется уровню глобальной системы, – ТКРБ делает упор на региональном измерении международной политики. Бузан и Вэвер критикуют неореализм за то, что он увел реалистскую теорию международных отношений «от геополитической и исторической конкретности в сторону абстрактной «системной» теории, которая оперирует «акторами», определяемыми как подобные и нелокализованные» [3, с. 69]. Тем самым, по их мнению, игнорируется базовая аксиома международной политика, состоящая в том, что государства по своей природе территориальны и немобильны.

Бузан и Вэвер подчеркивают, что региональные комплексы безопасности начинают формироваться только после 1500 года, то есть тогда, когда возникает глобальная система мировой политики. До этого рубежа динамика в сфере безопасности разворачивалась в рамках многочисленных и практически отдельных друг от друга локальных систем. Поскольку глобального общесистемного уровня еще не существовало, то эти отдельные системы еще не были региональными подсистемами, а по сути были самостоятельными «мирами».

С появлением глобальной системы входящие в нее РКБ прошли в своем развитии три этапа: 1) эпоха модерна – с 1500 по 1945 гг.; 2) холодная война и деколонизация – с 1945 по 1989 гг.; и 3) период после завершения холодной войны – с 1990 г. и дующийся по настоящее время. За эти пять веков, помимо возникновения глобальной международной системы, появилось и распространилось в качестве доминирующей политической формы суверенное территориальное государство европейского образца. При этом несколько наиболее могущественных государств ведут по-настоящему глобальную игру, проецируя свою мощь даже в отдаленные регионы. Но для подавляющего большинства государств международная политика безопасности ограничена кругом близких соседей, то есть региональным измерением.

После завершения холодной войны значение регионального уровня безопасности в международной политике заметно повысилось. Относительная автономия современных региональных комплексов безопасности радикально отличается от ригидной структуры биполярности сверхдержав времен холодной войны. Кроме того, окончание холодной войны ускорило наблюдавшийся уже с 1970-х годов процесс трансформации повестки безопасности в направлении повышения значимости невоенных проблем и акторов.

Основными игроками на глобальном уровне международной системы выступают «глобальные державы» – сверхдержавы и великие державы. Они определяют общесистемную структуру полярности мировой политики. Полярность региональных подсистем основывается на «региональных державах». Глобальный и региональный уровень безопасности соединяются посредством механизма «проникновения» (*penetration*) глобальных держав в региональный комплекс. Проникновение обычно заключается в том, что внешняя держава заключает альянсы с государствами, принадлежащими тому или иному комплексу. Логика баланса сил заставляет региональных соперников искать внешних союзников и тем самым региональное соперничество сопрягается с уровнем глобаль-

ной системы. Например, в годы холодной войны Пакистан был связан с США и КНР, а Индия поддерживала альянс с СССР.

Бузан и Вэвер считают, что в настоящее время существует девять в полной мере оформившихся региональных комплексов безопасности: 1) Восточноазиатский; 2) Южноазиатский; 3) Ближневосточный; 4) Южноафриканский; 5) Центральноеафриканский; 6) Североамериканский; 7) Южноамериканский; 8) Европейский; 9) Постсоветский. Кроме того, в Африке существуют предпосылки для формирования еще двух потенциальных комплексов – Западноафриканского и Африканского Рога.

Комплексы являются взаимоисключающими, то есть их границы не могут пересекаться и налагаться друг на друга. Одна страна не может быть участником сразу двух или более комплексов. Есть государства, которые, располагаясь на стыке между комплексами, не принадлежат ни одному из них. Бузан и Вэвер называют их «инсуляторами» (*insulators*). Например, Мьянма выступает в качестве инсультора между Южноазиатским и Восточноазиатским комплексами¹.

Комплексы региональной безопасности являются, как правило, весьма устойчивыми образованиями, однако для них не исключена возможность трансформаций. *Внутренние* трансформации происходят, например, в случае изменения характеристик полярности, враждебности/дружелюбия или в результате региональной интеграции. Внешние трансформации имеют место тогда, когда меняются – расширяются или сжимаются – границы комплексов, что ведет к изменению состава их участников. Именно это произошло, например, в 1990-е годы с Северо-Восточной и Юго-Восточной Азией, которые потеряли статус самостоятельных комплексов, слившись в единый Восточноазиатский комплекс.

Бузан и Вэвер формулируют также понятия «подкомплекса» и «суперкомплекса». Подкомплекс – это, по сути, подсистема в рамках комплекса региональной безопасности (например, Ближневосточный комплекс образован тремя подкомплексами – Левантом, странами Персидского залива и Магрибом). Суперкомплекс обозначает ситуацию, когда благодаря наличию одной или нескольких глобальных держав два или более комплекса демонстрируют сравнительно сильную и устойчивую межрегиональную динамику взаимодействия (например, Азиатский суперкомплекс, в котором Южная и Восточная Азия стягиваются воедино в силу китайского фактора).

Для классификации региональных комплексов безопасности Бузан и Вэвер используют категории «конфликтное образование» (*conflict formation*), «режим безопасности» (*security regime*) и «сообщество безопасности» (*security community*).

Конфликтное образование обозначает региональный комплекс, в котором войны и применение насилия в политических отношениях имеют существенную степень вероятности (например, Южная Азия, Ближний Восток). *Режим безопасности* – это комплекс, в котором угрозы войн и насилия все еще присутствуют, но значительно ограничиваются наличием общих норм и правил поведения (Южная Америка). *Сообщество безопасности* характеризует ситуацию, при которой акторы исключают возможность применения насилия в политических отношениях между собой (Европа, Северная Америка).

¹ Согласно теории Бузана – Вэвера, инсульторы следует отличать от «буферов». Буфер – это государство, расположенное внутри комплекса региональной безопасности и разделяющее соперничающие державы, принадлежащие этому же комплексу.

2. Комплексы региональной безопасности в Азии

2.1. Азиатский суперкомплекс

По мнению Бузана и Вэвера, Азия (под которой они понимают Южную и Восточную Азию) служит образцом традиционной военно-политической динамики в сфере безопасности. Азия выделяется тем, что в ней находятся две великие державы (Китай и Япония), а также Индия, которая вскоре может подняться до великодержавного уровня. Такое плотное соседство великих и региональных держав может быть сравнимо только с Европой. Причем наиболее уместно проводить параллели не с современной Европой, а с Европой девятнадцатого века, эпохи баланса сил.

Японию можно уподобить тогдашней Британии – самому развитому и богатому государству, отделенному своим островным положением от нестабильного континента. Китай, подобно Германии, представляет собой крупную, находящуюся в центре континента страну, которая демонстрирует быстрый рост мощи, имеет проблемы в отношениях с рядом своих соседей, характеризуется авторитарной политической системой и высокой степенью национализма. Как и в Европе девятнадцатого века, национализм в современной Азии очень силен, а либеральная демократия укоренилась лишь в небольшом числе стран. Бурная индустриализация означает, что уровни абсолютной и относительной мощи очень подвижны.

Однако, подчеркивают Бузан и Вэвер, у этой аналогии есть существенные ограничения. В отличие от Азии Европа не испытала травм колонизации и деколонизации. В Азии нет чего-либо похожего на европейский концерт держав, но в то же время она является частью глобального международного общества, созданного преимущественно Западом. В отличие от Европы девятнадцатого века нынешняя Азия существует в условиях ядерного сдерживания, поскольку четыре азиатские державы (Китай, Индия, Пакистан, Северная Корея) имеют ядерное оружие, а еще три государства (Япония, Южная Корея и Тайвань) практикуют «скрытое сдерживание» (*recessed deterrence*), то есть обладают способностью быстро приобрести ядерный статус, если стратегическая ситуация станет более угрожающей. Кроме того, в дела старой Европы, в отличие от сегодняшней Азии, не вмешивалась внешняя сверхдержава, у которой есть военно-политические обязательства по защите ряда азиатских стран и которая в целом выполняет функцию внешнего балансира. Следует учитывать и господствующий «дух времени»: либеральный *Zeitgeist* конца двадцатого – начала двадцать первого века весьма отличен от империалистической идеологии конца девятнадцатого века.

Поэтому, заключают Бузан и Вэвер, Азия отнюдь не обречена на повторение катастрофических европейских войн 1914-45 годов. Но имеющих черт сходства достаточно, чтобы предположить с высокой долей вероятности, что в течение нескольких следующих десятилетий в Азии будет господствовать классическая силовая политика, а использование военной силы будет рассматриваться как постоянно наличествующая возможность. Экономическое развитие является приоритетом не только с целью повышения благосостояния обществ, но и для усиления военной мощи.

Важно, что все азиатские государства являются постколониальными образованиями. Исключение составляют Япония, Китай и Таиланд, но даже они подверглись сильнейшему воздействию со стороны западного империализма. Однако в отличие от Африки и Западного полушария, где доколониальная история осталась в прошлом, в Азии она оказывает значительное влияние и после завершения колониализма. До вхожде-

ния в европоцентричную глобальную систему Азия имела свою собственную динамику безопасности. Так, для Восточной Азии главное значение имели циклы усиления-ослабления китайской империи.

Первый азиатский региональный комплекс безопасности возник в Северо-Восточной Азии в конце девятнадцатого века, а после Второй Мировой войны появились еще два комплекса – в Юго-Восточной и Южной Азии. Наличие великих держав приводит к тому, что, во-первых, межрегиональный уровень взаимодействия в Азии выражен значительно сильнее, и, во-вторых, региональная динамика Азии гораздо теснее связана с глобальным уровнем, чем это характерно для большинства других регионов. В силу тесной привязанности к глобальному уровню Азия, особенно Восточная Азия, выступала вторым после Европы по значимости полем соперничества сверхдержав во время холодной войны. Поэтому окончание биполярного противостояния имело очень важные последствия для Азии.

Разделение Азии на три региональных комплекса явилось результатом протяженной географии и низкой способности взаимодействия. Но с ростом абсолютной мощи азиатских государств и их способности к взаимодействию влияние географии ослабевает. В результате наблюдается тенденция неуклонного стягивания воедино трех комплексов, особенно Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и, в меньшей мере, между ними и Южной Азией.

После образования КНР Китай становится все более влиятельным не только в своем регионе – Северо-Восточной Азии, но и в Юго-Восточной и Южной Азии. Порожденная им межрегиональная динамика привела к формированию Азиатского суперкомплекса, где Китай является центром, хотя связи между Южной и Юго-Восточной Азией пока довольно слабы. Окончание холодной войны, повлекшее за собой значительное сокращение проникновения сверхдержав в Азию, привело к заметному повышению относительной мощи Китая и тем самым еще больше усилило процесс оформления Азиатского суперкомплекса. В 1990-е годы Юго-Восточная Азия превратилась из конфликтного образования в режим безопасности, а также претерпела внешнюю трансформацию, в результате чего она слилась с Северо-Восточной Азией, образовав единый Восточноазиатский комплекс¹. Южная Азия сохраняет свой статус самостоятельного комплекса, но по-прежнему привязана к Азиатскому суперкомплексу с Китаем в качестве центра². При этом в Южной Азии, благодаря длительной деградациии Пакистана и усилению Индии, наблюдается явная тенденция движения от региональной биполярности к однополярности.

Поскольку Китай, Япония и (потенциально) Индия являются глобальными державами, региональные процессы в Азии не только влияют на судьбы народов и государств континента, но и определяют контекст в рамках которого азиатские великие державы играют свою глобальную роль. Путь дальнейшей эволюции Азиатского суперкомплекса – сохранится ли он в качестве преимущественно конфликтного образования или же приобретет свойства режима безопасности – окажет огромное значение на способность Китая претендовать на статус сверхдержавы.

¹ По Бузану – Вэверу, нынешний Восточноазиатский комплекс состоит из подкомплекса СВА и подкомплекса ЮВА. В подкомплекс СВА входят КНР, Тайвань, Япония, Северная и Южная Корея. Монголия выполняет функции инсультатора, отделяя Восточную Азию от постсоветского пространства. Подкомплекс ЮВА охватывает 9 государств АСЕАН (кроме Мьянмы), Папуа – Новую Гвинею, Восточный Тимор, а также Австралию, которая присоединилась к Восточноазиатскому комплексу в 1990-е годы.

² Южноазиатский комплекс включает в себя Индию, Пакистан, Шри-Ланку, Бангладеш, Бутан и Мальдивские острова. Мьянма и Непал выступают в качестве инсультаторов между Восточноазиатским и Южноазиатским комплексами.

2.2. Восточноазиатский комплекс

Восточноазиатский комплекс, по характеристике Бузана и Вэвера, то появлялся, то исчезал на протяжении истории. Во время Второй Мировой войны и непосредственно перед ней имперские амбиции Японии объединили ЮВА и СВА в единое образование. Еще раньше циклы консолидации китайской мощи периодически сводили два этих региона в одно политическое пространство безопасности. Однако до имперского возвышения Японии и в периоды ослабления Китая СВА и ЮВА существовали отдельно друг от друга.

Во время холодной войны СВА подвергалась сильному воздействию глобального уровня безопасности, но все же сохранила собственную автономную динамику. Оправившись после Второй Мировой войны, Китай и Япония вновь начали играть роль великих держав. Сначала Китай с энтузиазмом воспринял эту роль, а затем и Япония – хотя она приобрела великодержавный статус скорее не в результате собственного стремления, а как следствие реакции других на ее экономической рост.

В ЮВА проникновение глобальных держав было еще более сильным, хотя автономная динамика и здесь полностью не исчезла. Холодная война повлияла на региональную bipolarization, где вплоть до конца 1980-х годов страны Индокитая во главе с Вьетнамом противостояли странам АСЕАН. Межрегиональные связи между двумя региональными комплексами Восточной Азии сохранялись благодаря вмешательству Китая в дела ЮВА.

В отличие от Южной Азии, на которую окончание холодной войны не оказало заметного влияния, для безопасности Восточной Азии это событие имело большое значение. Военно-стратегическая конфронтация холодной войны ушла в прошлое, но быстро увеличился относительный вес Китая, что в свою очередь побудило государство региона мыслить свою безопасность уже в масштабах Восточной Азии в целом. В первую очередь эти изменения коснулись стран АСЕАН, которые начали воспринимать себя как часть более обширной стратегической картины, не ограничивающейся лишь ЮВА.

С 1980-х в экономическом измерении, а с 1990-х годов уже в военно-политическом, государства СВА и ЮВА начали сливаться в единый РКБ. По мнению Бузана и Вэвера, водоразделом можно считать 1994-95 годы, когда был сформирован Асеановский региональный форум безопасности (АРФ), объединивший почти всех значимых акторов в Восточной Азии, а Вьетнам присоединился к АСЕАН. Помимо классической военно-политической динамики, обусловленной общей озабоченностью ростом могущества Китая, формирование единого комплекса стимулировала нарастающая экономическая интеграция, основанная на модели стаи летящих гусей во главе с Японией, а затем и на «большой китайской экономике» (сеть транснациональных экономических связей, контролируемая китайскими общинами). Так же как и в Европе, система американских альянсов в регионе сохранилась, но в Восточной Азии роль США как рефери и балансира (*ring-holder*) остается гораздо более выраженной, чем на противоположной оконечности Евразии.

Подобно Ближнему Востоку, состоящему из двух основных подкомплексов – Леванта и Персидского залива, Восточная Азия сохраняет два подкомплекса – СВА и ЮВА. В отличие от ЮВА, где после ухода СССР и значительного сокращения американского военного присутствия произошел переход от конфликтной bipolarности к режиму безопасности, в СВА ситуация изменилась не столь заметно. Динамика региональной безопасности здесь по-прежнему вращается вокруг трех проблем: непротые отношения Японии с соседями, напряженность в Тайваньском про-

ливе и ситуация между двумя Кореями.

Бузан и Вэвер отвергают взгляд, состоящий в том, что международные отношения в Восточной Азии имеют уникальную природу и к ним неприменимы общие теории международной политики¹. Они настаивают на том, что Восточная Азия вполне поддается анализу в терминах секьюритизации, реалистской политики и теории комплексов безопасности [3, с. 170]. Исходя из этого, Бузан и Вэвер рассматривают возможные сценарии для Восточной Азии и Азиатского суперкомплекса в целом.

По их оценке, в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть доминирования в регионе. Даже если Китай попытается воскресить систему регионального сюзеренитета, у него не хватит для этого ни материальных ресурсов, ни культурно-цивилизационной привлекательности, которой он некогда обладал. Подобно Европе в прошлом, в Азии сейчас слишком много сильных держав, чтобы одна из них могла подчинить себе все остальные. Существующая структура bipolarности в Восточной Азии выглядит довольно устойчивой, так как ни одно другое государство региона не сопоставимо с Китаем и Японией по своей мощи. Азиатский суперкомплекс является триполярным (третий полюс – Индия) и это тоже вряд ли изменится.

Южная Азия остается конфликтным образованием и ничто не указывает на то, чтобы она двигалась в направлении режима безопасности или сообщества безопасности. В Восточной Азии картина более нюансированная. ЮВА трансформировалась из конфликтного образования в режим безопасности, тогда как СВА пока остается конфликтным образованием. Шансы на то, что либо Восточная Азия, либо вся Азия смогут превратиться в сообщество безопасности, весьма невелики. Поэтому остаются два сценария: Восточная Азия может развернуться в конфликтное образование классического типа, либо перейти в режим безопасности. Каждый из этих сценариев скорее всего укрепит связи между динамиками безопасности Южной и Восточной Азии и тем самым расширит процесс внешней трансформации, который начался со слияния СВА и ЮВА. «Какой путь изберет Восточная Азия, – предрекают Бузан и Вэвер, – таким же путем пойдет и Азиатский суперкомплекс» [3, с. 174].

Учитывая конфликтотенциал Восточноазиатского комплекса, его эволюция в сторону конфликтного образования выглядит весьма возможной. Ключевым фактором здесь будет позиция Китая и США. Если Китай продолжит усиливать свою мощь и начнет вести себя агрессивно и если США сократят свое стратегическое присутствие в регионе, то конфликтное образование становится наиболее вероятным исходом. Более напористый Китай может также привести к активной вовлеченности Индии в Восточноазиатский комплекс в качестве элемента антигегемонистской коалиции, направленной против Пекина, а также спровоцировать нуклеаризацию Тайваня, Южной Кореи и Японии. Однако маловероятно, чтобы восточноазиатское конфликтное образование привело к крупномасштабной войне между великими державами – не только благодаря сдерживающему эффекту ядерных вооружений, но и из-за страха экономического ущерба. В то же время при этом сценарии велик риск более локализованных столкновений – на Корейском полуострове, в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море.

Второй сценарий – режим безопасности – отнюдь не означает, что отношения между акторами гармоничны и бесконфликтны. Конфликты

¹ Об уникальном характере международных отношений в Восточной Азии см.: James L. Richardson. *The Asia-Pacific: Geopolitical Cauldron or Regional Community* // National Interest. 1994. Vol. 38 (Winter). P. 2-13; Kishore Manbubani. *The Pacific Impulse* // Survival. 1995. Vol. 37, No1. Pp. 105-120; David C. Kang. *China Rising: Peace, Power and Order in East Asia*. New York: Columbia University Press, 2007.

существуют, но акторы готовы сотрудничать для их урегулирования. Для этого необходимо наличие таких условий, как согласие великих держав поддерживать статус-кво, желание избегать войны, а также взаимное ожидание того, что в случае возникновения споров их участники будут вести себя сдержанно [4, с. 360-362]. Несмотря на непростое историческое наследие, вполне возможно представить, что Восточная Азия трансформируется в этом направлении. Ключевые условия для реализации данного сценария таковы: 1) Китаю либо не удастся вырасти до уровня доминирующей в регионе державы, либо он эволюционирует в великую державу, которая воспринимается соседями относительно доброжелательно. 2) США сохраняют свое значительное вовлечение в безопасность региона в качестве внешнего балансира и рефери. Этот сценарий во многом зависит от успеха «десекуритизирующей логики экономического рационализма», а также прогресса в строительстве региональных институтов.

В конечном счете, полагают Бузан и Вэвер, веер реалистичных сценариев для Восточной Азии можно свести к довольно узкому спектру. Восточноазиатский комплекс почти непременно придет либо к более умеренному варианту конфликтного образования, либо к более слабым версиям режима безопасности. Только чрезвычайно агрессивный Китай и радикальная трансформация Японии (оба варианта труднообразимы) могут превратить регион в воющее конфликтное образование, каким была Европа до 1945 года и каковыми до сих пор остаются Южная Азия и Ближний Восток. Так же трудно представить, чтобы Восточная Азия могла стать прочным режимом безопасности, не говоря уже о сообществе безопасности. Движение в этом направлении может стать возможным, только если Китай станет демократическим и либеральным.

Бузан и Вэвер подчеркивают, что ключевое значение для Восточной Азии имеют Китай и США и состояние их отношений. Главный вопрос применительно к Китаю заключается в том, насколько быстро (или медленно) будет возрастать его мощь и в какой степени его поведение будет вызывать страх соседей по региону. Что касается США, все зависит от того, насколько сильно Вашингтон будет вовлечен в дела региона и в какой степени китайско-американское соперничество примет глобальное измерение. В обоих случаях ответы лежат во внутренней политико-экономической динамике развития каждой из этих стран.

3. Оценка теории Бузана – Вэвера и предлагаемые корректировки

Теория комплексов региональной безопасности Бузана и Вэвера несомненно заслуживает очень высокой оценки. Как нам представляется, ей в целом удалось решить крайне непростую задачу сопряжения глобального и регионального уровней международной политики. Сильной стороной теории является и то, что она носит межпарадигмальный характер. Авторы задействовали все основные направления современной международно-политической науки – реализм, конструктивизм, либерализм и даже отдельные концепции неомарксизма. При этом у них получилась довольно цельная и стройная теоретическая конструкция.

В то же время некоторые положения и концепты теории Бузана – Вэвера нуждаются, на наш взгляд, в уточнениях и корректировках. Так, несколько искусственным выглядит понятие «инсулятора», то есть государства, отделяющего друг от друга два региональных комплекса, но которое само не принадлежит ни одному из регионов. Даже сами авторы теории признают, что это понятие у них «недостаточно проработано» [3, с. 483].

Еще более серьезные сомнения вызывает тезис Бузана и Вэвера о том, что границы регионов не пересекаются и что актор может принадлежать *только одному* региону. Бесспорно, что в подавляющем большинстве случаев это так и есть – государства являются «резидентами» лишь в одном региональном комплексе. Но, по нашему мнению, из этого правила могут быть и исключения. Некоторые государства в силу своей геополитической природы могут быть участниками в двух или более регионах. В первую очередь, таким исключением является Россия. Согласно Бузану и Вэверу, Россия имеет собственный регион (постсоветское пространство), который вместе с регионом ЕС-Европа образует слабо связанный суперкомплекс. По отношению же к Восточной Азии, Россия выступает внешней державой. На наш взгляд, некорректно отказывать России в праве на членство в Восточноазиатском комплексе. Тем самым Бузан и Вэвер по существу отказываются от краеугольного принципа своей теории, то есть примата территориальности.

Наличие у России территорий, расположенных на восточной оконечности Евразии и непосредственно соприкасающихся с азиатскими странами уже само по себе делают ее восточноазиатским актором. Кроме того, Россия не просто пассивно присутствует в Восточноазиатском регионе – она вовлечена в процессы секьюритизации со своими соседями, что выражается, например, в стратегически неоднозначных отношениях с Китаем, наличии территориального спора с Японией, участии России в Шестисторонних переговорах и т.д. Можно также вспомнить, что Россия, утвердившись в конце девятнадцатого века на берегах Тихого океана, сыграла одну из ключевых ролей в создании регионального комплекса (в настоящее время – субкомплекса) Северо-Восточной Азии, то есть ее членство в этом регионе имеет исторические корни.

Компромисс между принципом территориальности и принципом эксклюзивности регионов может быть, как нам кажется, найден путем различения двух видов членства в региональном комплексе – *первичного* и *вторичного*. Почти всегда государства будут только первичными акторами, поскольку «имеют прописку» лишь в одном регионе. Однако некоторые страны, либо такого трансконтинентального размера как Россия, либо находящиеся на стыке регионов как Турция, могут быть «резидентами» в более чем одном регионе. Регион, который имеет для актора наиболее важное значение и где расположен его основной экономико-демографический потенциал, будет для него первичным. Соответственно, членство в остальных регионах может считаться вторичным. Таким образом, Россия будет первичным актором в регионе постсоветского пространства (а также в рамках европейско-постсоветского суперкомплекса). В Восточной же Азии она будет находиться на правах вторичного актора, поскольку ее приоритетность для России сравнительно ниже. Отказ от тезиса о безусловной эксклюзивности региональных комплексов не уменьшит аналитический потенциал теории Бузана – Вэвера, но зато позволит устранить некоторые явные несообразности в ней.

Следует заметить, что Россия не является единственным вторичным актором в Восточной Азии. В определенной мере свойствами вторичного актора в этом регионе обладают и США. Разумеется, географически США не являются частью региона, однако очень близко примыкают к нему благодаря таким территориям, как полуостров Аляска, Алеутские острова и остров Гуам. Это обстоятельство существенно повышает уязвимость США перед угрозами, исходящими из Восточной Азии. Например, ряд экспертов полагают, что уже сейчас Гуам находится в зоне досягаемости ракетно-ядерного удара КНДР [6]. Таким образом, поведение США в Восточной (прежде всего в Северо-Восточной) Азии может объясняться не только логикой глобальной сверхдержавы, но и с точки зрения ее оза-

боченностей в качестве «местной» державы¹. На региональную принадлежность США к Северо-Восточной Азии указывает также российский исследователь Алексей Воскресенский [1, с 24].

Рассматривая состав государств, образующих Восточную Азию, необходимо уточнить и статус Монголии. Бузан и Вэвер относят ее к разряду инсультаторов. Таким образом, Монголия является, по их выражению, «зоной безразличия» между двумя региональными комплексами – постсоветским и восточноазиатским. Возможно, что в 1990-е годы у Монголии действительно преобладали свойства инсультатора. Однако очевидно, что к концу 2000-х годов Монголия стала частью Восточноазиатского комплекса. Главная причина этого – значительное усиление монгольско-китайского взаимодействия и сопутствующий ему рост взаимной секьюритизации. С конца 1990-х годов Китай стал крупнейшим экономическим партнером Монголии. В 2009 г. на КНР приходилось свыше 70% монгольского экспорта и более 60% поступающих в страну зарубежных инвестиций. Такая степень экономической зависимости в сочетании с памятью о том, что еще менее века назад на Монголию распространялся суверенитет Пекина, порождает у монголов интенсивные страхи по отношению к южному соседу [5]. В свою очередь, КНР тоже секьюритизирует Монголию, рассматривая ее как важного поставщика сырьевых ресурсов и как страну, которая может быть превращена в элемент системы «стратегического окружения» Китая.

Еще одно необходимое, на наш взгляд, уточнение касается соотношения двух субкомплексов (СВА и ЮВА), составляющих Восточную Азию. Бузан и Вэвер по существу трактуют их в качестве равновеликих, что кажется не вполне правомерным². Учитывая очевидную разницу в геополитическом весе двух субрегионов, было бы правильнее рассматривать СВА в качестве основного субкомплекса Восточной Азии, а ЮВА – периферийного³.

Заслуживает также внимания вопрос об отношениях Азиатского суперкомплекса и Центральной Азии. Бузан и Вэвер отнесли Центральную Азию к разряду субкомплекса в составе постсоветского пространства. Они отметили растущее, особенно в экономической сфере, влияние Китая в Центральной Азии. По мнению Бузана и Вэвера, в случае ослабления российского влияния в этом субрегионе у Центральной Азии есть перспективы превратиться в самостоятельный региональный комплекс.

На наш взгляд, Центральная Азия продолжает быть частью постсоветского пространства, поскольку Россия пока остается здесь доминирующим игроком. Однако и присутствие Китая заметно усилилось. Как отмечает британский аналитик Бобо Ло, «влияние Китая в этом регионе сильнее, чем когда-либо со времен расцвета династии Цин в XVII-XVIII веках» [2]. Пристальное внимание Китая к соседней Центральной Азии

¹ Одним из признаков вовлеченности США в дела Северо-Восточной Азии на правах именно регионального игрока можно считать членство США в функциональных межправительственных структурах, которые занимаются вопросами экологической и морской безопасности региона, таких как Комиссия по анадромным рыбам в северной части Тихого океана (в нее также входят Россия, Япония, Южная Корея и Канада) и Форум береговых охран северной части Тихого океана (также включает в себя в Китай, Россию, Южную Корею, Японию и Канаду).

² Впрочем, один раз в своей книге Бузан и Вэвер все же обращают внимание на «доминирование Северо-Восточной Азии в Восточноазиатском регионе», которое «символизируется встречами «АСЕАН плюс Три»..., где АСЕАН уже не играет ведущую роль» [3, с. 160].

³ Здесь можно провести некоторую параллель с Ближним Востоком, где в качестве основных субрегионов выступают Левант и район Персидского залива, а Магриб второстепенен, а также с Южной Америкой, где Южной Конус (образуемый, прежде всего, Бразилией и Аргентиной) доминирует в сравнении с Андским Севером.

объясняется не только ее нефтегазовыми богатствами, но и озабоченностью транснациональными угрозами уйгурского сепаратизма и исламского экстремизма. Кроме того, Пекин пытается не допустить сценария, при котором Центральная Азия может быть использована его соперниками (прежде всего США) для создания угроз в тылу КНР. Повышенный интерес к Центральной Азии проявляют также Индия и Япония. Все это позволяет говорить о том, что страны Центральной Азии уже могут в определенной мере рассматриваться как часть Азиатского суперкомплекса, хотя для них членство в этом суперкомплексе пока является вторичным, менее значимым в сравнении с постсоветским, россицентричным регионом.

Лучший критерий валидности теории состоит в том, насколько сбываются ее прогнозы. В этом смысле теория Бузана – Вэвера легко поддается проверке, так как ее авторы значительное место уделили формулированию возможных сценариев развития ситуации как на глобальном, так на региональном уровнях. Поскольку с момента создания теории прошло уже десять лет, можно делать выводы о совпадении (расхождении) реальных процессов и тенденций с предсказаниями авторов.

Безусловно, подтверждается тезис Бузана и Вэвера о сохранении США в качестве единственной сверхдержавы и устойчивом характере региональной структуры мира. Пока нет признаков формирования новых регионов, либо значительной трансформации существующих. Все выделенные Бузаном и Вэвером регионы, так же как основные черты их динамики безопасности, продолжают сохранять актуальность.

Если говорить о Восточной Азии, на наш взгляд, оправдывается прогноз о том, что для этого регионального комплекса есть только два реалистичных сценария – либо усиление соперничества в духе силового балансирования (но не доходящее до большой войны), либо формирование умеренной версии режима безопасности. В полной мере подтверждается и тезис Бузана и Вэвера, что ситуация в регионе будет определяться прежде всего состоянием китайско-американских отношений.

В целом, оправдываются и прогнозы относительно усиления взаимодействия между Восточной и Южной Азией в рамках Азиатского суперкомплекса. Несколько удивлявшая Бузана и Вэвера в конце 1990-х годов низкая степень секьюритизации в отношениях между Индией и Китаем [3, с. 125], сменилась, как и следовало ожидать, существенным ростом взаимного восприятия друг друга в качестве угрозы¹. Именно эта обоюдная секьюритизация служит основным фактором, стягивающим Восточную и Южную Азию во все более плотный суперкомплекс.

Исходя из вышесказанного, Азиатский суперкомплекс сегодня представляют собой довольно сложное многосоставное образование. Его основу составляет Восточная Азия, в которой субкомплекс СВА (куда входит и Россия) играет значительно более важную роль, чем субкомплекс ЮВА. По мере роста индийско-китайского соперничества с Восточной Азией все теснее сопрягается Южная Азия. Наконец, к Азиатскому суперкомплексу постепенно притягивается и Центральная Азия².

¹ О нарастающих китайско-индийских противоречиях см., например: Geoffrey Barker. *Jostling Giants*. <http://inside.org.au/jostling-giants/> (Feb. 4, 2011); Брахма Челлани. Тень Китая над Азией и политика США// Россия в глобальной политике. 2010. № 6.; Emily Wax. As ties between India and China grow, so does mistrust // The Washington Post. Dec. 14, 2009. Tensions grow between India and China as Asia slips into cold war// The Times. Nov. 12, 2009; Indian hegemony continues to harm relations with neighbours// People's Daily Online. October 14, 2009.

² Некоторые исследователи даже полагают, что можно говорить о формировании единого регионального комплекса безопасности в Азии. А. Воскресенский называет его «Большой Восточной Азией», включая в его состав Центральную, Южную, Северо-Восточную и Юго-Восточную Азия [1, с. 26]. Об усилении тенденций к формированию

Подводя итог, следует сказать, что теория комплексов региональной безопасности Б. Бузана и О. Вэвера, с учетом некоторых корректировок, представляет собой мощный методологический инструмент, который помогает анализировать региональные международно-политические процессы и их взаимосвязь с глобальным контекстом.

Литература

1. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и энергетическая безопасность. М.: ЛЕНАНД, 2006. 128 с.
2. Ло Б. Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. Электронный ресурс. URL: <http://globalaffairs.ru> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]
3. Buzan B., Waever O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.
4. Jervis R. *Security Regimes // International Organization*. 1982. Vol. 36, No 2. P. 357-378.
5. Li J. Chinese Investment in Mongolia: An Uneasy Courtship between Goliath and David. Feb, 2, 2011. Электронный ресурс. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2011/02/02/chinese-investment-in-mongolia-an-uneasy-courtship-between-goliath-and-david/> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]
6. North Korea is fully fledged nuclear power, experts agree // *The Times*. April 24, 2009. Электронный ресурс. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/asia/article6155956.ece> [Дата обращения: 24.04.2011 г.]

УДК 327

Бурлаков В.А.

Военно-политическая составляющая геополитического анализа международных отношений в Северо-Восточной Азии

Military component of the geopolitical analysis of the international relations in
North-East Asia

Статья посвящена анализу военного потенциала в системе международных отношений в рамках региона Северо-Восточная Азия, рассмотрению современного состояния вооруженных сил стран региона и оценке защиты дальневосточных рубежей России.

Ключевые слова: *российский Дальний Восток, геополитика, геополитика России, военный потенциал, Северо-Восточная Азия*

The article is devoted to the analysis of military potential in system of the North-East Asia international relations, consideration of a modern condition of the armed forces of the countries of this region and estimation of protection of Russian Far East.

Key words: *Russian Far East, geopolitics, Russian geopolitics, military potential, North-East Asia*

Завершение «холодной войны» породило надежды на усиление невоенных форм разрешения межгосударственных конфликтов и снижение роли военного потенциала государств в реализации своих интересов. На первое место должны были выйти экономические достижения и технологические возможности, которые, как казалось, более приспособлены для решения государством своих геополитических проблем.

Однако данным надеждам не суждено было сбыться. С начала 1990-х годов по всему миру прокатилась волна жесточайших военных столкновений и конфликтов, сопровождавшаяся значительными человеческими жертвами и потоками беженцев.

Природа военного конфликта, конечно же, изменилась. Существенным отличием стал отказ от полномасштабного столкновения по типу второй мировой войны с использованием огромного количества танков, самолетов, ракет, а также ядерного оружия. Это привело к необходимости пересмотра способа и форм применения военной силы, к усилению

БУРЛАКОВ Виктор Алексеевич, к. полит. н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** viktor_burlakov@mail.ru

оборонительного компонента, к созданию более гибкой структуры самих вооруженных сил. Вместе с тем, военный потенциал продолжает оставаться одной из наиболее важных частей обеспечения национальной безопасности и проведения внешней политики.

В этой связи представляется достаточно обоснованным обращение к проблеме анализа военного потенциала стран Северо-Восточной Азии (и, вероятно, потенциала присутствующих в регионе Соединенных Штатов Америки), так как она напрямую затрагивает проблему обеспечения безопасности России на Дальнем Востоке.

На протяжении последних сорока лет в Северо-Восточной Азии не имели место вооруженные конфликты, однако регион продолжает оставаться взрывоопасным с военной точки зрения. Нарастание военного потенциала странами СВА может стать реальной причиной такого конфликта.

К числу конфликтогенных факторов в первую очередь следует отнести межкорейское противостояние на Корейском полуострове, неразрешенность китайско-тайваньской проблемы и целый комплекс взаимных территориальных претензий стран региона.

Следует заметить, что данные противоречия, за исключением прямых территориальных притязаний Японии к России, лишь опосредованно затрагивают интересы нашей страны в регионе. Прямых разногласий, реально способных привести к конфликту России с каким-либо государством СВА, не существует. Часто в качестве наиболее вероятной угрозы России в регионе называется Китай. Но такое столкновение в обозримом будущем носит скорее гипотетический, чем реалистический характер. Однако и опосредованное втягивание России в вероятные конфликты в регионе может иметь достаточно серьезные последствия.

Так межкорейское противостояние в последнее время обостряется появлением у Северной Кореи ядерного оружия и активными усилиями по созданию ее носителя. Усилия в рамках шестисторонних переговоров в целом не дают желаемого эффекта, а потому на сегодняшний день сохраняется вероятность обострения конфликта на Корейском полуострове с втягиванием в этот конфликт третьих стран (Китая, Японии, США). Прямого участия в этом конфликте Россия вероятнее всего избежит. Но сохранится возможность косвенного втягивания российской стороны в данный конфликт. Это может проявляться в следующем:

- использование территории российского Дальнего Востока (Приморского края) в качестве базы для диверсионной и партизанской войны. С высокой степенью вероятности можно говорить, что уже сегодня северокорейская сторона создает на сопредельных территориях России (возможно, и Китая) так называемы «схроны» (замаскированные и законсервированные базы и склады вооружения), которые могут быть использованы в случае военного конфликта;

- перемещение беженцев из вероятных районов боевых действий. Основной поток беженцев из Северной Кореи, вероятно, будет направлен в Китай, но частично беженцы будут перемещаться и на территорию России. Степень готовности китайской стороны к приему оценить крайне сложно. Относительно же российской стороны можно сказать следующее: в 2007 г. в Приморском крае проводились учения по приему беженцев из Северной Кореи в объеме до 100 тыс. человек, то есть такой сценарий развития событий представляется вероятным;

- возможность случайного поражения территории Дальнего Востока, например, баллистическими ракетами. Если же учесть наличие у КНДР ядерного оружия, такая возможность может рассматриваться как непосредственная угроза российской безопасности.

Втягивание России в китайско-тайваньское противостояние пред-

ставляется менее опасным. Однако и здесь важно учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, любой вариант военного конфликта между Китаем и Тайванем чреват перерастанием в полномасштабные военные действия с вовлечением Соединенных Штатов Америки. В этой ситуации непосредственное соседство с потенциальным театром военных действий уже представляется существенной угрозой.

Во-вторых, конфликт такого масштаба с большой долей вероятности приведет к дестабилизации политической ситуации в регионе. Результат такой дестабилизации предсказать практически невозможно. Совершенно очевидно, что сохранить строгий нейтралитет будет крайне сложно и для этого потребуются значительные военные ресурсы.

Помимо наличия совокупности конфликтогенных факторов в Северо-Восточной Азии следует учитывать военный потенциал стран региона. Если в Европе наметилась четкая тенденция к сокращению своих вооруженных сил, и большинство стран стремятся минимизировать затраты на оборону, то в США картина прямо противоположная. Если количественно страны региона и не увеличивают свои вооруженные силы, то прилагают максимальные усилия к их модернизации, затрачивая на эти цели все большую часть национального дохода.

Наиболее крупными по численности вооруженными силами в Северо-Восточной Азии, да и в мире в целом, на сегодняшний день обладает Китайская Народная Республика. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) также располагает самым многочисленным парком боевой техники и самолетов. (См. Таблица 1).

Анализируя военный потенциал Китая, нельзя не обратить внима-

Таблица 1
Вооруженные силы Китайской Народной Республики

Единицы военного потенциала \ Годы	2001	2003	2005	2007	2009
Военный бюджет, млрд \$	17,0	22,4	29,5	46,7	70,3
Численность ВС, млн чел.	2,310	2,350	2,255	2,105	2,285
Танки / легкие танки, шт.	8200 / 1200	7180 / 1500	7580 / 1000	7660 / <1000	6550 / <1000
БТР / БМП, шт.	58001*	45001*	45001*	35002* / 1000	33002* / 1140
Буксируемые орудия / самоходные орудия, шт.	14200 / нет данных	14000 / 1200	14000 / 1200	14000 / 1200	14000 / 1200
Боевые самолеты / боевые вертолеты, шт.3***	ок. 4685 / 425	ок. 4608 / 559	ок. 3548 / 578	ок. 3854 / 633	ок. 2784 / 764
Боевые корабли / десантные корабли, шт.	416 / 109	360 / 106	281 / 230	273 / 275	313 / 248
Подводные лодки (в том числе атомные)	73 (7)	69 (6)	72 (7)	63 (7)	65 (9)

Примечание: * БТР и БМП учтены вместе.

** В том числе 2500 гусеничных БТР.

*** В том числе соответственно самолеты морской авиации и вертолеты армейской и морской авиации.

Источник: [4, 5, 6, 7, 8.]

ние на ряд наметившихся тенденций. При сохранении постоянной численности своих вооруженных сил, Китай значительно увеличивает свой военный бюджет. В ближайшей перспективе тенденция вероятно сохранится. Так, в 2010 г. военный бюджет КНР составил 78 млрд долларов США [11], а в 2011 г. увеличится до 91 млрд долларов США [12]. При этом, озвучиваемые официальные цифры составляют лишь часть общих военных расходов Китая, так как не учитывают проекты, контролируемые китайскими военными, но формально не входящими в оборонный комплекс страны. Как отмечает военный эксперт Андрей Чанг, «реальные цифры больше официальных по меньшей мере в два раза» [11].

Значительный объем военного бюджета Китай расходует на перевооружение своих вооруженных сил, строительство новых подводных лодок, модернизацию ракетных войск и ядерного оружия. За последние десять лет можно наблюдать некоторое снижение количества боевой техники, что происходит главным образом за счет физически и морально устаревшей. Освободившееся место Китай активно заполняет более совершенными образцами вооружения. Обладая изначально низкой по качеству боевой техникой, Китай сегодня активно перевооружается, ориентируясь при этом на возможности собственного военно-промышленного комплекса. Если же китайская сторона и закупает вооружение и технику, то, как правило, для того, чтобы на основе иностранных образцов создать собственные типы вооружения. Обсуждаемое снятие Евросоюзом эмбарго на поставки вооружения в Китай, введенное в 1989 г. после событий на площади Тяньаньмэнь, только ускорит этот процесс.

Кроме того, в стране инициирован ряд серьезных военных проектов, таких как строительство собственного авианосца, создание противоракетной обороны, развертывание космических спутников системы глобального позиционирования, создание истребителя пятого поколения. При этом Китай в ряде проектов уже добился серьезных успехов.

Так 11 января 2011 г. поднялся в небо опытный образец китайского истребителя пятого поколения J-20. Безусловно, до серийного производства подобных самолетов еще далеко, но Китай наглядно продемонстрировал свои технологические способности, став третьей в мире страной (после США и России), ориентированной на создание и применение перспективного истребителя.

Следует учитывать, что истребитель пятого поколения – это достаточно специфическое вооружение. Во-первых, его создание само по себе затратно и требует высокого уровня технологического развития. А, во-вторых, истребитель пятого поколения – это главным образом наступательное оружие, предназначенное для завоевания господства в воздухе, прорыва противовоздушной обороны на театре военных действий и перехвата воздушных и морских армад. Большинству государств мира с их оборонными стратегиями такой истребитель просто не нужен. В силу этого, даже его небольшая стоимость (приблизительно «каких-то» 50-70 млн. долларов США [14]) не делают истребитель востребованным на мировом рынке вооружения.

Другим успешным военным проектом Китая стала реконструкция авианосца «Варяг», купленного в 1998 г. у Украины. Степень готовности «Варяга», однотипного с единственным современным российским авианосцем «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», на момент останков его строительства и консервации в 1992 г. составляла около 70%. По оценкам Управления морской разведки США, реконструкцию авианосца китайская сторона должна была закончить не ранее 2015 г. Именно поэтому сообщение агентства «Reuters» со ссылкой на неназванный источник в военном командовании Китая о том, что КНР может ввести авианосец в строй летом 2011 г., стало для всех полной неожиданностью

[13].

Реконструкцию авианосца «Варяг» следует рассматривать в первую очередь как создание некоей учебно-испытательной платформы, на которой будут испытываться в общем-то новые для китайцев технологические приемы строительства судов подобного класса и будут отрабатываться элементы военно-морской тактики их применения. Китай уже сделал следующий шаг к созданию в своих военно-морских силах мощной авианосной группировки. В 1999 г. появилась информация, что Китай на верфях в Шанхае заложил первый собственный авианосец проекта 9985 водоизмещением 48000 т. [22, с. 417]. Военные летчики уже сейчас отрабатывают взлет и посадку на палубу авианосца на специально построенной для этого имитации авианосной палубы в городе Ухань [1].

Можно констатировать тот факт, что все усилия Китая в развитии своего военного потенциала направлены на установление своего доминирования в Северо-Восточной Азии. Реализация перспективных военных проектов вкупе с имеющимся ядерным оружием в недалеком будущем должны вывести страну в региональные и, возможно, мировые лидеры.

Однако в настоящее время военные возможности КНР не так однозначны. Вооруженные силы Китая в целом качественно все еще отстают от своих ближайших конкурентов. Так, большую часть танкового парка (порядка 4000) составляют средние танки «тип-59», исходной моделью для которого стал советский танк Т-54А образца 1955 г. Самые современные китайские танки «тип-98», сопоставимые по своим боевым характеристикам с американскими М1А1 «Абрамс», поступают в войска в ограниченном количестве. На конец 2009 г. их насчитывалось около 250 штук, тогда как впервые они были продемонстрированы на параде 1 октября 1999 г. [22, с. 620].

Парк боевых самолетов КНР также в значительной степени формируется устаревшими образцами. Стратегическая бомбардировочная авиация представлена 92 самолетами Н-6 и Н-6U (аналоги советского дальнего бомбардировщика Ту-16, поступившего на вооружение советских ВВС в 1953 г.), а наиболее многочисленным (порядка 700) фронтовым истребителем является J-7, аналог советского легкого дневного фронтового истребителя МиГ-21Ф-13 образца 1960 г. Количество же более современных истребителей J-10 (собственная разработка китайских специалистов на основе МиГ-23 и шведского JAS-37 «Вигген») и J-11 (аналог Су-27) составляет порядка 240 единиц.

Кроме России Китай единственная страна региона, имеющая на вооружении военно-морских сил атомные подводные лодки. Основу морских стратегических ядерных сил составляют три атомные подводные лодки с баллистическими ракетами. При чем баллистические ракеты JL-2, установленные на ПЛАРБ проекта 094 «Дацынгуй», имеют дальность стрельбы 8000 км, что позволяет из района к северо-востоку от Курильских островов поражать до 75 % территории США [3, с. 51]. Однако такая подлодка у Китая только одна и перспективы появления новых подлодок подобного класса остаются весьма туманными.

Надводные силы ВМС Китая на $\frac{3}{4}$ состоят из малых кораблей и катеров разного назначения. Это определяет прибрежный оборонительный характер ВМС страны. Их основной задачей является защита территории Китайской Народной Республики от ударов с моря и обеспечение безопасности морских коммуникаций и промысловой деятельности, связанной с разработкой природных ресурсов в акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей [3, с. 39].

Значительные по количеству вооруженные силы мы наблюдаем и у Кореической Народно-Демократической Республики. Поступающие из этой страны данные, касающиеся ее военного потенциала, крайне скуд-

ны и противоречивы. Однако и они позволяют сделать некоторые выводы. Таблица 2 в общих чертах характеризует состояние и потенциал вооруженных сил КНДР.

Вооруженные силы Северной Кореи (Корейская Народная Армия)

Таблица 2
Вооруженные силы Корейской Народно-Демократической Республики

Единицы военного потенциала	Годы				
	2001	2003	2005	2007	2009
Военный бюджет, млрд \$	1,3	1,6	1,9	2,31*	2,31*
Численность ВС, млн чел.	1,082	1,082	1,106	1,106	1,106
Танки / легкие танки, шт.	40602**	3500 / 560	3500 / 560	3500 / 560	3500 / 560
БТР, шт.	<2500	<2500	<2500	<2500	<2500
Буксируемые орудия / самоходные орудия***, шт.	3500 / 44003	3500 / 44003	3500 / 44003	3500 / 44003	3500 / 44003
Боевые самолеты / боевые вертолеты, шт.	627 / 282	611 / 282	600 / 282	590 / 306	620 / 302
Боевые корабли / десантные корабли, шт.	304 / 266	329 / 277	335 / 267	348 / 260	291 / 260
Подводные лодки	88	79	83	63	63

Примечание: * Оценка на 2006 г.

** Общее количество основных боевых танков и легких танков.

*** Справочники дают следующий состав артиллерии: 10400 артиллерийских орудий (в том числе 3500 орудий буксируемой и 4400 самоходной артиллерии).

Источник: [4, 5, 6, 7, 8.]

отличаются высокой степенью централизации. По сути, все решения в сфере оборонной политики принимаются лично Ким Чен Иром, который является верховным главнокомандующим и возглавляет Государственный комитет обороны КНДР. Комитету подчинены Министерство народных вооруженных сил, Министерство народной безопасности, Министерство охраны государственной безопасности и военные резервные компоненты.

Кроме того, при численности вооруженных сил в 1,106 млн человек численность резерва Корейской Народной Армии достигает 4,7 млн человек. Он включает в себя контингенты различных военизированных формирований: Молодежная красная гвардия, Рабоче-крестьянская красная гвардия, народные охранные отряды и т.д. [8, 21].

Вместе с тем техническое оснащение северокорейских вооруженных сил остается крайне слабым. Основную массу вооружения и техники составляют давно устаревшие образцы, вряд ли способные достойно противостоять южнокорейской армии. Достаточно сказать, что, например, пятая часть танкового парка Северной Кореи составляют танки Т-34, а самые современные образцы военно-воздушного вооружения относятся к 1975 г. Не должно вводить в заблуждение и значительное число боевых и десантных кораблей и подводных лодок: кроме трех фрегатов, ВМС

страны вооружены катерами и малыми кораблями, а 41 подводная лодка относится к классу малых и сверхмалых.

Ограниченные экономические возможности данного государства позволяют удовлетворять текущие потребности армии в артиллерийско-стрелковом вооружении и отдельных образцах военного вооружения и техники. На корейских предприятиях изготавливаются запасные части для танков и самолетов. Большая часть корабельного состава военно-морских сил построена на северокорейских верфях. Однако провести полноценную модернизацию КНДР на сегодняшний день не в состоянии.

Параллельно, КНДР форсирует создание собственного ракетно-ядерного оружия. Дважды, 9 октября 2006 г. и 25 мая 2009 г., Северная Корея проводила ядерные испытания, дав понять мировому сообществу, что она обладает необходимыми компонентами для создания ядерной бомбы и претендует на место в «ядерном клубе». Американские эксперты полагают, что КНДР располагает количеством плутония, достаточным для производства не более 12 ядерных боеприпасов, и у КНДР вероятно нет технологий, позволяющих создать боеприпас, который можно было бы разместить в головной части ракеты [21].

С середины 1990-х гг. Северная Корея разрабатывает межконтинентальные ракеты «Тэпходон-1» с дальностью стрельбы до 2000 км и «Тэпходон-2» с дальностью стрельбы до 6700 км, что теоретически позволит достичь Гавайских островов.

Однако в случае вооруженного конфликта с Южной Кореей и ядерные боезаряды, и межконтинентальные ракеты вряд ли сыграют роль сдерживающего фактора. Вероятно, именно поэтому северокорейская доктрина активной обороны предусматривает широкомасштабное применение разведывательно-диверсионных подразделений, численность которых составляет порядка 88 тыс. человек [8, с. 77]. Даже если предположить, что эти Силы специальных операций – контингент наиболее подготовленных и отлично вооруженных солдат, то уже получится значительная армия. Умение проводить диверсионные операции делает эти силы отличным инструментом борьбы на уже оккупированной противником территории. Сегодня никто не может гарантировать, что необходимая для этого инфраструктура не создается как на территории КНДР, так и на территориях сопредельных государств, прежде всего, Китая и России. Данные обстоятельства в значительной степени затрудняют применение военной силы против Северной Кореи со стороны любого государства региона США.

Строительство вооруженных сил Республикой Корея всегда шло с учетом возможного военного конфликта с КНДР. В начале XXI века основным направлением военного строительства стало «создание современных компактных вооруженных сил, способных обеспечить безопасность государства в условиях динамично изменяющейся военно-политической обстановки на Корейском п-ове и в Восточной Азии в целом. С этой целью предусматривается достижение такого уровня боевых возможностей национальных ВС, который позволил бы им не только отразить внезапное нападение вероятного противника, но и нанести ему решительное поражение» [10, с. 12].

Оборонная политика Республики Корея всегда строилась в русле внешней политики Соединенных Штатов Америки. Союзнические отношения между этими странами столь близки, что в угрожаемый период и с началом вооруженного конфликта вооруженные силы Южной Кореи передаются под управление объединенного американо-южнокорейского командования, возглавляемого американскими военными.

На сегодняшний день военный потенциал страны таков, что позво-

Таблица 3
Вооруженные силы Республика Корея

Единицы военного потенциала \ Годы	2001	2003	2005	2007	2009
Военный бюджет, млрд \$	11,8	14,8	20,7	26,9	25,1
Численность ВС, тыс. чел.	683,0	686,0	686,7	691,0	687,0
Танки, шт.	2338	2330	2330	2330	2750
БТР / БМП, шт.	2320 / 40	2480 / 40	2480 / 40	2480 / 2040	2780 / 2040
Буксируемые орудия / самоходные орудия, шт.	3650 / 1050	3500 / 1090	3500 / 1089	3500 / 1089	3500 / 1089
Боевые самолеты / боевые вертолеты, шт.*	581 / 500	559 / 497	559 / 497	568 / 503	503 / 507
Боевые корабли** / десантные корабли, шт.	214 / 33	221 / 31	222 / 28	214 / 44	216 / 44
Подводные лодки (в том числе атомные)	20	20	20	21	13

Примечание: * В том числе соответственно вертолеты армейской авиации, самолеты и вертолеты морской авиации и вертолеты Морской полиции

** В том числе патрульные корабли и патрульные катера Морской полиции

Источник: [4, 5, 6, 7, 8.]

ляет в значительной мере самостоятельно сдерживать вероятную агрессию с севера. По количеству вооружения и техники Республика Корея уже сейчас практически не уступает КНДР, а по качеству многократно ее превосходит. Южнокорейская армия обладает также значительным (4,5 млн человек) резервом, что компенсирует и численное превосходство северян [8, с. 97].

В декабре 2009 г. в вооруженных силах страны была инициирована военная реформа. Ее основными направлениями стали: меры по расширению сил сдерживания, реорганизация военного ведомства и перспективы развития американо-южнокорейского союза [16, с. 17]. В частности, предполагается, во-первых, создать объединенную автоматизированную систему управления вооруженными силами, позволяющую точно определить местоположение цели в режиме реального времени, оперативно принять обоснованное решение и нанести ответный удар по цели. Во-вторых, расширить полномочия комитета начальников штабов и его председателя. В-третьих, согласовать с США возможность передачи южнокорейским вооруженным силам части обязанностей, ранее выполнявшихся американскими войсками, а в перспективе, к 2015 г. передачи Вашингтоном Сеулу функций оперативного управления своими вооруженными силами при ведении боевых действий на Корейском полуострове [16, с. 18-19].

Общая идея реформы состоит в том, чтобы создать более компактную армию, но способную более успешно и без помощи американского союзника решать задачи по обеспечению национальной безопасности. Поэтому реформа предполагает, с одной стороны, численное сокращение вооруженных сил с 687 тыс. человек до 500 тыс., а, с другой стороны, уве-

личение военных расходов на перевооружение с таким расчетом, чтобы к 2020 г. они составили 3,3 % ВВП [16, с. 20].

В целом, можно заметить, что значение военного потенциала в обеспечении национальной безопасности страны признается руководством Республики Корея в качестве определяющего.

Несмотря на небольшой количественный состав, вооруженные силы Тайваня отличаются достаточной высокой боеспособностью. Их строительство шло с учетом постоянной угрозы со стороны материкового Китая. Вероятно, именно поэтому при численности регулярных войск в 290 тыс. человек, резерв составляет 1657,5 тыс. [8, с. 84, 104]. Кроме того, Тайвань обладает значительными военно-морскими силами, способными на современном этапе противостоять ВМС Китая.

Вместе с тем, Тайвань более чем кто бы то ни был в регионе Северо-

Таблица 4
Вооруженные силы Тайваня

Единицы военного потенциала \ Годы	2001	2003	2005	2007	2009
Военный бюджет, млрд \$	8,2	6,6	8,32	9,58	9,78
Численность ВС, тыс. чел.	370,0	290,0	290,0	290,0	290,0
Танки / легкие танки, шт.	926 / 1005	926 / 905	926 / 905	926 / 905	926 / 905
БТР / БМП, шт.	1175*	950 / 225	950 / 225	950 / 225	950 / 225
Буксируемые орудия / самоходные орудия, шт.	1060 / 405	970 / 405	1060 / 405	1060 / 405	1060 / 405
Боевые самолеты / боевые вертолеты, шт.**	526 / 264	503 / 308	503 / 309	508 / 290	509 / 276
Боевые корабли*** / десантные корабли, шт.	158 / 320	160 / 321	158 / 318	200 / 306	200 / 327
Подводные лодки	4	4	4	4	4

Примечание: * БМП и БТР вместе.

** В том числе соответственно самолеты и вертолеты армейской и морской авиации.

*** В том числе патрульные корабли и патрульные катера Береговой охраны.

Источник: [4, 5, 6, 7, 8.]

Восточная Азия зависит от военной помощи Соединенных Штатов. Совершенно очевидно, что в случае полномасштабной военной операции Китая против Тайваня, последний вряд ли сможет долго продержаться без посторонней помощи. Все усилия тайваньского руководства по модернизации своих вооруженных сил или закупке новых образцов вооружения более или менее успешно блокируются со стороны материкового Китая.

В данной ситуации основные усилия руководства Тайваня в военной сфере сосредоточены на поддержании сложившегося по берегам Тайваньского пролива стратегического баланса, обеспечивающего существующий статус-кво. В соответствии с этим строительство вооруженных

сил острова осуществляется в направлении создания небольших по численности и боевому составу, оптимально сбалансированных, обладающих высокими боевыми возможностями армии и флота с хорошо обученным личным составом [2, с. 29].

Компактная армия Японии (Силы самообороны Японии) выгодно отличается высоким уровнем боеспособности и технического оснащения. Несмотря на достаточно жесткие конституционные ограничения на возможность применения своих вооруженных сил и на размер военного бюджета, японское правительство всегда уделяло им существенное внимание.

Первоначально союзнические отношения с Соединенными Штата-

Таблица 5
Вооруженные силы Японии

Единицы военного потенциала	Годы				
	2001	2003	2005	2007	2009
Военный бюджет, млрд \$	40,1	41,4	44,7	43,65	52,6
Численность ВС, тыс. чел.	239,8	239,9	239,9	240,4	230,3
Танки, шт.	1050	1020	980	900	880
БРМ / БТР / БМП, шт.	90 / 850 / 60	90 / 830 / 70	100 / 730 / 70	100 / 790 / 70	100 / 780 / 70
Буксируемые орудия / самоходные орудия, шт.	480 / 290	480 / 270	480 / 250	420 / 230	420 / 210
Боевые самолеты/ боевые вертолеты, шт.*	425 / 607	434 / 629	418 / 627	500 / 695	448 / 664
Боевые корабли / патрульные корабли и патрульные катера Департа- мента морской охраны / десантные корабли, шт.	55 / 344 / 20	61 / 333 / 25	60 / 378 / 26	63 / 339 / 25	59 / 339 / 25
Подводные лодки	17	18	18	18	16

Примечание: * В том числе соответственно самолеты и вертолеты армейской

авиации, самолеты и вертолеты морской авиации и самолеты и вертолеты Департамента морской охраны.

Источник: [4, 5, 6, 7, 8.]

ми строились по принципу: США обеспечивает полную военную безопасность страны и прикрывает ее своим «ядерным зонтиком», Япония предоставляет базы и частично финансирует их функционирование. Силы самообороны Японии при этом действуют только на территории страны и не участвуют в коллективной обороне, то есть не подчиняются никому иному командованию, кроме японского. Внешняя и оборонная политика страны были подчинены экономическим интересам нации. После окончания «холодной войны» Япония не пересмотрела ни принципы внешней политики, ни принципы строительства вооруженных сил, полагая, что лучше иметь избыточный военный потенциал, чем допустить возможность возникновения какой-либо внешней угрозы [17].

Определенные подвижки произошли после принятия 10 декабря 2004 г. «Программы национальной обороны», заменившей аналогичный документ 1995 г. В качестве потенциальных угроз были названы неопределенная обстановка на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, соседство с ядерными странами (Россией и Китаем) и разработка Северной Кореей ядерного оружия и баллистических ракет. Новым стало положение о необходимости отслеживания направленности и тенденций военного строительства Китая, что, по сути, могло означать официальное признание Японией угрозы со стороны Китая и стремление принять соответствующие меры противодействия [18, с. 16].

В ходе реализации данной программы начали осуществляться реформы в системе руководства вооруженными силами. Так, в марте 2006 года был создан объединенный штаб, основной задачей которого стала координация действий ВМС, ВВС и сухопутных сил японской армии. До момента его создания эти три компонента сил самообороны управлялись отдельными командованиями со своей системой управления. 9 января 2007 года Агентство обороны Японии было переименовано в Министерство обороны. Тем самым был существенно повышен статус Сил самообороны и возможности осуществления ими своих функций.

Другим следствием принятия программы стало повышенное внимание к системе противоракетной обороны. Еще в декабре 2004 г. США и Япония подписали договор о взаимопонимании, ставший основой для сотрудничества в сфере ПРО. На сегодняшний день наземным элементом региональной системы ПРО являются 24 батареи американского зенитно-ракетного комплекса «Пэтриот», а морским – 6 эсминцев (4 типа «Конго» и 2 типа «Асаго»), оснащенных системой «Иджис». При этом только Японии США допустили к участию в разработке американских корабельных зенитных управляемых ракет «Стандарт», являющихся составной частью противоракетного оружия [19].

В целом же следует отметить, что основной тенденцией развития Сил самообороны Японии в последнее время стало стремление руководства страны превратить их в полноценные вооруженные силы. Это, в свою очередь, должно повысить военные возможности государства в реализации национальных интересов. С приходом к власти в 2009 г. Демократической партии Японии данная тенденция несколько замедлилась, но несколько не изменилась.

Малочисленность вооруженных сил Японии, Южной Кореи и Тайваня в значительной степени компенсируется военным присутствием в регионе Соединенных Штатов Америки.

В Северо-Восточной Азии США формируют своего рода систему безопасности, состоящую из американо-японского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности (заключен в сентябре 1951 г., в 1961, 1971 и 1997 гг. договор продлевался и частично пересматривался) и американо-южнокорейского Договора о взаимной обороне (подписан 1 октября 1953 г.). Кроме того, 2 декабря 1954 г. был заключен американо-тайваньский Договор о взаимной обороне, но в 1978 г. он был денонсирован и официальные отношения с Тайбэем были преобразованы в неофициальные. Заменой договора стал принятый в 1979 г. Конгрессом США Закон об отношениях США с Тайванем, в соответствии с которым последний получил неофициальные гарантии на случай чрезвычайных ситуаций в зоне соприкосновения с Китайской Народной Республикой. В соответствии с этой системой договоров США берет на себя обязательства по обеспечению военной безопасности своих союзников, для чего получает возможность размещения своих военных баз на их территориях (кроме Тайваня).

В рамках структуры оперативного управления вооруженных сил

США регион Северо-Восточная Азия входит в зону ответственности Объединенного командования вооруженных сил США в зоне Тихого океана (U.S. Pacific Command – USPACOM). Помимо СВА зона ответственности данного командования включает акватории Тихого, Северного Ледовитого (к западу от 1690 западной долготы и к востоку от 1000 восточной долготы) и Индийского (к востоку от 420 восточной долготы) океанов, Антарктиду, Австралию, территории Японии, Республики Корея, КНДР, Китайской Народной Республики, Монголии, стран Юго-Восточной Азии и южную часть Азиатского материка до западной границы с Индией. В географическом отношении это самая большая зона ответственности среди американских объединенных командований [9, с. 4].

В подчинении данного объединенного командования находятся вооруженные силы общей численностью порядка 300 тыс. человек, четыре воздушные армии, два оперативных флота, одна армия, один армейский корпус и две дивизии сухопутных войск, одна экспедиционная дивизия морской пехоты, свыше 800 боевых самолетов, 320 орудий и минометов, до 150 танков, около 100 боевых кораблей, включая один авианосец. Они сведены в штабы и командования пяти компонентов: Тихоокеанского флота, сухопутных войск, ВВС, сил специальных операций и морской пехоты в зоне Тихого океана. Численность вооруженных сил, подчиненных объединенному командованию, не является постоянной и может меняться в зависимости от сложившейся военно-стратегической ситуации. Кроме того, силы командования могут как дополняться войсками других командований, так и передавать им свои войска.

Военное присутствие России в Северо-Восточной Азии выглядит более чем скромным. 22 октября 2010 года был сформирован Восточный военный округ (официально начал работать с 1 декабря 2010 г.), в который вошли территории бывшего Дальневосточного военного округа, а также Республика Бурятия и Забайкальский край, ранее входившие в Сибирский военный округ. Под управление округа был передан Тихоокеанский флот и 3-е Командование ВВС и ПВО, созданное на основе 11-й армии ВВС и ПВО. Первоначально планировалось именовать новообразованные военные округа объединенными стратегическими командованиями (ОСК), но затем оставили термин ОСК на период военной угрозы. Именно на новый округ была возложена задача обеспечения безопасности России на Дальнем Востоке [15, с. 32-36].

Эти меры стала очередными в инициированной в октябре 2008 г. министром обороны Российской Федерации А. Сердюковым полномасштабной реформе российских вооруженных сил. В ходе этой реформы сухопутные войска были реформированы в соответствии с так называемым «новым обликом», кардинально реструктуризированы военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны, подвергся реформированию военно-морской флот. Процесс реформирования российских вооруженных сил еще не завершен, поэтому общая картина военного строительства на Дальнем Востоке еще не ясна.

На сегодняшний день в составе Восточного военного округа имеется 1 пулеметно-артиллерийская дивизия, 1 танковая, 10 мотострелковых, 1 десантно-штурмовая, 1 воздушно-десантная, 3 ракетных, 3 артиллерийских, 1 реактивно-артиллерийская, 1 прикрытие, 3 зенитно-ракетные бригады, 12 баз хранения СВ, 5 авиабаз, 2 бригады воздушно-космической обороны ВВС. На вооружении у них 36 ПУ ТР «Точка-У», около 600 танков, 1,8 тыс. БМП и БТР, 900 артиллерийских орудий, 300 минометов, более 400 РСЗО, 500 ПТРК, 200 ЗРК СВ, около 300 ЗСУ, ЗРПК и зенитных орудий, 120 бомбардировщиков Су-24, 30 штурмовиков Су-25, около 180 истребителей Су-27, МиГ-29 и МиГ-31, 30 ударных вертолетов Ми-24, 22 дивизиона ЗРК «Бук» и С-300ПС. Из этого коли-

чества 200 танков, 600 БМП и БТР, 650 орудий и минометов, 200 РСЗО, около 300 ПТРК, около 250 средств ПВО находятся на базах хранения. Также скромно выглядят силы Тихоокеанского флота, которые составляют 12 подводных лодок (из них 5 атомных), 1 крейсер, 1 эсминец, 4 больших противолодочных корабля, 4 ракетных катера, 1 тральщик, и еще ряд кораблей [20].

Существенной проблемой российских вооруженных сил является процесс устаревания техники и вооружений. Танковый парк сухопутных войск практически не обновлялся последние пятнадцать лет, совершенно не обновлялся корабельный состав Тихоокеанского флота. К числу наиболее существенных достижений российской оборонной промышленности можно отнести демонстрацию 29 января 2010 г. прототипа истребителя пятого поколения Перспективного авиационного комплекса фронтовой авиации (ПАК ФА) Т-50. Однако перспективы реализации данного проекта, а главное начало его производства, остаются весьма туманными. Неясной остается и перспектива нового ракетного подводного крейсера стратегического назначения проекта 955, головной корабль которого «Юрий Долгорукий» проходит испытания. Ракетный комплекс Р-30 «Булава», являющийся основным оружием РПКСН, на данный момент находится на стадии разработки. А ведь подлодки именно этого проекта должны усилить стратегические ядерные силы России на Тихом океане. Единственным усилением Тихоокеанского флота может стать французский универсальный десантный корабль-вертолетоносец типа «Мистраль». Соглашение о покупке двух кораблей данного типа (один для ТОФ) состоялось в феврале этого года.

В такой ситуации вряд ли приходится рассчитывать на адекватное обеспечение безопасности Российской Федерации на дальневосточных рубежах.

Анализируя военно-политическую ситуацию в Северо-Восточной Азии в целом, можно констатировать, что в современных условиях значение военного потенциала не только не ослабевает, но и усиливается. В отличие от европейских стран страны СВА не собираются отказываться от вооруженных сил, как от средства достижения своих интересов. На сегодняшний день в регионе сложился хрупкий баланс сил, когда ни одно государство региона (или присутствующее в регионе) не обладает достаточным военным потенциалом, способным обеспечить его доминирование. Усилия по увеличению военной мощи каким-либо государством СВА уравниваются адекватными мерами со стороны других государств. Нарушение данного баланса чревато возникновением серьезных конфликтов с широкомасштабным применением вооруженных сил.

В этой связи учет геополитического значения военного аспекта способствует лучшему пониманию сложившейся политической ситуации в регионе, помогает выстраиванию адекватного вектора политики обеспечения национальной безопасности. Особенно это важно для России, вынужденной свертывать свой военный потенциал и искать новые подходы к обеспечению своей восточноазиатской политики.

Литература

1. Блинов А. Китай сделал оружие из бетона. // Независимая газета.

2011. 15 февраля.

2. Вадимов В. Сухопутные войска Тайваня. // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 3. С. 29-34.

3. Ведерников Ю.В. Красный дракон: современные военно-морские силы Китая. Владивосток, 2007. 140 с.

4. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 1. С. 41-64.

5. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. 2004. № 4. С.55-80.

6. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. 2006. № 2. С. 49-80.

7. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 7. С. 76-111.

8. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 7. С. 66-111.

9. Вяземский В. Объединенные командования вооруженных сил США. // Зарубежное военное обозрение. 2003. № 3. С. 2-8.

10. Дюжев А. Состояние и перспективы развития вооруженных сил Республики Корея. // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 12. С. 12-17.

11. Завадский М. Семь игрушек и семь противников. // Эксперт. 2010. № 12. 29 марта – 4 апреля.

12. Китай вернется к двузначному росту военного бюджета. // Lenta.ru Электронный ресурс. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/03/04/defense/> [Дата обращения: 4.03.2011].

13. Китай может ввести в строй бывший «Варяг» летом 2011 года. // Центральный Военно-Морской портал. Электронный ресурс. URL: <http://www.flot.com/news/navy/> [Дата обращения: 24.12.2010].

14. Мясников В. «Дракон» пятого поколения встает на крыло. // Независимое военное обозрение. 2011. 21 января.

15. Новая армия России: сб. ст. Под ред. М.С. Баранова. М., 2010. 168 с.

16. Сидоров П. Перспективы развития вооруженных сил Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 9. С. 17-27.

17. Тебин Н., Шлындов А. Япония не изменяет «принципам Ёсида». // Независимое военное обозрение. 2011. 25 февраля.

18. Тульский Е. Новая программа национальной обороны Японии. // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 9. С. 16-18.

19. Храмчихин А. Силы самообороны наедине с землетрясением и цунами. // Независимое военное обозрение. 2011, 25 марта.

20. Храмчихин А. Четыре вектора российской обороны // Независимое военное обозрение. 2010. 21 мая.

21. Цыганок А.Д. Рать Ким Чен Ира. // Независимое военное обозрение. 2006. 20 октября.

22. Чуприн К.В. Военная мощь Поднебесной: Вооруженные силы КНР (справочник). Минск, 2006. 840 с.

УДК 327.8, 359

Губин А.В.

Военно-морской фактор в национальной безопасности стран Северо-Восточной Азии

Naval Issues of National Security in the North-East Asia

Техническое развитие военно-морских сил Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея и совершенствование концепции их применения непосредственно влияют на стратегии национальной безопасности данных стран и проведение ими внешней политики. Три ведущих государства региона, так или иначе, готовятся к ведению активных действий на море.

Ключевые слова: *национальный интерес, региональная безопасность, военно-морские силы, Северо-Восточная Азия*

Technical development of the PRC's, ROK's and Japanese Navies as well as the concept of deployment and application directly influence their national security strategies and conducting of their foreign policies. Three of the most powerful regional states are one way or another preparing for decisive actions in the Sea.

Key words: *national interest, regional security, navy, North-East Asia*

Сегодня Азия в целом, а также Восточная Азия и Азиатско-Тихоокеанский регион играют все более значимую роль в мировой экономике и политике. Новые региональные процессы становятся стимулом трансформаций в макрорегиональном комплексе «Большой Восточной Азии», что оказывает существенное влияние на глобальный политический процесс [2, с. 6].

Современная обстановка в Северо-Восточной Азии характеризуется ограниченной стабильностью. Очевидно, что, несмотря на многосторонние меры по укреплению безопасности, конфликтный потенциал региона растет. Основные государства региона, так или иначе, вовлечены в три опасных (с точки зрения военных потенциалов противостоящих сторон) «холодных» конфликта: «корейский», «тайваньский» и «курильский». Переход Китая из статуса относительно замкнутой конти-

нентальной державы в статус крупнейшей экономики мира, стремящейся обезопасить свои морские коммуникации и энергетические артерии, неизбежно вызовет конфликты с США, Японией, Индией [2, с. 22].

Япония, испытывая перманентный внутренний политический кризис в течение последних 5 лет, и, столкнувшись с неблагоприятными последствиями мирового финансового кризиса, крайне заинтересована в укреплении собственных позиций. Как ни парадоксально, но и в современном, «гуманном» мире главной надеждой Токио и основным гарантом безопасности является военно-морской флот.

Республика Корея традиционно была скорее номинальным актором тихоокеанской системы безопасности, чья роль сводилась только к сдерживанию КНДР, в том числе с помощью американского военного присутствия. Сегодня политические намерения Сеула идут дальше, чем конфронтация с Севером, поскольку для гарантированного обеспечения собственной безопасности «зонтика» США не хватает. Более того, страна испытывает явное неудовольствие от укрепления Японии и настороженно относится к попыткам Китая выйти из прибрежной морской зоны в мировой океан.

В современном мире прямое вооруженное столкновение ведущих мировых и региональных держав практически невозможно. Поэтому актуальна сегодня концепция «морской мощи», предложенная еще в конце XIX в. американским адмиралом Альфредом Мэханом, и созданная на ее основе стратегия экономической блокады с использованием средств военно-морского флота – «стратегия анаконды» [4]. Традиционно главным адептом стратегии в XX веке были США, но по мере усиления фактора регионализма в глобальном политическом процессе она активно перенимается и другими странами, способными создать мощный военно-морской флот для защиты собственных и блокирования вражеских коммуникаций.

Цель работы – дать оценку развитию военно-морских сил Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея с точки зрения обеспечения их национальных интересов.

Военно-морские силы

Народно-освободительной армии Китая (ВМС НОАК)

С конца 1980-х годов Китай пытается создать «флот открытого моря» – военно-морские силы, способные действовать в океанских просторах. Модернизация ВМС обусловлена, во-первых, возможным конфликтом с Тайванем, во-вторых – необходимостью защиты протяженных торговых коммуникаций. В условиях углубления мирового кризиса ВМС НОАК становится особенно важным в плане обеспечения безопасности коммерческого судоходства в китайских интересах в любой точке Мирового океана и защиты зон рыбной ловли.

Численность личного состава ВМС около 250 000 чел., силы разделены на три флота – Северный, Восточный и Южный. Каждый из флотов имеет надводные корабли, подводные лодки, морскую авиацию (базовую), силы береговой охраны. Организационно командование флота подчиняется Генштабу НОАК и Центральному военному совету [8, с. 84].

В числе наиболее боеспособных боевых кораблей – современные эскадренные миноносцы (ЭМ) типа «Лоян-2». Две единицы вошли в состав флота в 2004-м и 2006 г. соответственно. Эсминцы оснащены интегрированной электронной системой обнаружения и управления оружием с фазированной антенной решеткой по образцу американской системы «Иджис». Корабли данного типа могут поражать надводные цели на

дальности 300 км, воздушные – 150 км. Стоимость эсминцев более 800 млн. долл. каждый. Они могут выполнять весь спектр задач по борьбе с воздушным и надводным противником, а также функции корабля управления в ударных группах.

Высокой боеспособностью обладают корабли российской постройки «Ханчжоу» и «Фучжоу» (вошли в состав флота в конце 1990-х годов), а также «Тайчжоу» и «Нинбо» (вновь построенные специально для Китая, вошли в состав в 2005-м и 2006 г.). Стоимость сделок составила более 2,1 млрд. долл. Ударную мощь составляют сверхзвуковые противокорабельные ракеты (ПКР) с дальностью до 200 км. Зенитная система может поражать цели в радиусе 50 км. Главная задача – уничтожение крупных надводных кораблей противника. При этом их ракеты при залповом пуске крайне затруднительно перехватить любой из существующих в мире систем ПВО.

Китай долгое время не был готов к проведению полноценной десантно-высадочной операции из-за отсутствия специализированных кораблей. Вместе с тем о намерении устранить данный пробел в военно-морской доктрине свидетельствует ввод в строй в 2007 г. универсального десантного корабля «Юйчжао». В составе ВМС НОАК имеется и до 27 больших десантных кораблей новых типов, которые начали поступать на вооружение с середины 1990-х годов [8, с. 84]. Сегодня Китай может достаточно эффективно использовать потенциал бригад морской пехоты и высаживать десант на неподготовленное побережье.

Крайне мало точных сведений о подводном флоте ВМС НОАК, особенно его атомной составляющей. Первая китайская подводная лодка с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) «Ся» вступила в строй в 1987 г. и оснащена 12 баллистическими ракетами (БРПЛ) «Цзюйлан-1» дальностью до 2 500 км, согласно данным военной разведки США, в настоящее время она постоянно пребывает в базах, а не на боевом дежурстве.

29 мая 2008 г. ВМС провели в Желтом море испытания БРПЛ «Цзюйлан-2» (дальность 8 000 км), предназначенной для размещения на борту новых ПЛАРБ типа «Цзинь» (12 ракет). Новые ракеты способны нанести удар по территории США, достичь Индии. Первая из лодок типа «Цзинь» спущена на воду в 2004 г. В мае 2007 г. на снимке Google Earth на базе Хулудао были видны новые субмарины [17]. По некоторым сведениям на юге острова сооружается крупная подземная база подводных лодок полностью закрытая для слежения из космоса. В начале 2010 г. сообщалось о наличии у КНР пяти стратегических ракетноносцев [9, с. 55].

Многоцелевые атомные подводные лодки (АПЛ) представлены новейшими субмаринами типа «Шан». Корабль вооружен торпедами, противокорабельными ракетами российских образцов, наличие на борту ядерных боеприпасов не подтверждено. Лодки данного типа предназначены для уничтожения вражеских субмарин, атаки авианосных ударных групп и соединений кораблей противника на дальности до 100 км. Для нанесения ударов по наземным целям они могут быть вооружены крылатыми ракетами морского базирования [9, с. 55]. По данным оборонного ведомства США, к 2010 г. число таких АПЛ может составлять от трех до восьми (неизвестен уровень технологической готовности строящихся кораблей).

КНР уделяет большое внимание дизельным подводным лодкам (ДПЛ), способным эффективно действовать в прибрежных водах. Самыми современными и, пожалуй, одними из самых передовых в мире являются лодки типа «Юань» (в состав флота в 2007-м и 2008 г. вошли две единицы, планируется довести общее количество до 10). Лодка оснащена уникальной воздухонезависимой силовой установкой, что позволило

существенно снизить уровень шума и увеличить время нахождения под водой по сравнению с большинством мировых аналогов. Субмарина вооружена торпедами и противокорабельными ракетами подводного старта дальностью до 120 км. При строительстве кораблей активно используется передовой немецкий опыт.

Одним из часто обсуждаемых в военной прессе вопросом является возможное строительство Китаем авианесущих кораблей. В распоряжении Пекина имеются несколько списанных или недостроенных авианосцев – «Мельбурн», «Киев», «Минск» и «Варяг». Наиболее передовым, но и наименее оснащенным является последний, купленный на Украине за 20 млн. долл. в 1998 г. Наиболее вероятным место постройки собственного авианосца в Китае является верфь «Вайгаоцяо» в Панхае, причем по некоторым данным Китай должен был начать постройку корабля еще в 2009 г. [12]. Но пока достоверных сведений, подтверждающих начало работ, не имеется. По некоторым данным, военное командование страны при формировании концепции авианосных соединений остановило свой выбор на строительстве двух кораблей водоизмещением до 60-65 тыс. т, на которых смогут разместиться по 50 летательных аппаратов. Вступление в строй возможно к 2020 г., силовая установка при этом может быть атомной [11, 19].

В КНР ведутся работы по созданию собственного палубного истребителя. В 2006-2007 г. «Рособоронэкспорт» проводил переговоры с китайской стороной о поставке 50 палубных истребителей Су-33 на сумму 2,5 млрд. долл. Но известно только, что Китай приобрел четыре комплекта посадочного оборудования для истребителей в экспериментальных целях, а также все необходимое для постройки тренировочного комплекса «Нитка» – натурной модели палубы авианосца. Также в 2007 г. Китай закупил на Украине один самолет Т-10К – опытный образец палубного Су-27. Цель покупки – изучить особенности самолета авианосного базирования [6, с. 80]. По всей видимости, Россия отвергла предложение о поставке Су-33, опасаясь утечки технологий, как это уже произошло с самолетом J-11В – копией Су-27. Не исключено, что Китай в этом случае может самостоятельно попытаться создать палубный истребитель [3, с. 77].

Китай уделяет внимание снабжению боевых кораблей в океанских водах и строит специализированные быстроходные транспорты и танкера. В случае необходимости тылового обеспечения десантной операции может быть привлечено и значительное количество ролкеров и контейнеровозов торгового флота.

ВМС НОАК проходят трехступенчатую модернизацию. Во-первых, необходимо создать силы, достаточные для действия в пределах первой цепи островов – Японские, Тайвань, Филиппины. Во-вторых, необходимо создать ВМС регионального уровня, которые могут действовать в пределах второй линии островов – Гуам, Индонезия, Алеутские. В-третьих, китайский флот должен быть в итоге в состоянии выполнять задачи в любой точке Мирового океана и являться главной военно-морской силой в мире к середине XXI века.

В качестве новых стратегических угроз, которым должен будет противостоять флот, рассматривается конфликт с Америкой Японии вблизи Тайваня и в Южно-Китайском море. Новая подземная база на Хайнане может представлять собой плацдарм для оспаривания американского превосходства на море в данном регионе. Существенный вклад в это может внести и планируемое постоянное базирование китайской авиации на Парасельских островах.

По мере того как Китай набирает мощь, его влияние в АТР будет расти, и одним из главных инструментов увеличения потенциала будут

ВМС НОАК, способные обеспечивать интересы безопасности и экономического развития и вне региона.

Морские силы самообороны (МССО) Японии

Долгое время считалось, что силы самообороны Японии на море способны выполнять лишь противолодочные, противоминные и патрульные задачи для защиты морских торговых путей и исключительной экономической зоны. Вместе с тем, современные тенденции свидетельствуют об их комплексном развитии с использованием новой элементной базы с упором на нехарактерные ранее типы кораблей и вооружений в рамках обновленных стратегических установок. Сегодня существенное внимание уделяется противовоздушной и противоракетной обороне баз, важных военных и гражданских объектов, защите торгового судоходства в наименее защищенных районах, боевых морских соединений и береговых объектов, а также несению службы в отдаленных районах для проведения в жизнь концепции активной обороны.

Принятый в 1999 г. закон «О мерах по обеспечению мира и национальной безопасности в условиях чрезвычайной обстановки вокруг Японии» расширил функции ВС Японии. Токио впервые за послевоенный период продемонстрировал готовность к участию в проведении совместных с Вашингтоном военных операций за пределами национальной территории. Япония взяла на себя обязательства по оказанию тыловой поддержки американским войскам. В частности, Токио обязуется решить задачи по обеспечению безопасности мореплавания, передаче американцам разведывательной информации, предоставлению США военных и гражданских объектов инфраструктуры, проведению совместных и самостоятельных поисково-спасательных и минно-тральных операций в тыловых районах, эвакуации гражданских лиц из зон международных конфликтов и оказанию помощи беженцам.

На начало 2009 г. численность личного состава ВМС составляла 45,6 тыс. чел [1, с. 62; 8, с. 111]. Наиболее современными и мощными боевыми кораблями японского флота являются эсминцы типов «Конго» и «Атаго» с многофункциональной системой управления оружием «Иджис». В настоящее время их в составе флота четыре и две единицы соответственно. Стоимость колеблется от 115 до 145 млрд. йен. Корабли данных типов способны уничтожать морские цели на дальности до 150 км, воздушные – 120 км, подводные – 20 км [14].

Согласно японской Конституции, страна не может иметь наступательных систем вооружений, но, учитывая усиливающееся движение за отмену ст. 9 Конституции и проведение военной реформы, вполне возможно, что на «Атаго» и «Конго» могут появиться и крылатые ракеты – технических препятствий этому нет. С подобным ударным оружием данные корабли, учитывая их хорошую защищенность от воздушного, надводного и подводного нападения, будут чрезвычайно опасны для крупных надводных соединений, военных баз и наземных объектов стран региона. Вместе с тем, если на японских кораблях и появятся крылатые ракеты, то их дальность первоначально вряд ли будет превышать 550 км, чтобы они не попадали под определение «стратегические вооружения» и укладывались в режим контроля над ракетными технологиями. С повышением статуса Японии в мировом сообществе (допустим, в случае принятия в постоянные члены СБ ООН) могут поступить на вооружения и ракеты большей дальности.

В области военно-морского строительства запланировано в 2015 г. создать три, а в 2020 – четыре корабля класса «Атаго» в дополнение к четырем ЭМ «Конго».

Согласно кораблестроительной программы, к 2015 г. должны войти в строй пять, а к 2020 г. – десять новых эсминцев меньшего размера. Они будут заменять корабли старых типов, которые начнут выводиться из состава флота с 2011 г. Данные корабли будут обладать повышенными возможностями борьбы с подводными, воздушными и надводными целями для защиты более крупных кораблей. Стоимость каждого может составить 85 млрд. йен. Они будут строиться с широким внедрением технологий «стелс». Вооружение – зенитные ракеты средней и большой дальности одновременно, противокорабельные и противолодочные ракеты. Система управления огнем представляет собой так называемый мини-Иджис [15].

Неожиданностью для мировой общественности стало появление в составе флота первого эсминца-вертолетоносца типа «Хьюга». Новый корабль, вступивший в строй в марте 2009 г. и базирующийся в Йокосуке, представляет собой легкий авианосец или десантно-вертолетоносный корабль, хотя сами японцы настаивают на определении «эсминца-вертолетоносца» (так как это оборонительный вид вооружений и не противоречит Конституции). Корабль может нести до 11 летательных аппаратов, включая транспортно-десантные вертолеты и вертолеты огневой поддержки (на нем может быть размещена десантная группа в 500 чел.). При этом даже в японском оборонном ведомстве не исключают, что в будущем на вооружении данных кораблей могут появиться самолеты, но только для целей ПВО. Главная задача «Хьюга» – противолодочная оборона и размещение на борту штабов и командных пунктов. Аналогичный «Исэ» будет передан флоту в марте 2011 г., к 2015 г. планируется иметь три, а к 2020 – четыре корабля данного типа в составе МССО [1, с. 70].

Также в период с 1998 по 2003 гг. в состав японского флота вступили три десантных корабля типа «Осуми». Японская сторона классифицирует их как танкодесантные корабли, однако они могут быть определены как корабли амфибийных сил, а это уже наступательное оружие [16].

Подводный компонент японского флота представлен 18 дизельными субмаринами, из которых наиболее современными являются 11 лодок типа «Оясио», вступивших в строй с 1998-го по 2008 гг. Лодки построены по передовой «листовидной» схеме, при этом весь корпус покрыт радиозвукопоглощающим материалом и работает как сенсор. Стоимость одного корабля составляет 58 млрд. йен.

Перспективными субмаринами японского флота являются корабли класса «Сорю» (первая лодка вступила в строй в марте 2009 г.). Они отличаются увеличенным водоизмещением, крестообразным хвостом. Лодки данного типа оснащены воздухомнезависимыми двигателями, что позволит им оставаться под водой более длительное время, не всплывая для подзарядки батарей до нескольких недель. К 2015 г. планируется построить пять лодок, а к 2020 – восемь, хотя потребности флота оцениваются в 20 таких субмарин [18].

В 2009 финансовом году на развитие флота выделено 10 млрд. долл., и при сохранении взятого курса расходы будут только расти. При этом страна пытается экономить: 15 января 2010 г. глава военного ведомства приказал вывести японские корабли из зоны Индийского океана, где они находились с декабря 2001 г. в целях оказания тыловой поддержки многонациональной эскадре. Восемь лет японцы бесплатно заправляли горючим корабли и вертолеты союзников, обеспечивали их питьевой водой. Общая сумма расходов составила 786 млн. долл. [10]. Вместе с тем, Япония намерена открыть свою военную базу в Джибути в 2011 году, чтобы «увеличить вклад в борьбу с морскими пиратами». В настоящее время там уже посменно базируются два эсминца и два

патрульных самолета «Орион», которые обеспечивают несколько сотен военнослужащих. Расходы на строительство военного объекта, который станет первой японской военной базой за пределами страны после Второй мировой войны, составляет примерно 40 млн. долл. По оценкам специалистов, данный шаг направлен и на защиту около 2 000 морских судов, проходящих через Аденский залив ежегодно, и на укрепление собственных позиций в Индийском океане, где японскому флоту придется конкурировать с индийским и китайским [22].

В случае наращивания агрессивности в военной политике Японии вкупе с частичным пересмотром положений Конституции, надводный компонент может представлять собой несколько групп в составе легкого авианосца и/или десантного корабля, эсминцев поддержки, которые могут нанести удар по береговым объектам крылатыми ракетами и авиацией, в том числе для подготовки высадки десанта. При этом соединения будут отличаться мощной ПВО и ПЛО, а также иметь возможности ПРО. Ни одна страна региона сегодня не может развернуть флот с такими боевыми возможностями.

Декларируемые цели по минимизации северокорейской угрозы не выдерживают никакой критики, так как МССО Японии обладают в несколько раз превосходящим боевым потенциалом. С учетом эскалации напряженности вокруг статуса Южно-Курильских островов военноморское строительство Японии может оцениваться как угроза для Тихоокеанского флота России.

Военно-морские силы Республики Корея

На этапе становления корейские ВМС получали устаревшие американские корабли и подводные лодки, но со второй половины 1980-х годов Сеул взял курс на повышение боевых возможностей флота. Перед военно-морскими силами Республики Корея в настоящее время стоят следующие задачи:

- защита морских коммуникаций в операционной зоне флота;
- оборона портов и военно-морских баз;
- противодесантная оборона побережья совместно с СВ и ВВС;
- оказание помощи СВ на приморских направлениях;
- проведение десантных и разведывательно-диверсионных операций;
- нарушение морских коммуникаций противника;
- участие в блокаде Корейского пролива совместно с флотами Японии и США;
- патрулирование территориальных вод и экономической зоны [7, с. 51].

По данным на 2009 г., ВМС РК насчитывали 68 000 чел., до 200 кораблей, катеров и судов [8, с. 97]. В рамках реализации второй части программы «Корейская боевая субмарина» осуществляется строительство дизельных субмарин, которые являются экспортной модификацией новейшей германской лодки проекта 212. Головная из трех единиц была построена в 2007 г. в Корею и получила название «Сон Вон Силь». Лодка вооружена торпедами, минами, противокорабельными ракетами. Изюминкой являются воздухонезависимая силовая установка, особое покрытие, увеличивающее гидро- и радиолокационную скрытность. Стоимость одной лодки составляет 365 млн. долл. В 2010-2015 гг. планируется внести усовершенствования в конструкцию, до 2020 г. в строй должны войти до девяти субмарин.

Также в 2007 г. начато проектирование новой, более крупной лодки по программе KSS III. Первые три единицы должны поступить на

вооружение в 2018-2020 гг., до 2030 г. планируется построить девять таких лодок. Примечательно, что субмарины будут оснащены, помимо торпедо-минного вооружения, установками вертикального пуска крылатых ракет «Хенму» с дальностью до 1 500 км для атаки наземных целей. Военные специалисты не исключают, что после постройки лодок данного типа и отработки тактики их использования, Республика Корея может решиться на постройку или приобретение в лизинг многоцелевых атомных подводных лодок [20]. Отмечается, что такие субмарины сами по себе не запрещены существующими договоренностями для неядерных государств, но пока никто кроме «ядерной пятерки» ими не обладает, и Республика Корея может стать первой неядерной державой с таким оружием.

Главная ударная сила флота – эскадренные миноносцы, построенные по программе KDX II и III. Первым кораблем KDX-II, является «Адмирал Ли Сун Син». Данные эсминцы обладают серьезными боевыми возможностями, особенно в области ПВО и ПЛО. Они способны уничтожать надводные цели на дальности 120 км, воздушные – 120 км, подводные – 20 км. Радиоэлектронное оборудование представлено современными американскими системами. Всего в строю шесть кораблей (последний вступил в строй в 2008 г.), но ожидается, что в 2016-2017 гг. будет построено еще столько же.

Прототипом для более совершенных эсминцев KDX-III послужил американский корабль типа «Орли Берк». Лидер серии – «Король Сэд-жон Великий» вошел в боевой состав в декабре 2008 г. Планируется до 2012 г. иметь три корабля, а до 2020 г. – шесть. Главной отличительной особенностью данного типа является наличие системы «Иджис». Корабли способны поражать надводные цели дальностью свыше 150 км, воздушные – 150 км, подводные – 20 км, кроме этого они могут нести крылатые ракеты «Хенму» [7, с. 56].

Военные специалисты также отмечают, что в ВМС страны разработана собственная программа ПРО морского базирования. На первом ее этапе предусматривается развертывание трех эсминцев «Король Сэд-жон Великий» к 2012 г. В 2019 г. будет начата серия из шести меньших кораблей с новейшими радиолокационными системами обнаружения, слежения и управления огнем, усовершенствованными зенитными ракетами, способными перехватывать баллистические ракеты и боеголовки на конечном участке траектории. Данные корабли войдут в строй к 2026 г. [21].

После инцидента с корветом «Чхонан», предположительно потопленного северокорейской подводной лодкой 27 марта 2010 г., ВМС Республики Корея уделяет особое внимание противолодочной обороне. В 2009 г. оборонное ведомство уже сообщало о разработке противолодочной ракеты «Ред Шарк» с дальностью 20 км, которой будут оснащаться эскортные корабли. Между тем, считается, что устаревшие субмарины КНДР вряд ли могут стать причиной развертывания столь недешевого оружия (стоимость одной ракеты – более 1,5 млн. долл.), истинный противник – современные японские и китайские субмарины [13].

Амфибийные силы представлены десантно-вертолетным кораблем-доком «Докдо». Авиагруппа корабля может включать до 15 летательных аппаратов (вертолетов, самолетов «Харриер», а возможно, и F-35). «Докдо» является самым большим кораблем в ВМС РК. Первый корабль данного проекта вступил в строй в 2008 г., второй и третий планируется сдать в 2012-м и 2016 г. Корабль может осуществлять высадку на неподготовленное побережье, действовать в дальних океанских операциях. Министерство обороны Республики Корея уже объявило, что будет использовать корабль в миссиях ООН по поддержанию мира и в гуманитарных операциях. Название корабля при этом носит политический подтекст: Докдо –

самый восточный корейский остров в центре Японского моря, претензии на который выдвигает также и Токио. Примечательно, что «Дождо» назывался экспертами Минобороны в качестве альтернативы французскому «Мистралю» при заключении контракта на закупку для ВМФ России и последующую постройку на отечественных верфях [5].

В рамках оперативной и боевой подготовки в корейском флоте серьезное внимание уделяется вопросам взаимодействия с другими видами вооруженных сил, американскими войсками и кораблями. Программа модернизации ВМС осуществляется в три этапа (2005-2009, 2010-2014, 2015-2019 гг.), в ходе которых планируется повысить боевые возможности национальных ВМС и превратить их в современные, компактные, мобильные, эффективные и гибкие силы. В период с 2020-го по 2025 гг. ожидается появление принципиально новых кораблей и подводных лодок – прежде всего авианосец и эсминцы новых типов [7, с. 61]. Основная цель программы – создание таких сил, которые при серьезном сокращении численности личного состава и общего количества боевых кораблей будут располагать расширенными возможностями по выполнению боевых задач. Приоритетные задачи – использование флота в дальних морских операциях, а также обеспечение адекватных действий на удар со стороны вероятного противника.

Можно утверждать, что к 2012 г. флот Южной Кореи будет в числе главных региональных ВМС. По своим боевым возможностям он приблизится к японскому. Бесспорно, такие силы, какими он уже обладает, избыточны для противодействия северным оппонентам – налицо соперничество с Токио и Пекином, а также стремление Сеула снизить зависимость от 7-го флота ВМС США. Отличительная особенность корейского флота – начало развертывания крылатых ракет с дальностью до 1 500 км для ударов по наземным целям (объекты ПВО, аэродромы, базы, штабы и т.д.), которые считаются наступательным видом оружия. Флоты Японии и КНР таким оружием пока не обладают. Развитие Республикой Корея амфибийных сил в проводимом ключе также не может считаться оборонительной мерой. Технологически ВМС КНР уступают ВМС РК, но это сводится на нет наличием атомных лодок и ядерного оружия, а также гораздо большей численностью. Вместе с тем наиболее боеспособная группировка создается Китаем на южном рубеже, что говорит о намерении оспорить американскую гегемонию в регионе и защитить собственные морские коммуникации. Явных намерений Китая по достижению превосходства над Республикой Корея в военно-морском отношении не наблюдается – усиление Северного флота представляет собой необходимый противовес ВМС как РК, так Японии и России. Можно предположить, что соперничество с Японией в военной области выражено значительнее, чем с КНР, что свидетельствует и о характере взаимоотношений между странами – Япония, будучи формальным союзником, воспринимается в Южной Корее с большей настороженностью и опаской, нежели Китай.

Таким образом, очевидно, что все три ключевые региональные державы Северо-Восточной Азии активно осуществляют масштабные программы военно-морского строительства. На вооружение принимаются передовые боевые системы, отработывается тактика их применения, проводятся учения и боевая подготовка. Это может свидетельствовать о том, что и КНР, и Япония, и Республика Корея уже в средней перспективе (до 2020 г.) готовятся как к самостоятельному применению концепции «морской мощи» для защиты национальных интересов и расширения «жизненного пространства», так и к противодействию стратегии «анаконды»

Литература

1. Алексеев Д. Военно-морские силы Японии // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 1. С. 62-75
2. Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под общ. ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО, 2010. 444 с.
3. Кайнов О. В Китае разрабатывается палубный истребитель // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 7. С. 77.
4. Коровин В. Схватка с «Анакондой». Электронный ресурс. URL: <http://politcom.ru/article.php?id=5811> [Дата обращения: 10.09.2010].
5. «Мистраль» и конкуренты // Эксперт. 2010. 19 авг. Электронный ресурс. URL: http://www.expert.ru/news/2010/08/19/konkur_mistral/ [Дата обращения: 01.10.2010].
6. Погосов П. Китай начал подготовительные работы к постройке первого авианосца // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 2. С. 80-81.
7. Сидоров П. Современное состояние и перспективы развития ВМС Республики Корея // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 7. С. 51-64.
8. Справочные данные о вооруженных силах зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 7. С. 66-112.
9. Федоров В., Мосалев В. Подводные силы ВМС КНР // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 7. С. 52-61.
10. Afghanistan Conflict Monitor. 2010. Febr., 15.
11. Asahi. 2009. Febr., 13.
12. China at Early stage of Aircraft Carrier Production. Kanwa Daily News. Электронный ресурс. URL: <http://www.kanwa.com/dnws/showpl.php?id=233> [Дата обращения: 01.09.2010].
13. Chosun Ilbo. 2009. June, 23.
14. Global Security. Atago class Электронный ресурс. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/7700ton.htm> [Дата обращения: 05.09.2010].
15. Global Security. DD115 19DD. Электронный ресурс. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/19dd.htm> [Дата обращения: 07.09.2010].
16. Global Security Osumi class. Электронный ресурс. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/world/japan/osumi.htm> [Дата обращения: 10.09.2010].
17. Kristensen H. Two more Chinese SSBNs spotted / Federation of American Scientists. October 10, 2007. Электронный ресурс. URL: http://www.fas.org/blog/ssp/2007/10/two_more_chinese_ssbns_spotted.php [Дата обращения: 15.09.2010].
18. Military Realm. Soryu class Электронный ресурс. URL: <http://m3i.nobody.jp/military/soryumenu.html> [Дата обращения: 11.09.2010].
19. South China Morning Post. 2009. Jan., 2.
20. South Korea Develops Mobile Forces. Электронный ресурс. URL: <http://www.defensenews.com/story.php?i=4070495> [Дата обращения: 15.09.2010].
21. The Korea Times. 2009. Oct. 13.
22. UPIcom. May 11. 2010. Электронный ресурс. URL: http://www.upi.com/Business_News/Security-Industry/2010/05/11/Japan-to-build-navy-base-in-Gulf-of-Aden/UPI-60511273596816/ [Дата обращения: 21.08.2010].

УДК 351.88(571.6)

Козлов Л.Е.

Вызовы национальной безопасности в развитии международных связей дальневосточных регионов России

Challenges of the National Security in the Development of the International Contacts of the Russian Far East Regions

Россия сталкивается на Дальнем Востоке с серьезными вызовами национальной безопасности: депопуляция постоянного населения, крайнее упрощение хозяйственной структуры, зависимость регионов от внешней торговли, исторический ревизионизм соседних наций и др. Эти факторы ослабляют контроль центра над регионами и угрожают суверенитету России на Дальнем Востоке. Поэтому российское правительство предпочитает оборонительный вариант пограничной политики, что препятствует развитию международных связей на данной территории.

Ключевые слова: *национальная безопасность, международные связи, внешняя политика, региональное развитие, Дальний Восток*

Russia faces challenges to the national security in the Far East such as decreasing population, extreme simplification of the local economics, regional dependence on the foreign trade, historical revisionism of the neighboring nations etc. These factors weaken the federal control of the regions and threaten the Russian sovereignty in the Far East. Therefore the Russian government prefers a defensive variant of the border policy, which resists a development of the international contacts in the Russian Far East.

Key words: *national security, international contacts, foreign policy, regional development, Far East*

В начале XXI века Россия сталкивается на Дальнем Востоке с серьезными вызовами национальной безопасности. К их числу относятся депопуляция русскоязычного населения, крайнее упрощение структуры региональной экономики, политическая нелояльность местных жителей, зависимость регионального благосостояния от внешней торговли,

Козлов Леонид Евгеньевич, к. полит. н., доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток). **E-mail:** leonidkozlov@yahoo.com

Статья подготовлена при поддержке гранта Минобрнауки РФ № РНП.2.1.3/9622 «Региональная политика России на Дальнем Востоке: перспективы реализации в современных условиях» и гранта РГНФ № 11-33-00361а2 «Интерференция внешней и региональной политики Российской Федерации».

демографический дисбаланс с восточноазиатскими нациями, технологическая отсталость, исторический ревизионизм соседних стран. Необходимость комплексной работы над данными проблемами, очевидно, осознается федеральным правительством, поскольку и его внешняя политика в Северо-Восточной Азии, и его пограничная политика на Дальнем Востоке отвечает логике их решения. Однако эта логика явно имеет оборонительный характер, то есть нацеливает государство на оборону от внешних угроз, а не на их устранение, например, через интеграцию с потенциальными оппонентами.

Оборонительный вариант государственной политики препятствует развитию международных и внешнеэкономических связей, которые в постсоветский период стали одним из главных инструментов хозяйственного выживания дальневосточных и забайкальских регионов. Географическое расположение обусловило их переориентацию на азиатских соседей, а также разрыв хозяйственных цепочек советского периода с регионами центральной России. Тем самым центр был существенно ограничен в том, чтобы контролировать положение дел на востоке страны.

Регулирование международных связей местных регионов обычно необходимо в тех случаях, когда они вступают в противоречие с общенациональными потребностями. Также, центр периодически направляет развитие региональных связей с учетом тех внешнеполитических задач, к которым Дальний Восток и Забайкалье не имеют прямого интереса, как-то: диверсификация экспорта энергоносителей, повышение добавленной стоимости в экспорте, расширение присутствия России на мировом рынке, упрочение таможенного союза с Казахстаном и Беларуссией и т.п. Внешняя безопасность исторически считается в России более важным делом, чем национальное благосостояние, поэтому центр преимущественно управляет региональным развитием, исходя из международной обстановки. В настоящей статье анализируются соображения национальной безопасности, которыми руководствуется российское правительство, стимулируя или сдерживая международные связи дальневосточных и забайкальских субъектов Федерации с азиатскими странами.

В советское время оборонный аспект развития Дальнего Востока и Забайкалья имел первостепенное значение, поскольку была высока вероятность войны с Китаем и США. Сегодня это значение существенно снизилось из-за неготовности государства к большим военным расходам и общей разрядки международной напряженности в АТР (хотя соотношение военных потенциалов с Китаем и США изменилось не в пользу России). Министерство обороны и Пограничная служба стараются сдерживать активные международные контакты в районах, имеющих важное оборонное значение. Именно с этой целью в 2011 году был издан указ Президента РФ «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками».

Интересы близких к федеральному правительству деловых структур в спорных ситуациях берут верх над мнением силовиков, так что коммерческие объекты всё чаще размещаются на бывших землях Министерства обороны, среди прочего, нарушая требования секретности [6]. Однако подобные конфликты возможны только в нескольких крупных городах, портах и железнодорожных узлах, где определенная плотность населения и инфраструктуры делает местность коммерчески привлекательной, вроде Владивостока, Находки, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Советской Гавани. На основной территории Дальнего Востока и Забайкалья множество факторов (малонаселенность, неразвитость транспорта, энергетики и телекоммуникаций, а также повсеместные в Рос-

сии коррупция и неуважение к частной собственности), отталкивающих инвесторов, дополняется режимом пограничной зоны, ограничивающим деловую активность.

Как региональные, так и федеральные политики часто забывают о пересечении военных и экономических интересов, исходя из устаревших представлений о выгоде приграничного сотрудничества [7]. Современное развитие телекоммуникаций, банковских услуг и транспорта снижает до минимума преимущества географической близости. В то же время оборонительная функция государственной границы никуда не исчезает, а малонаселенность и отсутствие инфраструктуры в приграничной полосе по-прежнему являются важными условиями ее реализации.

В последние годы свобода внешнеэкономических связей восточных регионов неуклонно сокращалась, чтобы эти регионы меньше зависели от внешних, неподконтрольных федеральному центру факторов. В частности, таким ограничениям подверглись экспорт круглого леса, мороженой рыбы и морепродуктов, а также импорт автомобилей и тяжелой техники. Выпадение региональных доходов следовало компенсировать федеральными вложениями, чтобы не усугубить и без того негативную демографическую динамику. Поэтому в начале XXI века правительство России гораздо энергичнее, чем в предыдущее десятилетие, занялось региональной политикой на Дальнем Востоке и в Забайкалье.

Правительство России реализует на востоке страны несколько федеральных целевых программ, в том числе «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (включая подпрограмму «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР») и «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы». В отличие от 90-х годов, когда федеральные программы хронически недофинансировались, сегодня целый ряд важнейших объектов введен в эксплуатацию или близок к этому. Одновременно с инфраструктурными вложениями центр пытается укреплять единство экономического пространства Дальнего Востока и остальной России, применяя запретительные и поощрительные меры (тарифное и нетарифное регулирование, государственный заказ, бюджетное субсидирование и т.д.).

Искусственное стимулирование развития отдельных регионов (особенно, меры по замещению импорта и подъему отечественного производства) вступает в противоречие с интересами зарубежных компаний, продукция которых представлена на местных рынках. Правительства стран, где эти компании базируются, в подобных ситуациях склонны защищать интересы своих производителей, что зачастую преобразует экономическую конкуренцию в политический конфликт. Эти явления особенно характерны для субъектов Федерации, которые расположены на государственной границе (где проходит международный транзит товаров) или богаты природными ресурсами.

Судя по событиям последних трех лет, российское правительство рассматривает в качестве основного зарубежного партнера по модернизации Дальнего Востока Южную Корею. Хотя эта страна и находится в авангарде мировой промышленности, она не претендует на глобальное лидерство и вряд ли способна столь категорично обойти Россию по экономическому потенциалу, как Китай или Япония. Это обстоятельство наверняка принимается в расчет Москвой, когда делает шаги по пути сближения с Сеулом. В свою очередь, южнокорейская сторона четко обозначает готовность к встречному сближению, реализуя специальную программу связей с регионами Сибири и Дальнего Востока.

В постсоветский период российско-южнокорейские отношения устойчиво развивались в позитивном ключе, одним из проявлений чего

стала взаимная либерализация визового режима. Южная Корея лидирует среди азиатских стран по объему накопленных инвестиций в российский Дальний Восток. Двусторонним контактам благоприятствует наличие на Дальнем Востоке социально активной корейской диаспоры. Президент Республики Корея Ли Мён Бак и премьер-министр Италии Сильвио Берлускони единственными из действующих руководителей зарубежных стран участвовали в работе Мирового политического форума, проводившегося в 2010 году под патронажем российского президента в Ярославле.

Еще в 2008 году главы России и Республики Корея высказали решимость поднять двустороннее взаимодействие до уровня стратегического партнерства. В том же заявлении говорилось: «Российская Федерация поддерживает стремление деловых кругов Республики Корея к развитию сотрудничества по совместному освоению регионов Сибири и Дальнего Востока, в том числе с учетом Федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996-2005 и до 2013 года» [16]. Вскоре правительство России привлекло южнокорейскую корпорацию «Daewoo» к реализации федеральной программы развития судостроения. При участии вице-преьера Игоря Сечина была заложена новая верфь в Приморском крае, при этом «Daewoo» была привлечена не как инвестор, несущий деловые риски, а как подрядчик, работающий на средства из федерального бюджета, получающий гарантированный сбыт посредством государственного заказа [2]. Вектор на сотрудничество с Южной Кореей в модернизации тяжелой промышленности Дальнего Востока сохранился в последующее время. В 2010 году Федеральная сетевая компания, администрация Приморского края и корейская корпорация «Hyundai Heavy Industries» подписали меморандум о строительстве завода электротехнического оборудования в Приморье [4].

Помимо официальных соглашений, работа южнокорейского бизнеса в России встречает неформальную поддержку Москвы. В частности, президент Ассоциации добытчиков минтая Г.С. Зверев указывает на чрезмерные лоббистские возможности, которыми пользуются в России южнокорейские рыболовные компании. В 2009 году Россия и Южная Корея подписали соглашение о промысле живых морских ресурсов, увеличивающее квоту корейских компаний на вылов минтая в исключительной экономической зоне России на 75%. Дальневосточные рыболовы выступают категорически против допуска иностранцев во внутренние российские моря, но предполагают, что корейская квота будет и далее расширяться [14].

Российско-японские отношения в начале XXI века характеризуются выраженной негативной динамикой. Территориальный вопрос перестал обсуждаться, ввиду неготовности сторон к компромиссу. «Северные территории» остаются столь важным элементом политической культуры Японии, что правящий класс едва ли сможет от него отказаться в ближайшие десятилетия. В 2010 году двусторонняя напряженность приобрела крайние формы: в ответ на демонстративные осмотры островов с японской стороны высшее руководство России, включая Дмитрия Медведева, совершило несколько поездок на Южные Курилы и публично высказалось за их форсированную модернизацию. В 2011 году министр обороны РФ Анатолий Сердюков сообщил о начале перевооружения и укрепления военной группировки России на Южных Курилах [5].

В ответ на политическую ригидность Японии правительство России не уклоняется от конфликтов в экономических отношениях. Когда российская компания «Газпром» захотела получить контрольный пакет акций в международном консорциуме с японским участием «Сахалин-

ская энергия», федеральные ведомства оказали жесткое давление на иностранных нефтяников под предлогом нарушения экологического законодательства. На протесты японского правительства российская сторона не обратила внимания. При необходимости Россия решительно устанавливает протекционистские барьеры на пути импорта из Японии, не вступая в прения с японской стороной. Попытки японских компаний получить подряды в инфраструктурных проектах по федеральным программам до последнего времени оставались безуспешными. Закономерным следствием этого стало снижение доли Японии в импорте дальневосточных регионов с одной трети в 2008 году до одной десятой в 2009 [10]. Более того, в 2009 году через партию «Единая Россия» в прессу была запущена версия о причастности Японии к протестным акциям, прокатившимся по Дальнему Востоку после повышения пошлин на импортные автомобили.

В свою очередь, Япония последовательно противодействует локальным экономическим связям на сопредельных территориях, так что правительство России не требуется оправданий перед местными бизнесменами за ухудшение делового климата. Дмитрий Медведев в 2010 году предложил создать на Курилах зону свободной торговли между Россией и Японией, но японское правительство уклонилось от обсуждения этой идеи [1]. Отсутствие японских компаний на Дальнем Востоке не считают проблемой ни федеральные, ни региональные власти, ведь их зарубежные конкуренты проявляют готовность к замещению пустующего рынка. Полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Виктор Ишаев прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «Не придут к нам японские компании и инвестиции, придут другие. Может быть, из Америки, Китая или Брунея (тоже страна бедная), может из Сингапура, Малайзии, но они все равно придут» [15].

Позитивная социально-экономическая ситуация на спорной территории расширяет пространство для маневра отечественной дипломатии в ходе переговоров. Именно таким ответом на японские претензии стала федеральная программа развития Курильских островов, во многом компенсировавшая местному бизнесу и бюджету упущенную выгоду от японской торговли. Общая напряженность отношений между Россией и Японией отвращает бизнес – особенно, мелкий и средний – от ведения дел в приграничных областях. В то же время крупные проекты с участием японского капитала в центральной России не угрожают единству экономического пространства нашей страны, а предлагающие их крупные корпорации способны лоббировать свои интересы в Токио. Поэтому такие проекты, как завод «Тойота» в Ленинградской области, приветствуются российским правительством.

Китай представляет для России наибольшую сложность среди стран Северо-Восточной Азии в проведении сбалансированной внешней политики. Китай имеет отношение ко всем угрозам национальной безопасности, перечисленным в начале статьи, из-за гигантского диспаритета по социально-экономическим показателям с той частью России, которая прилегает к его северной границе. Целенаправленной политики КНР по вовлечению восточных регионов России в сферу своего влияния пока не просматривается. Китайские инвестиции вкладываются в небольшие проекты, а государственные предприятия и транснациональные корпорации КНР не ведут здесь дел. Несмотря на это, многие тенденции взаимодействия российских и китайских регионов на восточной границе вызывают тревогу федерального центра, как-то: иммиграция китайских граждан, деградация ряда отраслей промышленности и сельского хозяйства, чья продукция не может конкурировать с китайскими товарами по цене и т.п.

Особенно тревожной выглядит тенденция к монополизации Китаем внешней торговли сопредельных российских регионов. Валовый региональный продукт российского пограничья и без того опасно зависит от конъюнктуры зарубежных рынков, но в сопредельных регионах Китай устойчиво занимает первое место на протяжении нескольких последних лет. Во внешней торговле Забайкальского края, Амурской области, Еврейской автономной области и Республики Бурятия доля Китая стремится к 100 процентам. Поэтому многие действия центра, влияющие на социально-экономическое положение Дальнего Востока и Забайкалья, инициированы опасениями в адрес Китая [подробнее см.: 11]

Общее отношение российских чиновников к китайским гражданам – в том числе, к потенциальным и реальным инвесторам – остается недружелюбным. Китайские бизнесмены постоянно жалуются на тяжелые условия, которые создают им на местах российские бюрократы и правоохранительные органы [8]. Подписание в 2009 году на высшем уровне «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР» не внесло принципиальных изменений в эту ситуацию. Уже в апреле 2010 года Главное управление МВД России по Дальнему Востоку распространило в СМИ статью «В Уссурийске милиционеры пресекли производство опасной для здоровья обуви». Ответная публикация китайской компании гласила, что милицию привлекли недобросовестные конкуренты в попытке рейдерского захвата предприятия: «Тон статьи, использующей выражения «бизнесмен из Поднебесной», «группа граждан КНР», имеет явно антикитайскую направленность, идущую в разрез с международными договоренностями между главами России и КНР» [3].

Китай играет чрезвычайно важную роль в современном мире, чтобы открыто демонстрировать недоверие к нему. Кроме того, российско-китайские политические отношения находятся на самом высоком уровне за всю историю. Поэтому Москва не игнорирует китайские инициативы по углублению взаимодействия, но, по мере возможностей, спускает их на тормозах (как приграничный торгово-экономический комплекс «Суйфэньхэ – Гродеково» или мост через Амур в районе Благовещенска). Россия и Китай, на первый взгляд, способны гармонично восполнить экономические потребности друг друга, однако воплощение в жизнь этой гармонии привело бы к значительной потере Россией добавленной стоимости в экспорте и закреплению ее технологического отставания в мировом хозяйстве. Представляется вероятным, что «Программа сотрудничества между регионами» была согласована российской стороной лишь во избежание прямого отказа от интеграционных инициатив Пекина.

В целом, правительство России не проявляет заинтересованности в расширении связей своих восточных регионов с азиатскими странами. Согласно традиции, начало которой положил еще президент СССР Михаил Горбачев, оно продолжает заявлять о важности интеграции России в АТР [12]. Однако центр не осуществляет практических действий, стимулирующих трансграничное предпринимательство, вроде упрощения административных процедур, снижения транспортных тарифов и налогов. Традиционным признаком международных связей восточных регионов служит плохая материальная база и медленная работа российских пограничных переходов [9]. Федеральное агентство «Росграница» до сих пор не начало воплощать в жизнь планы по их модернизации, ссылаясь на бюджетные трудности. Дефицит иностранных инвесторов на Дальнем Востоке и в Забайкалье, в любом случае, меньше беспокоит центр, чем стабильность политических систем этих регионов, хотя бы и основанная на коррупционных началах.

Правительство России фактически не рискнуло использовать для

регионального развития механизм свободной экономической зоны. Опасаясь присваивать такой статус районам, где уже наличествовала подходящая инфраструктура, оно рассчитывало на осуществление подобных проектов частными инвесторами с нуля. Однако малая емкость дальневосточного рынка, наряду с обычными российскими издержками, определила закономерный провал этих расчетов. До настоящего момента никакие строительные работы в портовой экономической зоне Советская Гавань и игровой экономической зоне Владивосток не начинались [13].

Подобные действия или бездействия федерального правительства становятся понятными и оправданными, если их цель состоит в снижении влияния стран Северо-Восточной Азии на восточные регионы России. Но следует отметить, что инерция сформировавшихся в 90-е годы международных связей оказалась чрезвычайно велика, и центру пока не удалось ее изменить. Преодолевая все ограничения и запреты, прежние векторы, объемы, формы экспорта и импорта Дальнего Востока и Забайкалья каждый раз восстанавливаются, как это происходит сейчас, после прохождения наиболее острой фазы мирового финансового кризиса.

Литература

1. Астахов Д. Медведев требует повысить инвестиционную привлекательность Курил // РИА «Новости». М., 2011. 9 февраля. Электронный ресурс. URL: <http://www.rian.ru/politics/20110209/332328639.html> [Дата обращения: 9.02.2011].
2. Бражина Н. Второе восхождение «Звезды» // Владивосток. Владивосток, 2009. № 2636.
3. В Приморье «кошмарят» российско-китайское предприятие // VL.RU. Владивосток, 2010. 27 апреля. Электронный ресурс. URL: http://news.vl.ru/vlad/2010/04/27/ooo_obuv/ [Дата обращения: 27.04.2010].
4. В Приморье построят высокотехнологичный завод // Владивосток. Владивосток, 2010. № 2801.
5. Владивосток посетили министр и министр // Владивосток. Владивосток, 2011. № 2890.
6. Глеба Г.В. «Сахалинская энергия»: шпионские страсти // Сахалинское информационно-аналитическое агентство. Южно-Сахалинск, 2005. 19 августа. Электронный ресурс. URL: <http://www.siaa.ru/?pg=2&id=103067&type=3&page=0&hd=5> [Дата обращения: 10.03.2010].
7. Докучаева Л. Ишаев В.: РФ и КНР должны осваивать Большой Усурийский остров на равных // РИА «Новости». Хабаровск, 2011. 2 марта. Электронный ресурс. URL: <http://www.rian.ru/economy/20110302/341026519.html> [Дата обращения: 2.03.2011].
8. Дубовик Е. Сюэ Хуэйлинь: «Угроза России – в менталитете людей» // Конкурент. Владивосток, 2008. 2 мая.
9. Зубов А. Туристы промониторили пункты пропуска // Золотой Рог в Хабаровске. Хабаровск, 2011. № 3.
10. Итоги внешней торговли ДФО за 2009 год // Дальневосточное таможенное управление. Владивосток, 2010. 15 февраля. Электронный ресурс. URL: <http://dvtu.customs.ru/ru/statistics/detail.php?id695=6578&i695=6> [Дата обращения: 16.02.2010.].

11. Козлов Л.Е. Точки пересечения внешней и региональной политики России на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. № 4. С.35-39.
12. Кузьмин В., Завражин К. Идем на Восток. Дмитрий Медведев завершил дальневосточное турне // Российская газета. М., 2010. 5 июля.
13. Николаев А. Портовая особая экономическая зона (ПОЭЗ) «Советская Гавань» переживает стагнацию // Золотой Рог. Владивосток, 2011. № 1.
14. Нурмухаметов Ю. Пустить корейца в Охотское море // Золотой Рог. Владивосток, 2010. № 95.
15. Полномочный представитель Президента РФ в ДФО Виктор Ишаев заявляет, что развитие Курильских островов будет продолжаться <...> // Полномочный представитель Президента РФ в ДФО. Хабаровск, 2011. 21 февраля. Электронный ресурс. URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=11> [Дата обращения: 22.02.2011].
16. Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея 29 сентября 2008 года // Президент России. М., 2008. Электронный ресурс. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/237 [Дата обращения: 15.05.2010].

УДК 327

Кузнецов А.М.

Безопасность человека

Human security

В статье рассматриваются общие положения, связанные с принятием и реализацией принципов безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, ответственности защищать. Обсуждается также вопрос о значении данных норм для интеграции региона Восточной Азии.

Ключевые слова: *безопасность человека, свобода от нужды и свобода от страха, ответственность защищать, Организация объединенных наций*

Some problems of finding and implementing of principles of human security, freedom from want and freedom from fear, responsibility to protect are regarded in this paper. Issue of role of these norms for the process of East Asia region integration is discussed too.

Key words: *human security, freedom from want and freedom from fear, responsibility to protect, United Nations Organization*

Идея безопасности человека и ООН. Глобальные перемены, обусловленные окончанием холодной войны, вызвали к жизни новые реалии, которые повлекли за собой необходимость трансформации прежних представлений и установок в сфере мировой политики и международных отношений. В 1990-е гг. международное сообщество столкнулось с резким увеличением числа конфликтов и их более ожесточенным характером. Некоторая «ригидность» ранее сложившихся институтов сохранения мира, не успевавших за быстро возникающими новшествами, стала причиной обрушившейся на них критики. Под ее прицелом оказалась и самая, казалось бы, авторитетная Организация Объединенных наций, которой пришлось срочно включать в повестку дня Совета Безопасности вопросы этнических конфликтов, геноцида и преступлений против человечности. Тем не менее, тезис об утрате ООН своего прежнего значения стал слишком часто звучать в разных политических и публицистических

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** akuzn@vimo.dvgu.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

заявлениях. Поэтому руководство Организации, вероятно, также было озабочено поиском новых концепций и направлений своей деятельности, способных вернуть ей прежний вес в решении международных проблем. Как полагают некоторые исследователи, отправной точкой начавшихся в ООН перемен можно рассматривать принятие Резолюции 688 (1991 г.) «О ситуации в Северном Ираке». Этот документ предусматривал перемещение части курдского населения в связи с угрозой его бомбардировок иракскими ВВС [17]. Свою роль в дальнейшем развитии событий сыграли столкновения в Сомали, распад Советского Союза и Союзной Югославии. В новых обстоятельствах, когда военные операции стали проводиться для спасения мирного населения, фактически, была расширена 34 статья Устава ООН. Абсолютность концепции суверенитета, закрепленной в статьях 2.1 и 2.3 Устава ООН, после этих событий также уже не осталась столь незыблемой. Теперь становилось все более очевидным, что прежняя озабоченность проблемами взаимодействием наций уходила в прошлое и о себе все более настойчиво заявляла о себе новая тенденция, которая уже получила определение как *«интернационализация понятия национальной безопасности»*. Данная тенденция получила выражение, в частности, в 1991-2000 гг. в *практике гуманитарных интервенций*. За указанный период было проведено 15 значительных акций подобного рода, в которых было задействовано около 38 тыс. солдат. Не случайно он получил определение «десятилетие гуманитарных интервенций» [12, р. 17-18]. Но вскоре обозначилось и еще одно направление трансформации представлений о безопасности.

В условиях недостаточной подготовленности к быстро разгоравшимся на разных континентах «новым войнам» (например, геноцид в Руанде 1994 г.), основная тяжесть разрешения этих конфликтов легла на Секретариат ООН. Примечательно, что именно этому органу и удалось определить новое направление – *безопасность человека*, которому было суждено занять важное место в деятельности всей организации. Само выражение *безопасность человека* впервые было озвучено в *Отчете о развитии человечества Программы развития Объединенных наций за 1994 г.* По некоторым же данным, этот термин был использован еще в 1993 г. в предыдущем Отчете о развитии человечества. В подготовке данного документа важную роль сыграл Амартия Сен – лауреат Нобелевской премии по экономике и глава Тринити колледжа (Кембридж) [19, р. 9]. Другие источники связывают его появление с пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком – Специальным советником Программы развития Объединенных наций [14]. Поскольку Отчет 1994 г. готовился Агентством по развитию ООН, то, вполне вероятно, что выражение, появившись в недрах аппарата организации, что называется, уже просто «витало в воздухе» и сегодня уже трудно установить, кому оно собственно принадлежит. Рассматриваемый документ, в частности, констатировал: «Мир никогда не сможет быть в мире до тех пор, пока у людей не будет безопасности в их повседневной жизни». Развитие человека в нем характеризовалось как «процесс расширения выбора для человека». Собственно безопасность человека здесь означала, что, во-первых, «люди могут осуществлять свой выбор безопасно и свободно и они также могут быть совершенно уверены в том, что возможности, которые у них есть сегодня, не будут утрачены завтра». Отчет затем продемонстрировал переход от узкого понимания концепта национальной безопасности к более общей ее трактовке, включающей семь основных составляющих: 1. экономическая безопасность (защита от бедности); 2. продовольственная безопасность (защита от голода); 3. медицинская безопасность (защита от болезней); 4. безопасность окружающей среды (прежде всего, доступность чистой воды); 5. персональная безопасность (защита от страха пе-

ред насилием, преступностью, наркотиками); 6. общественная безопасность (свобода участия в семейной жизни и культурной деятельности) и 7. политическая безопасность (свобода в обеспечении основных прав человека) [22].

Как позднее отмечали некоторые авторы, никто не ожидал, что публикация Отчета 1994 г. привлечет к новой идее такое внимание со стороны политиков и ученых [24, р. 7]. Ведь уже существовала Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г. Кроме того, в своей деятельности ООН больше ориентировалась на концепцию *развития*. Показательно, что на Саммите 1995 г. в Копенгагене идея безопасности человека не имела особого резонанса, так как многие страны считали ее неприемлемой для себя. Однако ряд последовавших событий, среди которых чаще всего называют Азиатский финансовый кризис 1997 г., эпидемию атипичной пневмонии 1999 г. и т.д., потребовали для борьбы с ней консолидации усилий разных стран. Новые обстоятельства позволили переломить ситуацию в пользу идеи безопасности человека. Значительную роль в этом процессе сыграла, прежде всего, Япония. Не случайно, в литературе по рассматриваемой теме довольно часто можно встретить утверждения такого рода: «Ни одно другое правительство не сделало так много, как правительство Японии, в превращении *безопасности человека в основное направление своей внешней политики*» [26, р. 3].

Конкретные варианты реализации принципа безопасности человека. У истока нового формата политики страны стоял министр иностранных дел, а затем и премьер-министр Кейзо Обучи. Находясь под впечатлением от тяжелых последствий для многих людей, вызванных финансовым кризисом 1997 г., этот политик выступил за проведение политики, *ориентированной на человека*. В мае 1998 г. во время своего визита в Сингапур в речи «О роли Японии в преодолении финансового кризиса» он призвал к защите *наиболее уязвимых сегментов населения*, используя выражение *ningen no anzen*, – *безопасность человека* [9]. По его же инициативе стали проводиться «Интеллектуальные диалоги о строительстве будущей Азии». Первый такой диалог состоялся в Токио 2-3 декабря 1998 г. на тему «Азиатский кризис и безопасность человека». В своем приветствии участникам встречи в Токио К. Обучи еще связывал безопасность человека с новой *стратегией экономического развития*. Но уже тогда он сказал: «Поскольку многие проблемы, затрагивающие безопасность человека, выходят за национальные границы, ни одна страна уже не в состоянии решать их самостоятельно... Я верю, мы должны сделать *21 столетие – веком безопасности человека*» [16]. Тема безопасности человека стала не только леймотивом его речи «К созданию блестящего будущего для Азии» в Ханое, но и других, состоявшихся Второго (12-13 июля 1999 г., Сингапур) и Третьего (18-19 июня 2000 г., Бангкок) Интеллектуальных диалогов. Об изменении первичной трактовки термина безопасности человека можно судить по документам встречи в Бангкоке. В них было, например, указано: «безопасность человека является *многоуровневым явлением*, в котором содержится *много измерений* и оно требует *кросссекторального взаимодействия местных и национальных правительств, международных организаций и институтов гражданского общества*... Необходимо также выработать *общие представления о безопасности человека как инструмента разработки и внедрения политики*» [26].

Важным результатом предпринятых японским правительством усилий стало также создание в марте 1999 г. совместно с секретариатом ООН *Трастового фонда безопасности человека ООН*. Очень примечательно, что этот Фонд наряду с поддержкой жертв конфликтов, бежен-

цев своей задачей также ставил страхование от природных катастроф и неожиданных экономических кризисов, а также решение вопросов улучшения образования, особенно женского [23]. Как логическое завершение всей этой многосторонней деятельности можно рассматривать образование по инициативе правительства Японии (премьер-министр Ёсихиро Мори), Японского центра международных обменов, при поддержке Фонда Рокфеллера, Мирового банка развития и правительства Швеции *Комиссия по безопасности человека*. Заслуживает отдельного упоминания тот факт, что Комиссия была официально создана на Саммите Тысячелетия Объединенных наций в 2000 г. и начала свою работу в январе 2001 г. Новый орган возглавили Садако Огата – в прошлом Верховный комиссар ООН по делам беженцев и уже упоминавшийся Амартия Сен. Среди целей Комиссии было обозначено проведение исследований безопасности человека в условиях конфликта и насилия, соединение концепций безопасности человека и развития и продвижение интегративного подхода к проблемам безопасности [15].

В целом Япония демонстрирует *широкий подход* к безопасности человека, он предполагает использование только *невоенных* методов и средств и человекоцентрированный характер этой политики. Представляется вполне естественным, что для страны, пережившей ядерную бомбардировку, а теперь еще и масштабную природную и техногенную катастрофы безопасность человека означает ставку только *мягкую силу*, но не на такие акции, как возглавляемая США операция по обеспечению глобальной безопасности.

Среди активных адептов принципа безопасности человека следует отметить еще *Канаду*. В период «золотой эры канадской дипломатии», отмеченной, в частности, успехом миссии Л. Пирсона в урегулировании Суэцкого кризиса, стало формироваться самовосприятие страны как «гаранта мира, щедрого донора, храброго солдата и честного брокера». Не случайно, возникший сначала в сфере книжной индустрии слоган – «... мир нуждается в Канаде», со временем приобрел более широкое значение, повлекшее за собой определенные обязательства. Но в отличие от моноэтничной Японии, эта страна не смогла решить проблему Квебека и оставалась разделенной на основные общности: англоканадскую и франкоканадскую. Распад Советского Союза и Союзной Югославии продемонстрировал со всей определенностью возможную перспективу и для Канадской федерации, о чем недвусмысленно заявил переживаемый страной в начале 1990-х годов «кризис идентичности». В подобных условиях Канада не могла позволить себе «роскошь» сосредоточиться в значительной степени лишь на своей внешней политике. Стране нужен был такой курс, который позволял бы решить ее основные политические проблемы: сохранить достойное место в мире, обеспечить нормальное взаимодействие с могущественным южным соседом и содействовать укреплению своей национальной идентичности. Появившаяся идея безопасности человека в полной мере соответствовала, как указанным требованиям, так и сформировавшимся после второй мировой войны представлениям о роли страны в мире. Поэтому уже в середине 1990-х гг., когда внешнеполитическое ведомство возглавил Л. Экскуорти (Axworthy), ставка была сделана на эту идею [6, р. 1-2]. Страна вместе с Норвегией активно участвовала в создании *специальной Сети безопасности человека*, включающей 12 государств, являющихся ее полными членами Австрия, Канада, Чили, Коста Рика, Греция, Ирландия, Иордан, Мали, Норвегия, Словения, Швейцария и Таиланд. Южная Африка вошла тогда в Сеть в качестве наблюдателя [15]. В стране также был создан ряд специальных органов, в частности, в декабре 2001 г. *Канадский консорциум по безопасности человека* [21]. Однако политика безопасности человека

по версии Л. Экскуорти отличается от варианта, заложенного К. Обучи, более узким подходом к ее трактовке. Кроме того, Канада поддерживала в своих рамках идею гуманитарных интервенций, таких, как бомбардировки Югославии в 1999 г., неприемлемую для Японии, которая, что очень показательно, даже не вошла в специализированную Сеть.

Дальнейшее развитие идеи безопасности человека. Несмотря на то обстоятельство, что такие ведущие державы, как Китай, Россия, США не приняли норму безопасности человека, очевидно, поддержка со стороны ряда других государств позволила Секретариату Организации Объединенных Наций продолжить ее разработку. Тем более, что приближалось знаковое событие – намеченный на сентябрь 2000 г. Саммит Тысячелетия, который давал хорошую возможность представить эту идею наиболее благоприятным образом. О заинтересованности руководства ООН и самого Кофи Аннана в дальнейшем продвижении нормы безопасности человека свидетельствует и предварительное ее обсуждение на международном семинаре 8-10 мая 2000 г. в Улан-Баторе [4; 18]. Затем уже в Нью-Йорке в сентябре данная норма становится значимой темой и в докладе Генерального секретаря ООН, и в ключевом документе Саммита Тысячелетия «Мы народы. Роль объединенных наций в XXI веке». Отныне безопасность человека означала ориентированный на человека подход к безопасности: «*Безопасность человека* в своем самом широком выражении значит гораздо больше, чем просто устранение насильственных конфликтов. Она включает в себя: права человека, хорошее управление, доступность образования и здравоохранения и гарантии, что каждый индивид имеет возможность и выбор для реализации своих возможностей. Любой шаг в этом направлении означает также продвижение в борьбе с бедностью, достижение экономического процветания и предотвращение конфликтов. *Свобода от нужды и свобода от страха* и возможность для будущих поколений унаследовать здоровую естественную среду – все это взаимосвязанные составные блоки человеческой, а, следовательно, и национальной безопасности» [9; 17].

Выдвинутое здесь положение – «*свобода от нужды и свобода от страха*» сразу получило достаточно широкий резонанс у международной общественности. Однако именно оно определило последующие различия в его реализации в разных странах. По оценкам ряда обозревателей, в Канаде в силу, в том числе и указанных причин, основной акцент был сделан на идею «свободы от страха». Япония же отстаивала необходимость реализации предложенной формулы в полном ее варианте [6]. Разногласия подобного рода указывали на то, что, несмотря на кажущуюся очевидной значимость и привлекательность самой нормы безопасности человека и заложенных в нее идей. Они на самом деле допускали возможность различных их интерпретаций. Однако безопасность человека отныне получила свое место в международной повестке дня и стала предметом активных обсуждений. Одни авторы связывали необходимость внедрения этой нормы с появлением новых угроз, неизвестных в то время, когда создавалась ООН и неэффективностью деятельности Комиссии по правам человека [9]. Других же больше интересовала преемственность предложенных на Саммите положений с некоторыми идеями президента Ф. Рузвельта (жить свободно от страха), получившими воплощение, в том числе, и в Атлантической хартии, разработанной им совместно с У. Черчиллем. Появление человеческого фактора в документах ООН связывалось с необходимостью перехода от защиты экономических и социальных прав человека к собственно гражданским и политическим [19]. Достаточно популярным в академических кругах становился и сюжет о «загадочном возвращении индивида в мировую политику» [2].

Достигнутый на Саммите Тысячелетия результат с признанием безопасности человека получил затем дальнейшее развитие в деятельности специализированных органов ООН. Наряду с уже указанными можно отметить еще и создание *Консультативного правления по безопасности человека*, первое заседание которого состоялось в сентябре 2003 г. Вскоре в аппарате Организации была генерирована новая значимая идея. В принятом в 2001 г. *Отчете Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета* ответственность за защиту своих граждан еще традиционно возлагалась на государство. Но документ уже предполагал возможность *помощи* со стороны *международного* сообщества государствам для выполнения своих обязательств. Последнее положение по начальному замыслу разрабатывалось для решения африканских проблем, но затем было решено придать ему более широкое значение. Поэтому в октябре 2005 г. оно уже вошло в официальный документ Генеральной ассамблеи ООН. Этот документ примечателен уже тем, что в нем целый параграф (143) был отведен вопросам безопасности человека. Здесь констатировались вполне «привычные» права человека жить свободно и с достоинством, быть свободным от бедности и отчаяния»; «право на свободу от нужды и свободу от страха с равными возможностями пользоваться всеми правами и возможностью всесторонне развивать свой человеческий потенциал». Но в рассматриваемом документе был зафиксирован и новый, достаточно противоречивый принцип реализации безопасности человека – *ответственности защищать*. Теперь «ответственность защищать» означала, что в соответствии с главами VI и VII Устава Объединенных наций, международное сообщество через ООН также несет ответственность за защиту населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Хотя в тексте оговаривалось, что речь идет об использовании адекватных дипломатических, гуманитарных и *других мирных* средств и лишь в том случае, если само государство не справляется с этими задачами, было вполне очевидно, какие новые возможности для вмешательства в дела суверенных государств он открывал» [8; 9, 81; 10]. Несмотря на развернувшиеся дебаты вокруг нового принципа и границ его применения, он стал активно внедряться в практику. Перемены, произошедшие в руководстве ООН, также не оказали особого влияния на ранее выбранные приоритеты. Так по инициативе Японии в октябре 2006, ноябре 2007 и апреле 2008 гг. были проведены *Форумы друзей безопасности человека*, собравшие представителей примерно 60 государств, на которых в роли сопредседателя выступила Мексика. Кроме того, в феврале 2008 г. был создан *Глобальный центр по ответственности за защиту*. А в Отчете Генерального секретаря ООН за 2009 г. уже рекомендовалось: принцип «*ответственности защищать* должен быть включен в каждую культуру и каждое общество без всяких сомнений и условий, как воплощение не только *глобальных*, но и *локальных ценностей и стандартов*» [11; 17].

Однако еще нельзя безоговорочно утверждать, что очень привлекательные своим гуманным характером принципы *безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, ответственности защищать* стали уже реальной основой мировой политики в сфере безопасности. Разные специалисты сразу высказали опасение: «сможет ли безопасность человека *посягнуть* на или даже *вытеснить* «национальную безопасность» как ключевой концепт международных отношений, учитывая, что большинство угроз человеку является результатом *структурных факторов*, в том числе, распределения власти, которые далеки от влияния индивидов». Другие задавались вопросом: «является ли безопасность человека *законным обоснованием применения силы под*

вывеской «гуманитарной интервенции» [9]. А поскольку некоторые авторы пошли так далеко, что вообще связали развитие идеи безопасности человека с *чувством безопасности на улицах* и возможностью влиять на принятие политических решений, то пока еще трудно рассчитывать на всеобщее признание таких норм [12, p. 183]. Очень показательным является также тот факт, что за исключением Японии, среди горячих сторонников идей безопасности человека мы видим только средние или небольшие страны.

Понятно, почему в их числе нет ведущих государств мира. США после событий 9/11/ 2001, объявило войну «мировому терроризму» и, неся бремя присутствия в Афганистане и Ираке, не может взять на себя такие обязательства. Россия, Китай и Индия из-за проблем внутреннего сепаратизма также не поддерживают все эти начинания. Вообще в ситуации, когда мир так и не смог прийти к общему мнению, кто должен считаться террористом, то остается не вполне очевидным кого же следует защищать. Поэтому не вызывает особого удивления другое обстоятельство: до последнего времени *термина безопасности человека нет ни в одной резолюции Совета безопасности ООН [13, p.10].* Практика же последних лет наглядно показала, что гуманные инициативы ООН вполне можно обойти, опираясь на другие международные организации, то же НАТО. Так что, в ближайшее время, как показывает развитие событий вокруг кризиса в Ливии, трудно ожидать кардинальных перемен с признанием принципа безопасности человека.

Н. МакФеризн и Хонг, специально рассматривавшие вопрос о роли ООН в генерировании и продвижении ориентированных на человека принципов этой организации, в свою очередь, приходят к достаточно реалистичному заключению: «В функциональном смысле мы рассматриваем *деятельность ООН в сфере безопасности человека как хороший пример бифуркативных качеств этого института.* С одной стороны, он является организацией государств и служит, как бы, сосудом, в котором они могут достигать консенсуса и легитимизировать свои политические предпочтения. С другой стороны, он представляет собой *бюрократию (или комплекс бюрократий) со своей собственной корпоративной персонализацией, предпочтениями и ресурсами для продвижения определенных идей...» [13, p. 5].* Говоря другими словами, сегодня, когда еще не преодолено взаимное недоверие между государствами и существует различие между интересами отдельных государств и международными организациями, сохраняется возможность отследить за самыми «благими» и гуманными призывами вполне ограниченные цели конкретных стран, правительств и корпораций. Поэтому авторы считают, что следует заняться более серьезной верификацией уже предложенных концептов, а не просто внедрять новую терминологию. Они также обращают внимание на открытый характер проблемы *ценностей и идентичностей индивидов, которых мы собираемся защищать.* Какую идентичность: самого индивида, или индивида как члена определенной группы? [13, p. 13]

Безопасность человека и проблема интеграции в Восточной Азии. Не менее показательна ситуация с признанием идей, связанных с безопасностью человека в Восточной и других частях Азии. С одной стороны, одна из наиболее влиятельных здесь международных организаций АТЭС на своем Саммите 2003 г. в Бангкоке приняла специальную декларацию «Повышать безопасность человека». В ней, в частности, провозглашалось: «мы солидарны направлять усилия АТЭС не только на содействие процветанию нашей экономики, но также и на связанную с ней миссию обеспечения безопасности людей» [9, p. 184]. Но с другой стороны, как показал П. Эванс, для большинства стран регио-

на «идея, согласно которой внешние силы могут защищать их граждан более эффективно... кажется неприемлемой в свете итогов корейской и вьетнамской войн и более близких к нам устремлений возглавляемой США коалиции по нациестроительству в Ираке» [cit. on 9, p. 170-171]. Не случайно, активность Японии на данном направлении может рассматриваться другими авторами и как *средство влияния и определения своей независимой идентичности в сложной международной системе в условиях ограниченных возможностей*, обусловленных мирным характером ее конституции.

Однако последовавшие затем новые катастрофические события (цунами 2004 г., мощные землетрясения 2005 г. в Пакистане, 2008 г. в Китае, а теперь и в Японии) вновь показали необходимость объединения усилий отдельных стран для преодоления их последствий. Тем более, что, как отметили специалисты: «По иронии судьбы этот наиболее милитаризованный регион имеет ограниченные возможности противостоять всем этим угрозам» [9, p.172]. Значимость принципа безопасности человека принял Таиланд, в последнее время с инициативой превратить АТР в регион беспрецедентного сотрудничества в сфере безопасности человека выступила Малайзия. Но пока исследователи констатируют все же маргинальное значение этого принципа для региона в сравнении с традиционными угрозами безопасности. Показательной в этом отношении является позиция Китая. Она тоже несколько меняется, так как руководство страны высказалось за расширение регионального сотрудничества и готовность обсуждать нетрадиционные аспекты безопасности. Однако по поводу безопасности человека, а тем более положения об ответственности защищать здесь преобладают оценки, согласно которым – это только повод для вмешательства в дела других государств. Появились также утверждения о несоответствии подобных принципов основным постулатам конфуцианства. По-китайски очень емко и образно свою оценку существования проблемы высказал директор Института мировой экономики и политики АОН Китая Ван Ичжоу: «... можно утверждать, что безопасность человека и социальная безопасность являются основами для национальной безопасности... [но] сводить национальную безопасность к пространству безопасности человека и социальной безопасности – то же самое, что обращать внимание на симптомы, а не на причины самой проблемы» [cit. on 9, p. 182-183].

Поскольку между Японией и Китаем сохраняется определенное напряжение в отношениях, то оно, вероятнее всего, сказывается на отношении последнего к ориентированному на человека восприятию безопасности. Да и в целом Восточная Азия, характеризующаяся преобладанием двусторонних отношений между государствами, пока не может быть примером хорошо поставленной региональной интеграции. В этой ситуации японская сторона сделала верную расстановку акцентов, связав *человеческое измерение развития с интересами транснациональной общности*. На основе этой посылки был сделан вывод, что принцип безопасности человека является вариантом *мультилатерализма* и может служить важным средством региональной консолидации, основанной на международном праве [26, p. IX]. Своей стране японские исследователи готовы отводить достаточно скромную, на первый взгляд, роль в этих процессах: «Скорее это было ощущение, что безопасность человека является той областью, в которую Япония может внести наибольший вклад для международного сообщества, как основная сила, которую можно охарактеризовать «как глобальную гражданскую силу» [26, p. 6]. Они признают – перспектива формирования Восточноазиатского сообщества открывает для «Страны восходящего солнца» новые возможности. Но эти же авторы стараются показать, что стремление Японии к

новому положению не связано с продвижением узко национальных интересов. Все дело, по их мнению, заключается в том, «...что большинство глав государств и народов региона искренне хотели бы, чтобы Япония оставалась конструктивной силой в регионе, активно проявляя себя как гражданская сила...» [26, p. 17]. Но сможет ли принцип безопасности человека, а не те же конфуцианские ценности стать основой восточноазиатского регионализма покажет будущее.

Таким образом, буквально, что называется, на наших глазах одно из многих положений Отчетного доклада 1994 г. в течение достаточно короткого промежутка времени дало толчок новому направлению деятельности ООН и стало приоритетом внешней политики ряда стран. Это произошло, несмотря на то, что, в принципе, сама идея безопасности человека не так уж и нова. Здесь уместно будет вспомнить, например, идею *вечного мира*, предложенную в 1795 г. И. Кантом. Известный американский антрополог Л. Уайт более «приземлено» высказывался по этому поводу: «Человек является одним из животных и, как все другие живые существа, он стремится к выживанию: путем приспособления себя к своей среде обитания, установления некоего контроля над окружающей средой, чтобы можно было бы сделать жизнь безопасной...» [25, p. 110]. Можно привести и еще другие высказывания подобного рода. Однако все дело в том, что только реалии, проявившие себя в 1990-е гг., позволили наконец-то признать именно человека *ответственным субъектом сохранения безопасности*. В результате произошло расширение содержания традиционного концепта безопасности за счет включения в него нового измерения – *безопасности человека*. Появлений разного рода институций, ответственных за поддержание нового принципа международной деятельности, и проведение различных мероприятий по данной теме закрепили нормы безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, а также ответственности защищать в современной повестке дня политиков. Они обрели и академическую респектабельность, так как ведущие специалисты в области международных отношений сочли достойным для себя высказаться по указанным поводам [7]. Можно согласиться с выводом МакФеризна и Хонга о состоявшемся дискурсе безопасности человека, который включает в себя два основных измерения: отказ от традиционного фокуса на государство в вопросах безопасности и новый подход в отношении угроз индивидам [13].

Однако другие факты, в том числе, неготовность большинства государств принять для себя новые принципы в сфере безопасности, противоречия между сторонниками таких принципов как именно их реализация, показывают, что идея безопасности человека и связанные с ней другие положения еще нуждаются в более содержательном исследовании. Но хотелось бы обратить внимание тех, кто готов, засучив рукава, сразу приступать к решению этой задачи, на то обстоятельство, что в данном случае, когда мы имеем дело с проблемами человека, мы выходим в новую исследовательскую область, которая получила определение как *антропология международных отношений*. Именно многообразие и разнородность проявлений пресловутого «*человеческого фактора*» создавали и будут создавать препятствия на пути всякого рода «универсалистских», «общечеловеческих» идей и практик. Поэтому основная проблема безопасности человека и других, близких к ней норм заключается в том, чтобы их приняли очень разные по своим характеристикам и установкам политические, научные и другие сообщества. Сделать это только на одних политических, правовых и экономических основаниях, как показывает опыт, уже нельзя. Для решения подобных задач требуется и антропологическая компетентность. Российская наука пока не очень озабочена «человеческим измерением» мировой политики [1; 3].

Рекомендации ученых других стран: «...политика безопасности человека 1) должна быть свободна от идеологического содержания. Это требование относится и к «азиатским ценностям», Азиатско-тихоокеанскому партнерству во имя демократии и др; 2) отказаться от лжи, случающейся в государственной и национальной практике «во имя императива национальной безопасности»; 3) понятия «угроза» и «активное сотрудничество» должны рассматриваться с позиции безопасности государства и безопасности человека – вроде бы, и верные, но не всегда пока реализуемые [9]. Но наша обострившаяся реальность уже настоятельно требует после первого шага – постановки на обсуждение идеи безопасности человека – сделать и другой: использовать адекватные ей, в том числе и антропологические, средства исследования.

Литература

1. Глобализация: человеческое измерение. Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2002.
2. Индивиды в международной политике. Перевод с французского. М.: Международная педагогическая академия, 1996.
3. Михеев В.В. Хомо-интернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности. М.: Институт Дальнего Востока, 1999.
4. Advisory Board on Human Security. Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 30.03.2011]
5. Annan Kofi. Secretary-General Salutes International Workshop on Human Security in Mongolia". Two-day Session in Ulan-Bator, May 8-10, 2000. Press Release SG/SM/7382. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2000/20000508.sgsm7382.doc.html> [Дата обращения: 10.04. 2011]
6. Asia-Pacific Centre for the Responsibility to Protect. Japan and Republic Korea on the Responsibility to Protect. 10 October 2008. Электронный ресурс. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org> [Дата обращения: 16.03.2011]
7. Bosold D. The Politics of Self-righteousness: Canada's Foreign Policy and 'the Human Security' Agenda. P. 1-17 Электронный ресурс. URL: <http://turin.sgir.eu> [Дата обращения: 26.04.2011]
8. Buzan B. 'Human security: What it means and what it entails', paper presented at the 14th Asia-Pacific Roundtable, Kuala Lumpur, 3-7 June 2000, pp. 1-15.
9. Development Report 2005: International Cooperation at a Crossroads – Aid, Trade and Security in an Unequal World (New York: UNDP, 2005) Chapters 1 and 2 and 4. Электронный ресурс. URL: <http://www.sd.undp.org/HDR/HDR05e.pdf>. [Дата обращения: 28.04.2011]
10. Fukushima A. and Tow W. Human security and global governance. Security Politics in the Asia-Pacific A Regional-Global Nexus? Edited by William T. Tow. Cambridge. Cambridge University Press. 2009. Pp. 167-187
11. Human security – now. Online of the Report of the Commission on Human Security Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 20.03.2011]
12. Implementing the Responsibility to Protect. Asia-Pacific in the 2009 General Assembly Dialog. October 2009 Электронный ресурс. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org>. [Дата обращения: 9.04.2011]

13. Kaldor M. Human Security. Cambridge, Malden., Polity. 2007.
14. MacFarlane N., Yuen Foong Khong. Human Security and the UN: a critical history. Bloomington. Indiana University Press. 2006. 346 p.
15. Majidi M.R., Dehshiri. M. R. The Contribution of West Asia to the Concept of Human Security. Электронный ресурс. URL: <http://www.birjand.ac.ir/ichswa>. [Дата обращения: 14.04.2011]
16. Ogata S. Empowering People for Human Security. Payne Lecture. Stanford University, 28 May, 2003. Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 1.03.2011]
17. Opening Remarks by Prime Minister Keizo Obuchi. The Asia Crisis: Meeting the Challenges to Human Security. An Intellectual Dialog on Building Asia's Tomorrow. Tokyo, Japan, December 2-3, 1998. Электронный ресурс. URL: <http://www.jcie.or.jp>. [Дата обращения: 30.03.2011]
18. Prantle J., Nakano R. Global Norm Diffusion in East Asia: how China and Japan Implemented the Responsibility to Protect. Center for Non-Traditional Security Studies. Working Papers. Series N 5. Singapore. January 2011. P. 1-18 Электронный ресурс. URL: www.irsis.edu.sg/nts [Дата обращения: 14.03.2011]
19. Secretary-General Salutes International Workshop on Human Security in Mongolia". Two-day Session in Ulan-Baatar, May 8-10, 2000. Press Release SG/SM/7382. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2000/20000508.sgs7382.doc.html> [Дата обращения: 1.04.2011]
20. Shinoda H. Chapter 1. The Concept of Human Security. Historical and Theoretical Implications. IPSHU English Research Report Series n 19. Conflict and Human Security: a Search for New Approaches of Peace-building (2004). P. 5-22. Электронный ресурс. URL: <http://www.hiroshima-u.ac.jp>. [Дата обращения: 27.03.2011]
21. Statement by Director-General Yukio Takasu at the International Conference on Human Security in a Globalized World. Ulan-Bator, 8 may, 2000. Электронный ресурс. URL: <http://www.cpindinda.org>. [Дата обращения: 22.03.2011]
22. The Canadian Consortium for Human Security Электронный ресурс. URL: www.humansecuritybulletin.info. [Дата обращения: 12.04.2011]
23. United Nations Development Program (UNDP). Human Development Report 1994. New York: Oxford University Press. Overview: An agenda for the Social Summit, p. 23. [Электронный ресурс] http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1994_en_overview.pdf [Дата обращения: 11.04.2011]
24. United Nations Trust Fund for Human Security Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 10.04.2011]
25. Werthes S., Debiel. T. Human Security on Foreign Policy Agendas: Introduction to Changes, Concepts and Cases Human Security on Foreign Policy Agendas. Changes, Concepts and Cases. INFE report80/2006 ed. By Debel T., Werthes S. Institute for Development and Peace University of Duisberg-Essen. 2006.
26. White L. The Science of Culture. A study of man and civilization, Farrar, Straus and Company. New York. 1949. 423 p
27. Yamanoto T. Human Security – From Concept to Action: A Challenge for Japan. Proceedings of the International Conference Human Security in East Asia. Korean National Commission for UNESCO. Ilmin International Relations Institute of Korean University. 2004. Pp. 3-21.

УДК 656.612.004.67.001.7 (571.63)

Астафурова И.С., Полищук П.С.

Основные подходы к формированию портфеля стратегических альтернатив развития судоремонтного предприятия

Principal approach to organization of portofolio of strategical alternatives for ship-repair company

Стратегической целью развития рыбохозяйственного комплекса Приморского края является создание условий для перехода с зарубежных рынков судоремонтных услуг на береговые предприятия Приморья. Достижение целей связано с рисками нежелательного развития событий при реализации планов стратегических преобразований предприятий судоремонтного комплекса. В статье предлагается методический подход к оценке масштабов риска на базе интегральной (комплексной) оценки.

Ключевые слова: *предприятия судоремонта, предпочтения потребителей судоремонтных услуг, рыбодобывающие*

The strategy of the ship repair industry in Primorye is the reorientation of the fishing fleet from the foreign markets of shipbuilding and the ship repair services to domestic ones. On the way to the goal, some risks could appear due to the possible undesirable reorganizations of the ship repair enterprises. Systematic approach for these risk estimation is proposed on the base of integral comprehensive evaluation.

Key words: *ship-repairing enterprises, consumer preferences, fishing and transportation company, SWOT – analysis, cost of a ship repairing service*

Приморский край является стратегически важным регионом для России. Рост значимости восточного сектора России и стратегии крупного российского бизнеса в этом районе требует осознания того факта, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и, прежде всего в Северо-восточной Азии (СВА), формируется новый центр мировой экономики и политики, который потенциально по своим масштабам и объему финансовых, производственных, сырьевых, энергетических и информационных ресурсов значительно превышает Европейский Союз (ЕС). Ядром центра является СВА, где тесно переплетаются и сталкиваются интересы крупнейших мировых держав – США, Китая, России, Японии и группировки стран АСЕАН. [4]

АСТАФУРОВА Ирина Сергеевна, к.э.н., доцент кафедры «Бухгалтерский учет и аудит» Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: Irina.Astafurova@vvsu.ru

ПОЛИЩУК Павел Сергеевич, Главный инженер по судоремонту в представительстве компании «AZIA SHIPPING HOLDINGS LTD» во Владивостоке. **E-mail:** pavel_130975@mail.ru

По описанной выше причине одна из самых актуальных задач для предприятий судоремонта края – реализация планов, определяющих и обеспечивающих их стратегические преобразования. Наличие стратегических планов – один из способов снижения рисков инвестирования, это относится и к предприятиям судоремонта.

На территории Приморского края расположено по одним источникам предприятий судоремонта – 27, по данным, собранным в 2010 – 38, а предприятий, являющихся потребителями услуг – около 200. Опрос, проведенный исследователями Тихоокеанского Государственного университета экономики и управления в 2006 г., 74 респондентов, являющихся потребителями услуг судоремонта, показал, что хотя большая их часть, 67,5%, предпочитали осуществлять ремонт судов во Владивостоке, тем не менее, почти 38% респондентов отдали предпочтение зарубежным докам и верфям. Основанием первого выбора являлась удовлетворенность качеством услуг, предлагаемых Приморскими предприятиями судоремонта: основная оценка качества услуг по 5-балльной шкале – 4 балла (около 70% респондентов оценили именно так эту категорию уровня качества), около 22% – 3 баллами. Сроками выполнения ремонта удовлетворены более 70% респондентов, их устраивала продолжительность ремонта от 1 до 1,5 месяцев, отмечены как важные – комплекс услуг, предлагаемых предприятиями и даваемых гарантийные обязательства. Сокращение количества судов и конкурентные преимущества зарубежных судоремонтников привели к сокращению загрузки производственных мощностей судоремонтных предприятий в Приморском крае до 30-35%.

Как показывает практика, такая ситуация продолжает сохраняться и до сегодняшнего дня, но существует опасность, связанная с учётом этих преимуществ Приморских судоремонтников иностранными судоремонтными фирмами и компаниями. В условиях мирового финансового кризиса, изменения приоритетов потребителей судоремонтных услуг в Приморском крае, можно сделать вывод о неудовлетворённости ремонтом судов рыбодобывающих и транспортных компаний на предприятиях края.

Несколько иная ситуация сложилась на конец 2010 года. Предварительный анализ на примере стоимости корпусных работ на верфях Китая, Южной Кореи и России на основе прайс-листов судоремонтных компаний позволяет сделать следующие выводы: стоимость ремонта 1 м² обшивки судна на верфях Китая в 5 раз, а в Южной Корее почти в полтора раза ниже, чем стоимость таких же работ на Приморских судоремонтных предприятиях. Значительная разница в стоимости может представлять собой зависимость от качества ремонта, при этом сравнение стоимости механического ремонта Приморскими судоремонтниками и на Азиатских верфях даёт положительную картину для Приморских предприятий.

Предпочтения пользователей судоремонтных услуг на сегодняшний день представляют собой следующий перечень:

1. короткие сроки ремонта;
2. гарантия качества предоставляемых услуг и использование «системы менеджмента и качества» на предприятии;
3. доступные цены с предоставлением предварительной сметы на ремонт;
4. опыт работы с данным предприятием;
5. широкий спектр услуг;
6. предоставление базы ремонта в чётко указанное судовладельцем время с фиксированной доковой позицией.

Сильными сторонами Приморских судоремонтников являются:

- Гарантии качества предоставляемых услуг;
- Сроки ремонта;
- Предоставление технической и отчётной документации в соответствии с требованиями РМРС;
- Предоставление скидок и рассрочки оплаты или расчёта производимой продукцией;
- Высокое качество производства судовых систем и механизмов российскими специалистами.

Обследование менеджеров высшего и среднего звена предприятий судоремонта выявило следующие слабые стороны и угрозы [3, с. 36] для услуг, предоставляемых судоремонтными предприятиями Приморского края: несоответствие затрат и сложившегося уровня цен, ограниченность финансовых ресурсов, несовершенство системы сбора и обработки информации, привлечение контрагентов и посредников, устаревшее оборудование, неблагоприятная правительственная и региональная политика, уменьшение емкости целевых рынков, усиление конкурентного давления судоремонтных предприятий на Азиатских верфях, изменение предпочтений потребителей.

Почти 67% респондентов на первое место поставили неэффективную систему управления, сложившуюся на предприятии. Скоринговый (шкальный) анализ ключевых показателей, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность, показал, что обследованные предприятия (более 34% от общего числа предприятий) относятся либо к группе предприятий особого внимания, так как имеется риск при взаимоотношениях с ними, либо к группе предприятий высочайшего риска, практически неплатежеспособных, либо к предприятиям, являющимся практически банкротами. Основная часть предприятий (более 90%) относится к группе предприятий особого внимания, что говорит о том, что предприятия ещё не безнадёжны с точки зрения их преобразований в соответствии со «Стратегией развития» (См. Таблица 1).

Судоремонтная промышленность традиционно считалась основной подотраслью машиностроения Приморского края, основная часть гражданских судов от маломерных до крупнотоннажных осуществляла ремонт в доках судоремонтных заводов г. Владивостока, г. Находка и п. Славянка. На сегодняшний день оставшаяся часть судов производит и крупный и мелкий ремонт на зарубежных верфях стран АТР, причём зачастую ремонт сильно изношенного флота из-за недостатка средств проводится только «косметический». При этом производственные мощности судоремонтных заводов Приморья простаивают и изнашиваются, не выполняя своего основного предназначения, а соответствующие финансовые потоки идут мимо федерального и регионального бюджетов, пополняя зарубежную казну.

Успешное развитие предприятий пищевой промышленности Приморья и довольно высокая конкурентоспособность их продукции позволяет предположить, что и судоремонтная промышленность города и края тоже может стать успешной при осуществлении стратегического планирования. Для того, чтобы осуществить планирование стратегических преобразований предприятий судоремонта необходимы крупные инвестиции, таких средств на сегодняшний день в крае нет, но для отдельных предприятий создание стратегических проектов может быть привлекательным и для российских и для зарубежных инвесторов.

Стратегические планы развития Приморского края и г. Владивостока позволяют актуализировать проблему стратегического управления и планирования развития в судоремонте, это даст возможность администрации в рамках подотрасли способствовать возрождению и развитию судоремонта в крае. Существование геополитических и соци-

Таблица 1
Результаты опроса менеджеров по оценке проблем, мешающих предприятиям судоремонта эффективно работать

Показатель	Удельный вес респондентов
Неэффективная система управления	66,67%
Недостаток финансовых средств	58,33%
Несоответствие затрат предприятия и сложившихся рыночных цен	41,67%
Накопленные долги перед бюджетом	33,33%
Накопленные долги перед персоналом	33,33%
Накопленные долги перед поставщиками	16,67%
Накопленные долги перед кредитором	16,67%
Недостаток квалифицированных специалистов	16,67%
Несовершенство системы сбора и обработки информации	16,67%
Отсутствие опыта продвижения продукции	8,33%
Неурегулированность отношений с собственниками	8,33%

Источник: рассчитано автором на основе анкетирования менеджеров высшего и среднего звена судоремонтных предприятий.

альных предпосылок возрождения стратегически значимого для Дальнего Востока судоремонта является мотивом для проведения исследования состояния этой подотрасли, наличия стратегического менеджмента и планирования.

Ограниченность ресурсов вынуждает предприятие формировать портфель стратегических альтернатив [1], который может содержать стратегии для промышленных кластеров, отдельного предприятия или отдельных стратегических зон хозяйствования (СЗХ) самого предприятия. Организация стратегического планирования на уровне промышленных кластеров является уровнем будущего, хотя и не очень отдалённого, так как предполагает консолидацию сил круга предприятий, что может быть достаточно трудоёмким. На уровне целого предприятия может быть недостаточно финансовых или человеческих ресурсов, поэтому на современном этапе рациональным может быть создание портфеля стратегических альтернатив только для СЗХ [2].

Процедура оценки принятой предприятием стратегии может включать следующие шаги: идентификацию существующей стратегии; конструирование одной или более матриц системы СЗХ (для её анализа); оценку и сравнение долговременных привлекательностей каждой СЗХ; оценку и сравнение конкурентной силы предприятия в каждой СЗХ; ранжирование СЗХ по истории их деятельности (стадиям эволюции) и перспективам; оценку каждой СЗХ на соответствие корпоративной стратегии и определение их относительной стратегической значимости для предприятия; ранжирование СЗХ по приоритетам для новых инвестиций, определение для каждой СЗХ генерального направления развития и стратегических действий (агрессивное развитие, защита достигнутого, «раздевание», «сбор урожая», ликвидация); определение состояния диверсификации в целом на предприятии (соотношение объёмов продаж в СЗХ, в целом по предприятию, текущей прибыли в них); оценку значимости для предприятия расширения или сужения базы диверсификации; оценку соотношений связанных и несвязанных СЗХ в системе предприятия; тенденции развития предприятия в российских рамках

и при интернационализации бизнеса; результаты последних действий по развитию ключевых СЗХ и/или усилению существующих позиций в бизнесе; действия по дополнению портфеля новыми СЗХ; действия по сокращению слабых и непривлекательных СЗХ; оценку пропорций инвестиций в СЗХ; оценку эффективности управления предприятием по реализации стратегических целей и роста конкурентных преимуществ.

Неоспоримые преимущества техники стратегического планирования для СЗХ заключаются в возможности для менеджеров: анализировать последствия преобразований; отображать необходимые денежные потоки между отдельными СЗХ; высшему руководству предприятия правильно распределять ресурсы; выработать концепции баланса системы СЗХ, идентифицировать нынешнюю структуру СЗХ и оптимизировать долгосрочную прибыльность (сбалансированная система СЗХ – сила предприятия, а несбалансированная – его слабость).

Однако техника СЗХ может привести и к определенным «ловушкам»: большое число СЗХ может создать проблемы информационной перегрузки для руководства фирмы (на практике это происходит, если число СЗХ приближается к 40-50), а, следовательно, и слабые общие решения; могут возникать конфликты финансовых приоритетов СЗХ и всего предприятия; упрощённое применение техники может создать проблемы для предприятия, использующего вертикальную интеграцию или связанную диверсификацию.

Сбалансированная система СЗХ должна содержать в основном «победителей» и развивающихся «победителей», небольшое количество «производителей прибыли» и немного малых «знаков вопроса», потенциально способных перерасти в «победителей». Проведённые исследования показали, что предприятия могут иметь несбалансированные системы СЗХ; они позволили нам выделить различные типы такой несбалансированности, отраженные в таблице 2.

В качестве источников информации могут использоваться мнения экспертов и специалистов предприятия, мнения экспертов и специалистов предприятий, образующих промышленные кластеры, мнения специалистов других предприятий отрасли, анализ деятельности предприятий отрасли, анализ деятельности прямых конкурентов, анализ деятельности лидирующих предприятий в России и за рубежом, годовые отчеты предприятий, печатные издания отрасли, различные исследования, в том числе, например, опросы потребителей, библиотеки.

Для выполнения комплексной оценки стратегической силы предприятия в целом и отдельных его СЗХ, а также конкурентов предприятия можно предложить взвешенную оценку, основанную на расчете средневзвешенной и представленной в таблице 3.

Оценка ключевых показателей производится на основе экспертной оценки по десятибалльной шкале, причём стратегическая сила каждого предприятия (исследуемого предприятия и его системы СЗХ, его конкурентов) определяется по известной формуле:

Кроме этого для оценки качественных показателей можно использовать показатель синергии [3] – свойства предприятия, приводящего к приросту дополнительной энергии:

где I_{cn} – синергический показатель, I_{kn} – индекс качества продукции, $I_{до}$

$$\bar{x}_{\text{стратегическая сила}} = \frac{\sum_{i=1}^n x_i \cdot f_i}{\sum_{i=1}^n f_i} = 1 \div 10 \text{ (баллов)}$$

Таблица 2
Типы несбалансированности системы СЗХ предприятия

Основные проблемы	Типичные симптомы	Типичные коррективы
Слишком много «проигрывающих»	<ul style="list-style-type: none"> • Неадекватные финансовые потоки • Неадекватная прибыль • Неадекватный рост 	<ul style="list-style-type: none"> • «Разделение» (ликвидация) • «Сбор урожая» в СЗХ – «проигрывающий» • Приобретение «производителей прибыли» • Приобретение «победителей»
Слишком много «знаков вопроса»	<ul style="list-style-type: none"> • Неадекватные финансовые потоки • Неадекватная прибыль 	<ul style="list-style-type: none"> • «Разделение»/ликвидация • /«Сбор урожая» в выбранных «знаках вопроса»
Слишком много «производителей прибыли»	<ul style="list-style-type: none"> • Неадекватный рост • Излишние финансовые потоки 	<ul style="list-style-type: none"> • Приобретение «победителей» • Выращивание/развитие выбранных «знаков вопроса»
Слишком много развивающихся «победителей»	<ul style="list-style-type: none"> • Чрезмерные запросы средств • Чрезмерные усилия в управлении • Нестабильный рост и прибыль 	<ul style="list-style-type: none"> • «Разделение» выбранных развивающихся «победителей» • Приобретение «производителей прибыли»

Источник: данные получены авторами при анкетировании менеджеров судоремонтных предприятий.

– индекс комфортности, I_k – индекс делового общения (индексы определяются экспертами по десятибалльной шкале).

Стратегический выбор включает формирование и оценку альтернатив-

$$I_{cn} = \sqrt[3]{I_{cn} \cdot I_{до} \cdot I_k}$$

ных направлений развития предприятия [5]. Считается, что формирование и оценка альтернативных вариантов развития представляет самостоятельную ценность для управления и реализуется в ходе стратегического планирования: определяются временные рамки, ресурсы, источники и объёмы финансирования и ответственные за реализацию намеченных мероприятий.

Целями предприятия могут быть использование возможностей и устранение угроз внешней среды, а также сохранение сильных и ликвидация слабых сторон самого предприятия, и, в соответствии с этим, генеральная стратегия предприятия должна состоять из следующих четырех направлений его деятельности: стратегия использования возможностей внешней среды; стратегия устранения угроз внешней среды; стратегия сохранения, укрепления и использования сильных сторон предприятия; стратегия ликвидации слабых сторон предприятия.

В соответствии с этим рассматривается система, описывающая формирование портфеля стратегических альтернатив и взаимосвязи отдельных составляющих (См. Рисунок 1). Как видно из этого рисунка, процесс формирования портфеля стратегических альтернатив включает в себя следующие пять подэтапов: 4 – по формированию альтернатив и пятый – по качественному анализу портфеля, причем первые четыре являются самой ответственной и трудоемкой работой.

Формирование альтернативных стратегий основывается на результатах предыдущего этапа («Миссия предприятия» и «Дерево целей») и проводится параллельно по каждому направлению. Необходимо руководствоваться только поставленными целями, а результаты стратегиче-

Таблица 3
Взвешенная оценка стратегической силы предприятия

Ключевые факторы успеха / мера силы	Рейтинговая оценка (балл), x_i	Вес, f_i	$x_i * f_i$
Качество /исполнение продукта	1-10	0,1	0,1-1
Репутация/имидж	1-10	0,1	0,1-1
Материалы /стоимость	1-10	0,05	0,05-0,5
Технологическое искусство	1-10	0,05	0,05-0,5
Производственные мощности	1-10	0,05	0,05-0,5
Маркетинг /распределение	1-10	0,05	0,05-0,5
Финансовые ресурсы	1-10	0,1	0,1-1
Относительная стоимостная позиция	1-10	0,25	0,25-2,5
Способность конкурировать по цене	1-10	0,25	0,25-2,5

ского анализа при этом затрагиваться не должны. Только в этом случае сформированный портфель будет максимально полным. Непосредственное влияние на формирование портфеля стратегических альтернатив оказывают только параметры (факторы) внутренней среды предприятия, знания и опыт руководства и сотрудников предприятия, чем ниже уровень этих факторов, тем ниже качество портфеля альтернатив. В разработке альтернативных стратегий помимо руководства должны быть задействованы и другие сотрудники предприятия.

В результате у руководства предприятия должен быть предварительный портфель альтернативных стратегий, который подлежит последующему качественному анализу. Качественный анализ предварительного портфеля проводит руководство предприятия и принимает решение о том, будет ли он окончательным или же подлежит доработке. Для этого предварительный портфель должен быть проанализирован на соответствие определенным критериям, а именно:

Количество альтернативных стратегий: неограниченно; Полнота портфеля: портфель должен содержать исчерпывающий список предлагаемых альтернатив; Независимость предлагаемых стратегий: альтернативные варианты должны быть неполучаемыми друг из друга и независимыми друг от друга;

– Соответствие стратегий поставленным целям: предлагаемые альтернативы должны быть четко направлены на достижение поставленных целей. Если предварительный портфель альтернативных стратегий не соответствует хотя бы одному из перечисленных выше параметров, осуществляется обратная связь для приведения его в соответствие с указанными параметрами.

Результатом этапа разработки стратегических альтернатив является окончательно сформированный и отвечающий предъявляемым требованиям портфель альтернативных стратегий, по каждой из которых

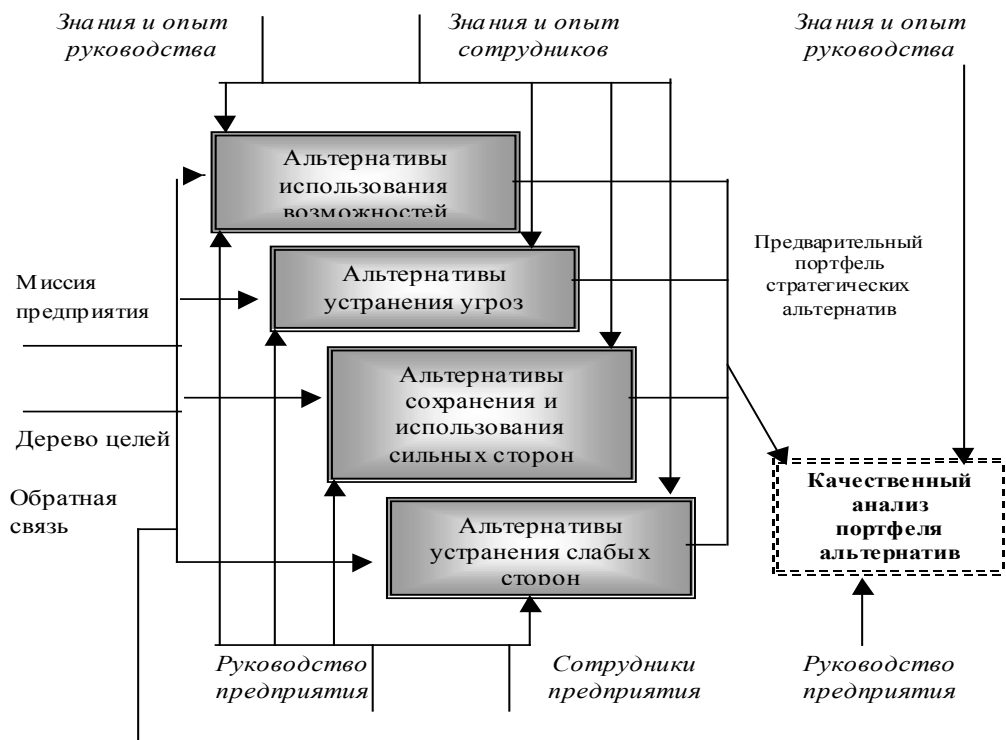

Рис. 1. Формирование стратегических альтернатив

ставятся цели и возможные пути достижения поставленных перед предприятием целей (не менее трёх по каждой цели).

На практике часто бывает так, что даже самые хорошие стратегические планы предприятие не может реализовать, предприятие не получает желаемого эффекта. Среди руководителей предприятий существует мнение, что достаточно обратиться к консультантам и реальная стратегия будет разработана. Это принципиальная ошибка, стратегию предприятие должно разработать само. Консультанты должны помогать организовать процесс разработки и реализации стратегии, но не более того. В подготовке решения обязательно должны принимать активное участие те, кто потом будет это решение реализовывать, т.е. в разработке стратегии должны активно принимать участие практически все менеджеры предприятия. Основная цель этого – обеспечение успешной работы в условиях рыночной экономики. Средство достижения цели – реструктуризация предприятия, заключающаяся в осуществлении комплекса мероприятий по приведению предприятия в соответствие с выработанной стратегией развития его функциональных структур: улучшение управления, повышение эффективности производства, конкурентоспособности выпускаемой продукции, рост производительности труда, снижение издержек производства, улучшение финансово-экономических результатов деятельности.

Формирование стратегического плана на основе стратегической диагностики оптимального набора фактических данных о финансово-хозяйственной деятельности самого предприятия и его партнеров, составляющих промышленные кластеры. Кроме этого самыми важными отправными точками являются создание соответствующей корпоративной культуры высшего, функциональных и т.д. звеньев менеджмента

выбор миссии и целей предприятия, соответствующих целям стратегического планирования.

Проведя сравнение Азиатского и Российского рынков судоремонтных услуг, на примере Приморского края, можно выделить основные проблемы, требующие решения: стоимость судоремонтной услуги (удобная ценовая политика) и качество её представления; неспособность на современном этапе конкурировать с Азиатскими верфями и возможность оказывать отдельные услуги по ремонту механизмов (сроки исполнения, профессионализм работников).

Литература

1. Гольдштейн Г.Я. Стратегический менеджмент. Таганрог: ТРТУ, 2004. Электронный ресурс. URL: <http://www.aup.ru/books/m92/> [Дата обращения: 24.04.11].
2. Кузнецов В.С. О стратегической альтернативности // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 2.
3. Старовойтов М.К., Фомин П.А. Практический инструментарий организации управления промышленным предприятием, М.: Высшая школа, 2002.
4. Титаренко М.Л. Россия – Восток: рынки и сферы сотрудничества. Традиции и особенности деловой этики. Энциклопедия прогнозов: Электронный ресурс. URL: <http://www.info@fkpi.ru/>
5. Хорев А.И., Воронин В.П. и др. Мониторинговый анализ как информационная основа социально-экономического управления предприятием. // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 3.

УДК 368

Копылов Л.Е.

Отраслевые преимущества региональных страховых компаний, как ключевые точки развития конкурентоспособности страховой отрасли Приморского края

Trade advantages of regional insurance companies as key points of competitive ability increasing of Primorskiy regional insurance branch

На фоне умеренно оптимистичных прогнозов развития страхового рынка России, которые дают эксперты отрасли, усиливается экспансия федеральных страховых компаний на Приморский рынок. Помимо этого, новые законодательные инициативы федеральных властей бьют по ключевым для местных компаний сегментам потребителей. В этих условиях крайне острым становится вопрос поиска региональными страховщиками отраслевых преимуществ, которые можно противопоставить крупным игрокам российского рынка.

Ключевые слова: *Приморский край, страхование, отраслевые преимущества, конкурентоспособность*

At the time while branch experts are giving moderate optimistic forecast of the development of the insurance branch, the federal expansion of some companies in Primorsky region is increasing. New federal initiations of laws stroke keys on consumers' sectors of local companies. In this situation searching of trade advantages which can be opposed to leaders of Russian insurance market by regional insurance companies is very important.

Key words: *Primorskiy region, insurance, trade advantages, competitive ability*

Развитие страхового рынка определяется динамикой производства и потребления товаров и услуг. В докризисное время (в 2006-2007 годах) страховые премии (без учета ОМС) составляли 1,4-1,5% ВВП. На фоне сокращения экономической активности в 2008-2009 годах доля страховых премий в ВВП снизилась до 1,3% ВВП. Падение доли страхования в ВВП в годы кризиса связано с несколькими причинами. [3]

Во-первых, потребность в страховании очень часто возникает в связи с крупными инвестициями – при покупке новой техники, помещений или другого имущества его чаще страхуют. В кризис инвестиционная деятельность резко замедлилась – по данным Росстата, в 2009 году ин-

вестиции в основной капитал упали на 17%. [3]

Во-вторых, страхование сопутствует получению кредитов в банке (страхование банковских залогов), а объем выданных кредитов в кризис заметно снизился. Соответственно, произошло сокращение объемов банковского страхования. [3]

В-третьих, страхование – это инструмент сохранения достигнутого благополучия. При наличии свободных средств потребители могут себе позволить расходы на защиту бизнеса или качества жизни своей семьи. И, наоборот, – при недостатке финансовых ресурсов на основные нужды население и предприниматели сокращают расходы на страхование. Именно это и произошло в России в 2009 году. Однако при всем этом страховой рынок показал свою устойчивость – снижение доли премии в ВВП оказалось незначительным. [3]

В целом прогнозы роста российской экономики, которые делаются различными аналитическими центрами на ближайшие несколько лет, выглядят умеренно оптимистичными. Например, по мнению МВФ, рост ВВП в 2010 и 2011 годах составит в России 4,3% и 4,1% соответственно. А согласно прогнозам российского МЭР ВВП в 2011-2013 годах будет увеличиваться на 2,6-4,4% (в зависимости от реализации тех или иных сценарных условий). [3]

Особо следует остановиться на численности и доходах российского среднего класса. Дело в том, что эта группа предъявляет основной спрос на новые автомобили и недвижимость. Известно, что 10% наиболее состоятельных российских семей обеспечивают 85% спроса на новые автомобили (в денежном выражении). На эту же группу приходится более 90% платежеспособного спроса на новое городское и загородное жилье. В кризис, несмотря на общий рост реальных доходов населения (в 2009 году они выросли на 2%), доходы наиболее состоятельных 10% россиян упали примерно на 20-25% в реальном исчислении. Именно с этим связано сокращение спроса на новые автомобили и страхование автотранспорта – в 2009 году продажи новых машин упали на 49%, а премии по страхованию каско автотранспорта снизились на 17%. При этом в 2010 году доходы наиболее состоятельных россиян, скорее всего, не достигнут докризисного уровня. Этого можно ожидать, вероятно, к середине или к концу 2011 года. [2]

На основании этих предпосылок можно попытаться оценить потенциал роста российского страхового рынка на ближайшие годы. Выглядит он следующим образом (См. Таблица 1).

Как видно из этого прогноза, в сегменте добровольного страхования и ОСАГО в ближайшие три года можно ожидать роста премий на 11-13% в год. В сегменте страхования за счет средств населения темпы роста премии будут несколько выше – до 15% в год. [3]

В таблице, приведенной выше, представлены номинальные темпы роста страхового рынка без очистки от инфляции. В реальном исчислении (с учетом роста цен) темп роста страховой премии, скорее всего, будет нулевым или вовсе отрицательным. Вообще надо сказать, что реальный рост страховой премии в России последний раз был в положительной зоне в 2007 году.

Ожидаемые темпы роста страховой премии в ближайшие годы останутся довольно скромными. Дело в том, что сегодня нельзя ожидать бурного роста российской экономики, вызванного резким всплеском цен на мировом сырьевом рынке, как в предкризисные годы. А внутренние основания экономического роста являются весьма слабыми. Для того, чтобы обеспечить реальное увеличение страховой премии, требуется быстрый рост производства, денежной массы и доходы, превосходящие потребности предприятий и населения. В этом случае избыточные (по срав-

Таблица 1
Потенциал роста российского страхового рынка 2011-2013 гг.

Годы	2009	2010 (оценка)	2011 (прогноз)	2012 (прогноз)	2013 (прогноз)
Добровольное страхование и ОСАГО, млрд. рублей.	507	561	626	699	791
Прирост премий	-8%	11%	12%	12%	13%
Страхование за счет средств населения, млрд. рублей.	233	254	288	327	376
Прирост премий	-7%	9%	14%	13%	15%

Источник: ЦИ Росгосстрах [3].

нению с первоочередными нуждами) ресурсы будут направляться, в том числе, и на страхование. Однако в ближайшие несколько лет мировая и российская экономики будут находиться в целом в состоянии медленно-неустойчивого роста. Поэтому заметного реального роста страхового рынка в России в ближайшие несколько лет ожидать не приходится.

Также, обращает на себя внимание постепенное снижение доли добровольного страхования в общей структуре сбора страховых премий (См. Таблица 2).

Таким образом, в последние годы принуждение потребителей к тому, чтобы они тратили деньги на страхование, становится основным фактором, определяющим динамику рынка.

Заметим, что присутствие обязательных видов страхования – не редкость и на развитых рынках, но если в богатых странах развитие обязательных видов страхования может достаточно органично сочетаться с развитием добровольных, то в небогатых – оно действует на добровольное страхование угнетающе, как бы «паразитируя» на нем.

Это – следствие общей ограниченности платежеспособности потен-

Таблица 2
Изменение долей добровольного и обязательного страхования в 2005-2010 гг..

Годы	Доля добровольного страхования, %	Доля обязательного страхования, %
2005	59,4	40,6
2006	56,0	44,0
2007	52,8	47,2
2008	49,1	50,9
2009	43,0	57,0
2010, 9 мес.	44,6	55,4

Источник: [4].

циальных страхователей.

В реалиях Приморского края данный прогноз имеет место в контексте активной экспансии федеральных страховых компаний на приморский рынок – каждый год количество федеральных компаний увеличивается, а региональных сокращается. Рынок можно легко считать конкурентным – нет ни одной компании, доля рынка которой превышала бы 18%. Интенсивность конкуренции в нашем регионе высокая. На рынке Приморского края в 2010 году работали 79 страховых компаний, из которых 25 владеют долей рынка добровольного и обязательного страхования (кроме ОМС) более 1%. Эти 25 компаний занимают 90% страхового рынка. [1]

Более 4% рынка каждая занимают всего 6 компаний, в сумме получающие более половины страховых премий:

1. Росгосстрах – 17,57%
2. Защита-Находка – 10,68%
3. ВСК – 7,41%
4. МАСК – 5,53%
5. ДАСК – 5,14%
6. СОГАЗ – 4,40%

Источник: Поступления и выплаты по договорам страхования (ФССН) за период: 2010 9 мес. [1]

В число лидеров отрасли традиционно вошли две региональные страховые компании – «Защита-Находка» и «ДАСК», остальные лидеры рынка – представители Москвы.

Интерес федеральных страховых компаний по отношению к Приморскому рынку в будущем будет только расти. В пользу усиления экспансии западного капитала говорят:

1. Колоссальные инвестиции в экономику края из федерального бюджета;
2. контракты на строительство объектов саммита АТЭС, полученные федеральными заказчиками;
3. озвучиваемый федеральными властями курс на социальное и экономическое развитие региона;
4. высокий уровень платежеспособности населения, по сравнению с прочими удаленными регионами страны (провинцией).

Стоит отдельно отметить инициативы федеральных властей по ограничению ввоза и эксплуатации автомобилей с правым рулем на территории Российской Федерации. На данный момент рынок «страхования правого руля» – сегмент, наименее охваченный федеральными страховыми компаниями. Это определяется политической качественной андеррайтинга крупных страховщиков, предлагающих низкие тарифы для новых автомобилей с левым рулем и невыгодные «отсекающие» условия для подержанных праворуких иномарок. Активное форсирование «обновления» приморского автопарка с переходом на новые автомобили с левым рулем или автомобили отечественного производства влекут за собой увеличение потенциального сегмента рынка, привлекательного для федеральных страховщиков.

Как было сказано выше, интенсивный рост рынка в течение ближайших трех лет не предвидится. Прирост премии ожидается за счет рынка страхования физических лиц, преимущественно обязательного страхования. Данный рынок характеризуется низким уровнем страховой образованности и отсутствием лояльности к страхованию в целом и компаниям в частности.

В финансовом секторе услуг «анклавность» нашего региона не оказывает существенного протекционного влияния. Страховой бизнес не ограничивают сложности логистики, открытия производства, поставок

и т.д. – проблемы, сопровождающие выход на приморский рынок большинства сетевых бизнесов.

В данных условиях укрепление конкурентоспособности локальных страховых компаний возможно за счет обнаружения и развития отраслевых преимуществ, связанных с опытом работы на местном рынке, сформированным отношением с дилерскими сетями (страховыми брокерами) и территориальным расположением.

Ключевыми преимуществами, на которых приморские страховые компании могут выстраивать свою конкурентоспособность, являются:

1. Скорость обработки заявлений, обслуживания, выплат.

Географическая удаленность от центра России, разница во времени могут обернуться для местных компаний значительным преимуществом. В условиях, когда качество страховой услуги обывателем воспринимается не как «надежность компании», «гарантия выплаты», а зачастую «скорость обслуживания». Во-первых, бюрократизированная структура федеральных конкурентов заставляет крупные компании отправлять большинство дел на рассмотрение в Москву. Там эти дела собираются, копяются, рассматриваются и возвращаются обратно в виде ответа. На такой процедуре, зачастую, теряются драгоценные часы. Во-вторых, сам факт отправки запросов в столицу создает для клиента ощущение отсутствия возможности влиять на результат – ведь человек принимающий решение, находится за десятки тысяч километров от его дома.

При правильной организации работы, при поставленной перед компанией задаче обеспечить максимальную оперативность рассмотрения претензий, запросов, максимально быстрых экспертиз, сверки оценки независимых экспертов, местный страховщик может добиться повышения уровня лояльности к данной компании. Также, способствует лояльности возможность оперативного получения обратной связи, коммуникации с клиентом и позиционирование организации, как структуры, где клиент может взаимодействовать напрямую с лицами, принимающими решения.

Однако для оперативности сервиса мало находиться в одном городе с заявителем. Для этого необходимо оптимизировать бизнес-процессы, расширять штат, обрабатывающий заявки и вступающий в коммуникации с потребителем услуги, налаживать процесс получения жалоб, обработки и предоставления обратной связи. Необходимо проводить работу с территориальными субъектами, принимающими заявления и производящими выплаты – разработать удобную «карту приема заявлений и выплат» – офисы компании должны иметь удобное месторасположение, а потоки посетителей должны быть сбалансированы.

Отдельно стоит отметить, что при этом необходимо обеспечить оперативность страховых выплат, чтобы этот, безусловно, важный параметр, как минимум, не уступал конкурентам, а уж получить имидж компании, которая платит раньше всех – вообще стоит многого.

Справедливости ради, нужно сказать, что федеральные компании ведут в этом направлении работу, постепенно расширяя перечень запросов, которые решаются на местах. Особенно те компании, которые нацелены на доминирование на Приморском рынке.

2. Региональная (отраслевая) специфика.

На страховом рынке Приморского края существуют риски, непрофильные для федеральных страховщиков. Например, страхование малых судов – новых и подержанных. Опыт работы с данным сегментом

позволяет объективно оценивать риски, обеспечить высокое качество андеррайтинга, создавать уникальный набор дополнительных услуг и адекватный тариф.

В распоряжении локальных страховщиков в ближайшие 5-7 лет будет оставаться постоянно сокращающийся рынок подержанных иномарок с правым рулем.

Фокусировка на определенный регион позволяет выстраивать не глобальное, всероссийское позиционирование, а позиционирование с учетом особенностей региона. Так, например, ОАСО «Защита-Находка» укрепило позиции на рынке ОСАГО с помощью своевременного введения службы аварийных комиссаров – первых на Дальнем Востоке.

Таким образом, укрепление конкурентоспособности нужно искать в нишевых сегментах рисков, не типичных для крупных игроков, и позиционировании на рынке с учетом местного менталитета и специфики.

3. Долгосрочные отношения с дилерами (страховые брокеры).

Третьей точкой наращивания конкурентоспособности локальных игроков – выступают устоявшиеся связи с брокерами и дилерами. Так как в ближайшие несколько лет ожидается медленный рост страхового рынка Приморского края, то все амбиции федеральных страховых компаний, наращивающих активность в регионе осуществимы в большей степени за счет перераспределения текущих клиентов. Существенная доля клиентов работает не напрямую со страховщиком, а через страхового брокера.

Федеральные страховые компании с целью захвата доли рынка «подкупают» брокеров, предлагая более высокий процент за ту же самую сделку с уже существующим в базе клиентом. Региональным игрокам необходимо регулярно мониторить ситуацию на рынке брокерских услуг, «держать руку на пульсе» и своевременно редактировать условия работы с брокерами.

Также возможно усиление конкурентоспособности за счет поиска нестандартных партнеров-агентов – ТСЖ, рынок авто-услуг, морских услуг и т.д. Преимущество поиска таких партнеров заключается в сохранении большей гибкости, чем себе может позволить структура крупных страховщиков. Сохранении устоявшихся соглашений и договоров с медицинскими учреждениями, в развитии отношений с местными банками, предоставлении особых условий на страхование объектов, под покупку которых выдается кредит и т.д.

Подводя итог сказанному, хотелось бы ещё раз отметить, что сегодня на страховом рынке Приморского края происходят процессы, усложняющие жизнь региональных страховых компаний:

А) Усиление конкуренции со стороны федеральных игроков

Б) Изменение клиентской структуры под воздействием законодательных инициатив

В) Умеренный рост рынка, не успевающий компенсировать изменения и удовлетворить амбиции крупных игроков.

В данном контексте, чтобы сохранить свою конкурентоспособность, местным игрокам необходимо:

А) Использовать территориальную близость к клиенту для улучшения «скоростных» характеристик обслуживания – время ответа, рассмотрения заявки, приема заявления, удобное территориальное положение.

Б) Находить нишевые сегменты с нетипичными рисками для федеральных конкурентов и укрепляться в них, создавать региональное позиционирование с учетом специфик и менталитета региона, разраба-

тывать уникальные продукты и услуги.

В) Укреплять отношения с дилерами и агентами, находить нестандартные решения для брокерских продаж, наращивать эффективность сотрудничества с местными посредниками.

Литература

1. Страхование в России. Электронный ресурс. URL: <http://www.allinsurance.ru/biser.nsf/AllDocs/AKLK-73WA56060607509?OpenDocument&Filter=2010%209%20%D0%BC%D0%B5%D1%81.%20~1> [Дата обращения: 15 января 2011 г.]

2. Страхование в России. Электронный ресурс. URL: <http://www.allinsurance.ru/biser.nsf/AllDocs/OSAGO-2010-9?OpenDocument> [Дата обращения: 17 января 2011 г.]

3. Страхование в России. Электронный ресурс. URL: <http://www.allinsurance.ru/AllDocs/OMIN-899DP9130910917> [Дата обращения: 12 января 2011 г.]

4. Страхование сегодня. Электронный ресурс. URL: <http://www.insur-info.ru/analysis/699/> [Дата обращения: 15 января 2011 г.]

УДК 316.334.2 (571.621)

Соловченков С.А.

Проблемы рынка труда Еврейской автономной области сквозь призму человеческих оценок

**Labor market problems of the Jewish Autonomous region
through the prism of human evaluations**

Рассматриваются проблемы социально-трудовой сферы, которые, по мнению участников рынка труда, являются наиболее серьезными. Дается сравнительный анализ мнений участников рынка труда и реальной ситуации.

Ключевые слова: рынок труда, социологический опрос, проблемы рынка труда, оценка текущей ситуации, иррациональность принимаемых решений

The problems of the labor market, which in the opinion of its participants are the most serious. A comparative analysis of the views of actors in the labor market and the real situation are given

Key words: labor market, social survey, labor market issues, assess the current situation, irrational decisions

Рынок труда в современных условиях является весьма динамичной и быстро меняющейся системой. При достаточно высокой скорости изменения исходных условий, формирующих социально-экономические реалии занятости, возникает парадокс задержки восприятия и оценки этих самых реалий акторами рынка труда. Одним из возможных способов оценки ситуации с несовпадением мнений участников и реалий рынка труда, является социологический опрос, направленный на выяснения отношений людей к тем или иным проблемам рынка труда, и сопоставление полученных ответов с реальной ситуацией

Целью нашего исследования является выявление проблем рынка труда ЕАО, которые, по мнению его участников, являются наиболее серьезными.

Исследование проводилось путем анкетного опроса тех категорий жителей, которые имеют либо прямое отношение к рынку труда Еврейской автономной области, либо могут влиять на его функционирование. Эмпирической базой данного исследования послужили результаты

опроса проводившегося в области автором статьи в 2008 – 2009 гг. Генеральная совокупность включала в себя экономически активное население региона. Исследованием были охвачены представители занятого населения, безработных, малых предпринимателей, крупных предпринимателей, представителей правительства области, сотрудники областной службы занятости и студенты ВУЗа старших курсов. Тип выборки – направленная квотная, $n=654$.

Предваряя оценочные суждения респондентов об основных проблемах рынка труда году, нам хотелось дать описание реальной ситуации на основе статистических показателей. Сравнение объективной реальности и ее отражения в сознании участников рынка труда позволяют понять, насколько адекватно воспринимается совокупность проблем в сфере занятости, что напрямую влияет на рациональность принимаемых решений в процессе поиска рабочих мест и рабочих рук.

Проблема 1 «Высокий уровень безработицы».

На протяжении всего периода реформ данный показатель для областного рынка труда выглядел не самым лучшим образом. По сравнению с общероссийской ситуацией, ЕАО всегда выглядела проигранно. Вплоть до 2003 г. уровень безработицы в области весьма серьезно превышал аналогичные среднероссийские показатели. В 2003 году сложилась уникальная ситуация, когда показатель безработицы оказался в 1,2 раза ниже общероссийского. В последующие годы наблюдался стабильный рост данного показателя. Итогом этого процесса стало достижение уровня безработицы 9,7% в 2007г. Однако несмотря на то, что эти цифры превышали общероссийский уровень в 1,5 раза, сложно назвать его катастрофическим. Сравнение же с другими субъектами Российской Федерации позволяет сказать, что ситуация в ЕАО не является чем-то уникальным. В общей сложности 21 субъект Федерации сопоставим по данному показателю с нашей областью, из которых в 12 показатели выше, чем в ЕАО.

Проблема 2 «Низкий уровень заработной платы»

Для ответа на вопрос «Существует ли данная проблема в области?» мы сравнили показатели среднедушевых доходов по области и России. На основании данных показателей можно сказать, что уровень доходов в области на протяжении 10 лет, предшествовавших исследованию, всегда был ниже. На 2007 год отставание среднедушевых доходов по области от общероссийского уровня составляет 49%. А если учесть тот факт, что по такому показателю как «величина прожиточного уровня» ЕАО в 2007 году входила в двадцатку самых дорогих, можно с уверенностью сказать, что проблема низких зарплат для области весьма остра и актуальна.

Проблема 3 «Высокая текучесть кадров».

Проблема высокой текучести кадров для области, как и для всего Дальневосточного региона, существует весьма длительное время. В советский период высокий уровень этого показателя поддерживался за счет невозможности занять население содержательным трудом, а также высоким миграционным оборотом [3]. За прошедшие 20 лет, несмотря на все экономические преобразования, ситуация с текучестью на востоке страны не изменилась [2]. При нормальном (естественном) уровне текучести в 3-5% обеспечивается достаточная стабильность занятости на предприятиях, и при этом гарантируется приток новых специалистов,

что является, несомненно, положительным моментом. Превышение же данных значений несет в себе скорее отрицательные последствия. Ситуация с текучестью кадров в Еврейской автономной области на 2007 год, как впрочем и на 2008, оставалась весьма неблагоприятной. По данным официальной статистики [1] показатель текучести кадров достигал уровня 32,9%. В области в течение года каждый третий занятый меняет свое рабочее место. Излишняя текучесть вызывает значительные экономические потери, а также создает организационные, кадровые, технологические трудности в функционировании предприятий. Несомненно данная проблема является одной из серьезнейших для области. Без ее решения любые мероприятия, направленные на повышение производительности труда, эффективности использования капиталов и оборудования, обречены на провал. Помимо этого, проблема текучести кадров напрямую влияет на следующую проблему рынка труда области.

Проблема 4 «Низкая квалификация работников»

Уровень профессионализма в области действительно катастрофически низок. Исследования ряда ученых показали, что данная ситуация носит скорее исторический характер, и сформировалась достаточно давно. Преобладание сельскохозяйственных производств, отсутствие высокотехнологичных производств, которые вынуждали бы население повышать квалификационные характеристики, отсутствие образовательных учреждений высшего уровня по техническим специальностям, советский уклад экономики, при котором требовалось не качество труда, а его количество, и ряд других факторов предопределили современную ситуацию. В итоге, на территории ЕАО, как и на всем Дальнем Востоке, сложилась парадоксальная ситуация, когда при достаточно высоком образовательном уровне населения уровень квалификации оставляет желать лучшего. [2]

Результаты опроса

Оценив ситуацию с основными проблемными вопросами на рынке труда области и показав, какие из них, на наш взгляд, являются наиболее острыми, мы переходим к анализу результатов опроса.

Восприятие ситуации на рынке труда в 2008 году практически поровну разделилось между сдержано-положительной и негативной оценкой. Порядка 49,7% респондентов склонны положительно или сдержано оценивать существующую ситуацию. В свою очередь 48% опрошенных оценивали ситуацию на рынке труда отрицательно.

Подавляющая часть респондентов, а именно 44%, оценивавших ситуацию на рынке труда как положительную, считают ситуацию удовлетворительной, и крайне незначительная часть (5%) оценивали ситуацию как «хорошая» и «очень хорошая».

Весьма интересным является распределение оценок рынка труда по категориям опрошенных. Положительной ситуацию на рынке труда считают 50% респондентов от группы «работники частного или государственного предприятия». Негативно оценивали ситуацию на рынке труда около 42% работников. Около 8% работников, принявших участие в опросе, затруднились с оценкой ситуации на рынке труда. Подавляющая часть руководителей, как крупных, так и мелких предприятий считает, что ситуация на рынке труда в 2008 году сложилась неудовлетворительная, либо крайне неудовлетворительная. Подобным образом оценили ситуацию на рынке труда 61% респондентов из данных групп. Около 34% респондентов из данной группы оценили ситуацию удовлетворительно,

и только 5%, указали, что ситуация является хорошей.

Отдельно стоит отметить распределение мнений о состоянии рынка труда, сложившееся у сотрудников Правительства ЕАО. Подавляющее большинство опрошенных, а именно 72%, оценивали ситуацию на рынке труда положительно. При этом 14% представителей данной группы считают, что ситуация на рынке труда была даже хорошей, и 58% удовлетворительной. Только 28% респондентов данной группы оценивали состояние сферы занятости как неудовлетворительное.

Респонденты из категории сотрудников службы занятости были на наш взгляд более оптимистичны в своих оценках. Около 95% опрошенных сотрудников указали, что ситуация на рынке труда являлась «удовлетворительной», и только 5% дали отрицательную оценку ситуации.

В категории «студенты» также наблюдалось преобладание положительной оценки современной ситуации. Около 60% опрошенных указали, что считают ситуацию удовлетворительной. «Неудовлетворительной» и «крайне неудовлетворительной» ситуацию на рынке труда оценивали 37% опрошенных старшекурсников.

Мнение последней категории опрошенных «безработных», имели на момент проведения опроса, практически противоположные характеристики. Положительно ситуацию оценили примерно 25% респондентов. 50% из опрошенных безработных оценили ситуацию как «неудовлетворительную», и около 15% как «крайне неудовлетворительную». Около 10% респондентов из данной категории затруднились дать оценку существующей ситуации на рынке труда.

Определившись с общей оценкой ситуации на рынке труда, мы переходим к проблемам, которые, по мнению респондентов, являются наиболее острыми на 2008 год.

При ответе на вопрос «Какие проблемы являются самыми острыми на современном рынке труда», значительная часть респондентов указала низкую заработную плату, подобным образом считают 68% опрошенных. Все остальные ответы набрали меньшие проценты. Можно утверждать, что в восприятии данного факта проявляют солидарность практически все категории опрошенных, от студентов до представителей мэрии г. Биробиджана и Правительства ЕАО.

Помимо низкой заработной платы основными проблемами были указаны – невозможность найти работу по специальности (46% опрошенных); низкая квалификация работников (37% опрошенных); высокий уровень безработицы (32% опрошенных); высокая текучесть кадров (23% опрошенных).

Отдельные категории респондентов указали разные проблемы как основные. Низкую заработную плату на первое место поставили практически все группы, за исключением безработных и руководителей крупных предприятий. Однако значение этого фактора по разным категориям различно. Сотрудники Правительства эту проблему однозначно поставили на первое место. Все сто процентов в данной категории отметили ее. Подобная же ситуация наблюдается и среди студентов. Все сто процентов выпускников однозначно указали низкую заработную плату основной проблемой рынка труда.

Большинство сотрудников службы занятости также указывало на эту проблему, как на основную. Ее в анкетах отметили 94% респондентов. Лишь 40% руководителей мелких предприятий посчитали, что низкая заработная плата является проблемой для рынка труда. Данная ситуация была вполне объяснима, в силу ограниченности средств малых предприятий. Можно предположить, что в текущем 2009 году, низкие заработки будут восприниматься работодателями не как проблемы рынка труда, а как некоторое благо для предприятия.

Большая часть опрошенных работников также указывали, что низкая заработная плата является одной из основных проблем рынка труда. Но парадоксальным, на наш взгляд, является то, что подобным образом считают только 78% опрошенных. По нашим предположениям, процент должен был быть выше. Отчасти подобная ситуация может быть объяснена достаточно большим распространением практики «зарплат в конвертах», которые в значительной степени уменьшают беспокойство работающего населения из-за недостаточности официальных зарплат.

В значительной степени наше предположение о том, что мнение о размерах заработной платы, отраженное в анкетах сильно искажено, подтверждается тем фактом, что в дальнейшем, в процессе опроса, подавляющее большинство работников акцентировало свое внимание именно на оплате труда. Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что работники согласны терпеть нарушение их прав и тяжелые условия труда, лишь бы не терять существующий уровень зарплаты. Работники склонны допоследнего держаться за свое рабочее место, если уровень зарплаты остается приемлемым и не возникают конфликты с начальством. Остальные факторы, которые могут влиять на удовлетворенность работой (как-то близость от места проживания, монотонность, перспективы карьерного роста) в расчет не принимаются. Многие работники согласны терпеть, и терпят притеснения со стороны начальства, если это не оказывает отрицательного влияния на их уровень заработной платы. При выборе между увольнением и снижением заработной платы, работник предпочтет уволиться и приступить к поиску новой работы, по уровню зарплаты сопоставимой или превышающий предыдущую.

Мы предполагаем, что в данном вопросе так же есть некоторое расхождение с реальностью. Опрос проводился преимущественно среди работников рабочих специальностей, которые вопросами монотонности труда и возможностями карьерного роста озабочены крайне незначительно. Возможно ситуация по данному вопросу среди инженерно-технических работников и менеджеров среднего звена будет совершенно иной.

Оставшиеся две категории «руководители крупных предприятий» и «безработные» значительно выбиваются из общей картины. Так, среди безработных низкую зарплату указывают 53% опрошенных. Несмотря на то, что процент данной категории достаточно высок, по сравнению с другими озабоченность величиной заработной платы в данной категории достаточно низка. И, опять же, несмотря на кажущуюся парадоксальность, данная ситуация вполне объяснима. Категория безработных на момент опроса озабочена скорее не вопросом размера заработной платы, а скорее проблемой наличия заработков. Несомненно, некоторый элемент озабоченности размерами желаемых зарплат остается, и об этом свидетельствует довольно высокий процент упоминаний данной проблемы.

Совершенно отличная ситуация наблюдается среди руководителей крупных предприятий. Ни один из опрошенных руководителей не указал низкую заработную плату, как одну из проблем рынка труда. Основной акцент данной категорией опрошенных был сделан на «низкую квалификацию работников». Данную проблему указали в анкетах 100% респондентов из данной категории. Подобная картина характеризует скорее сверхрациональный подход руководителей крупных предприятий к работникам.

Остальные категории опрошенных, уделяя внимание данной проблеме недостатка квалификации, все же не столь сильно акцентировали на ней внимание. Исключением являются категории сотрудников службы занятости, из которых 61% опрошенных указал на данную проблему как на одну из основных на рынке труда, и сотрудники правительства

этой области отметили данную проблему в 58% случаев. На наш взгляд, ситуация с восприятием недостаточной квалификации как проблемы, не в полной мере адекватна. Для области эта проблема являясь одной из серьезнейших, до сих пор не получила должной оценки.

Среди руководителей мелких предприятий лишь 30% опрошенных посчитали проблемой недостаточную квалификацию работников. Объясняется это тем, что мелкие предприятия не используют сложное оборудование и высокотехнологические линии производств, что позволяет им оставаться нетребовательными к качеству трудового потенциала. Остальные категории уделили данной проблеме еще меньше внимания. В категории «работник частного или государственного предприятия» подобная проблема озаботила лишь 14% респондентов; среди студентов – 26%; среди безработных – 23%. Подобная ситуация, с одной стороны, легко объяснима, людей заботят другие проблемы (низкая зарплата, поиск работы). С другой стороны, недооценка проблемы не может не вызывать опасения. Даже среди безработных, для которых повышение квалификации – это один из самых действенных способов увеличения своей конкурентоспособности на рынке труда, только один из пяти считает эту проблему реальной.

Третьей проблемой, получившей наибольшее количество голосов при опросе, является «невозможность найти работу по специальности». В наибольшей степени этой проблемой обеспокоены респонденты из категории «безработные», что вполне объяснимо. В анкетах ее отметили 63% опрошенных. Среди категории «сотрудники правительства и мэрии» проблема «поиска работы» встречается практически столь же часто, ее указали 56% респондентов. Немного ниже озабочены представители категории «работников...», они ее указали в 50% анкет. Довольно высокой оказалась частота упоминания проблемы трудоустройства среди руководителей крупных предприятий. В своих анкетах ее указали 40% опрошенных. Возможно, это объясняется тем, что работа не по своей специальности приводит к снижению эффективности труда работника и вызывает озабоченность среди руководителей. Достаточно большое количество студентов, 41% опрошенных в процессе исследования, упоминает «невозможность найти работу по специальности» как реально существующую проблему современного рынка труда ЕАО. В некоторой степени данную проблему указывают и руководители мелких предприятий. От общего числа респондентов в этой категории, ее отметили 30% опрошенных. Меньше всего сложность с поиском работы по специальности склонны считать проблемой сотрудники службы занятости. Только 18% респондентов отметили ее в анкетах. По всей вероятности, сотрудники службы занятости достаточно часто сталкиваются с подобной сложностью в поиске работы, и достаточно хорошо представляет себе механизм ее решения. В связи с этим, среди основных проблем рынка труда ее практически не указывают.

Реже всего среди общей совокупности респондентов упоминаются проблемы текучести кадров и высокого уровня безработицы. Но отдельные категории опрошенных по-разному отнеслись к ним. Наибольшую озабоченность указанными проблемами мы наблюдаем среди категории «безработные». Высокий уровень безработицы беспокоит 72%, текучесть кадров – 50% безработного населения. Эта ситуация естественна и легко объяснима.

Порядка 41% опрошенных выпускников также указали в своих анкетах высокий уровень безработицы как основную проблему. При этом остальные категории респондентов уделили ей значительно меньшее внимание. Среди работников ее отметили лишь 21% опрошенных. Среди руководителей мелких предприятий проблему указали 26% ре-

спондентов. Руководители крупных предприятий и сотрудники службы занятости вообще не отмечают высокий уровень безработицы среди списков проблем рынка труда. Сотрудники правительства проявляют лишь незначительную озабоченность безработицей. Ее в своих анкетах отметили около 16% опрошенных. Ситуация с текучестью кадров вызывает еще меньшее опасение среди респондентов. За исключением руководителей крупных предприятий, среди которых данную ситуацию считают проблемой 40% опрошенных. Остальные категории уделили ей крайне незначительное внимание.

В результате проведенного исследования нам удалось выяснить, что наиболее серьезными проблемами на рынке труда ЕАО, по мнению его участников, являются низкий уровень оплаты труда и невозможность найти работу по специальности. Остальные, озвучиваются только во мнениях отдельных категорий участников.

Сопоставив реальные проблемы, существовавшие на рынке труда области на начало 2008 года с восприятием их участниками рынка труда, мы выявили некоторые несовпадения.

Достаточно адекватно в области воспринимается ситуация с низким уровнем заработной платы. Мнения участников рынка труда соответствуют реальности. Иная ситуация наблюдается в связи с низкой квалификацией работников и в связи с высоким уровнем текучести кадров. По оценкам большинства участников, на рынке труда Еврейской автономной области данные проблемы не актуальны, хотя в реальности, их наличие не вызывает сомнения.

Обратная ситуация наблюдается с высоким уровнем безработицы. Вопрос этот, актуальный для области в 1995-1998 годах, а на момент опроса, явно не являющийся таковым, показывает весьма высокий уровень озабоченности среди участников.

Литература

1. Статистический ежегодник Еврейской автономной области. Стат. сборник. ч. 1. Биробиджан: Еврстат., 2008.
2. Фаузер В.В. Опыт формирования населения и трудовых ресурсов северных районов // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. 2007. № 1. С. 83-98.
3. Шкуркин А.М. Рынок труда и занятость на российском Дальнем Востоке // Рабочие материалы московского центра Карнеги. 1999. № 2. С. 40-51.

УДК 343.23 (09)(571.63)

Крушанова Л.А.

Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг.

Features of economic criminality in Primorski Territory In the mid-fifties – 1960th

В статье рассмотрена экономическая преступность, имевшая место в Приморском крае в середине 1950-х – 1960-х гг. Исходя из понимания экономических преступлений, принятых в уголовном праве СССР и отраженным в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г., автор анализирует хищения и спекуляцию, а также методы борьбы органов власти с экономическими преступлениями.

Ключевые слова: *экономическая преступность, экономические преступления, теневая экономика, СССР, Приморский край, общество, население, власть, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., хищение, спекуляция*

In article the economic criminality which was taking place in Primorski Territory in the mid-fifties – Proceeding from understanding of the economic crimes accepted in criminal law of the USSR and reflected in Criminal code of RSFSR 1960 is considered 1960th, the author analyzes plunders and gamble, and also methods of struggle of authorities with economic crimes.

Key words: *economic criminality, economic crimes, shadow economy, the USSR, Primorski Territory, a society, the population, the power, the Criminal code of RSFSR 1960, plunder, gamble*

После распада СССР в стране резко увеличилось количество экономических преступлений. По-прежнему актуальными остаются незаконное предпринимательство, взяточничество, хищения и другие. Экономическая преступность относится к категории опасных видов преступлений, причиняющих существенный материальный ущерб как государству, так и отдельным гражданам. Она носит устойчивый характер и трудно поддается предупредительно-профилактическому воздействию.

Тема экономической преступности, как в зарубежной историографии, так и в отечественной, интересна различным специалистам, но в первую очередь экономистам, криминологам и социологам. Зародилась

Крушанова Лариса Александровна, к.и.н., научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** larrie@list.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН № 09-III-A-11-550 «Стратегия обеспечения социально-политической безопасности на Дальнем Востоке во второй половине XX в.»

она в 1970-х гг. Будучи молодым исследовательским направлением каждая из отраслей научного знания стремилась найти свою «нишу». Так, экономисты остановились на исследовании хозяйственной деятельности, которая находилась в обширной пограничной области между сферами легального и нелегального, т.е. «серой» экономики. Социологи – на социальных причинах экономической преступности. Криминологи предметом своего исследования определили четыре основных блока: признаки и показатели экономической преступности; ее причины и условия; личность тех, кто совершает преступления; а также систему мер их предупреждения.

Начало изучения теневой экономики связано с именем английского социолога К. Харта, «открывшего» в конце 1960-х гг. неформальную занятость в городских трущобах Ганы – одной из отсталых стран Африки. Но довольно скоро обнаружилось, что неформальная занятость существует в странах с плановой и рыночной экономикой, что нашло отражение в работе американского советолога Г. Гроссмана о так называемой «второй экономике» (second economy) в СССР (1977 г.). А уже в 1980-х гг. советологи вообще стали приходить к мнению, что за ширмой тотальной плановости и зарегулированности фактически скрывается экономическая система смешанного типа, где неформальное, неконтролируемое производство играет во многих отношениях не меньшую роль, чем производство официальное.

Не меньший шок о неформальных экономических структурах вызвала статья американского экономиста Э. Файга (1979 г.), в которой он приходит к выводу, что «нерегулярная экономика» (irregular economy) США охватывает треть официального ВВП, т.е. примерно столько же, сколько неформальная экономика в странах «третьего мира» [5].

Что касается отечественных исследований, то в советский период ввиду существования распределительно-регулируемой экономики, работ, посвященных теневой экономике, не могло быть в принципе. Однако выходили работы, в которых внимание авторов акцентировалось на хозяйственных преступлениях, в том числе хищениях социалистической собственности, борьбе с нетрудовыми доходами, видах наказания и т.д.

Дальневосточная историография представлена ограниченным числом работ, в которых экономическая преступность рассматривается фрагментарно – статья А.С. Ващук [1] и монография В.Ж. Дорохова «Милиция Хабаровского края 1953 – 1968 гг.» [2].

В связи с этим, целью работы мы поставили рассмотрение в исторической ретроспективе составляющие части экономической преступности – хищения и спекуляции в Приморском крае.

Для достижения цели автором были определены следующие задачи: 1) рассмотреть правовую основу борьбы с названными выше преступлениями; 2) выявить специфику приморской экономической преступности и комплекс мер, направленных на борьбу с ней.

Выбор территориальных рамок связан с тем, что в середине 1950-х – 1960-х гг. Приморье занимало особое место в экономике страны. С одной стороны, ресурсоориентированная экономика края обусловила доминирование предприятий добывающих отраслей и слабое развитие предприятий, нацеленных на выпуск товаров массового спроса. С другой – морская специализация способствовала развитию экономических контактов с другими государствами, что оказывало влияние на наполняемость магазинов и «барахолок» импортными товарами.

Экономическая преступность возникла, по мнению некоторых экспертов, тогда, когда возникли первые формы хозяйствования человеческого общества. На протяжении своей истории в России формировались собственные черты теневой экономики. Ее рождение приходится на пе-

риод экономического кризиса 1915 – 1917 гг., и тесно связано с введением фиксированных цен на продукты питания и их нормированной выдачей. Это способствовало зарождению феномена «черного рынка», т.е. все дефицитные товары можно было приобрести, но по высоким ценам [11]. Их «расцвет» приходится на военные и послевоенные периоды.

После того, как были более или менее преодолены военные последствия, теневая экономика и «черные рынки» не исчезли. С середины 1950-х гг. они сохранялись благодаря желанию людей красиво выглядеть. Но купить то, что советская экономика не выпускала или выпускала в ограниченном количестве, можно было по очень высоким ценам на особых рынках – «барахолках». В то же время сам факт существования барахолок вызывал недовольство подавляющей части населения. В органы власти шли письма с жалобами, что в магазинах невозможно ничего купить, а на барахолках есть все.

В 1958 г. вышли «Основы уголовного законодательства Союза ССР», которые заменили собой действовавшие с 1924 г. «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик». Особенностью «Основ...» являлось сужение и смягчение ответственности за некоторые деяния.

Экономическая преступность тех лет была обусловлена появлением первых признаков неспособности советской плановой экономики функционировать в заданных ей правовых рамках. Для обеспечения нужных экономических показателей стали использоваться такие методы как блат (получение нужных товаров и услуг благодаря личным связям) и очковтирательство (заведомый обман), появилась нужда в так называемых «толкачах» – специалистах по заключению выгодных договоров и «выбиванию» дефицитных товаров, сырья и оборудования.

В повседневности стали обычными такие явления как дефицит и спекуляция [8]. Иными словами существование советской экономики было возможным при условии дополнительного функционирования «цветных рынков», о чем писал А. Каценелинбойген [4].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. экономическим преступлениям посвящались три главы – гл. 2 «Преступления против социалистической собственности» (ст. 89, 92, 94, 96, 100), гл. 6 «Хозяйственные преступления» (ст. 152 – 158), гл. 7 «Должностные преступления» (ст. 170 – 175).

В силу особенностей советской экономической системы государство обращало пристальное внимание на такие преступления как хищения, растраты и злоупотребления служебным положением, взяточничество, приписки, предпринимательская деятельность. Причины в особом государственном внимании к перечисленным выше видам преступлений крылись в том, что их совершали лица, получившие доверие от партии через назначение на должности, т.е. партхозноменклатура. Привлечение к уголовной ответственности таких сотрудников влекло подрыв доверия населения к партии и власти.

Спекуляция – это еще один вид экономической преступности, который, согласно позиции государства и общественному мнению, представлял собой вид социального паразитизма. Как отмечал в позднесоветский период В.А. Кигишьян, под ее влиянием деформировались материальная сфера, различные социальные группы, и что было очень важно для советского общества, нарушался принцип социальной справедливости [3]. Причина спекуляции – недостаток товаров повышенного спроса.

В УК 1960 г. законодатель под спекуляцией понимал скупку и перепродажу товаров или иных предметов с целью наживы. В зависимости от объемов, спекулянты наказывались от штрафа в размере до 200 руб. (мелкая спекуляция) до лишения свободы на срок до семи лет с кон-

фискацией предметов спекуляции, а иногда и имущества, если таковая была в виде промысла или в особо крупных размерах (ст. 154).

На особом контроле у государства и правоохранительных органов находилась еще одна разновидность спекуляции – валютные махинации (ст. 88, ч. 2. УК РСФСР). Доказательством сказанного выше может служить тот факт, что «валютчиками» занималось отдельное подразделение – Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией при МВД РСФСР. Этот вид экономического преступления в нашей стране начал набирать обороты с начала 1960-х гг., когда в Советский Союз стали приезжать иностранцы, а часть советских граждан получила возможность выезжать за границу. Как указано на одном из сайтов, наступила золотая пора для фарцовщиков, проворачивающих крупные операции по обмену валюты [10].

Кроме уголовного кодекса в отношении указанных преступлений руководство страны, демонстрируя борьбу с преступностью, дополнительно издавало указы, в которых усиливалась репрессивная составляющая. Так, 5 мая 1961 г. вышел указ об усилении уголовной ответственности за особо опасные преступления, в том числе за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (свыше 10 тыс. рублей) [6]. Теперь за хищения в особо крупных размерах полагалось наказание вплоть до смертной казни.

12 сентября 1957 г. вышел в свет Указ Верховного Совета РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией». Но Указ не охватил всех вопросов, связанных с его применением, поэтому его пришлось дополнять. Первоначальное постановление (от 12 сентября 1957 г.) гласило, что мелкая спекуляция является административным правонарушением, ввиду чего лица, отбывшие арест по Указу, считаются не имевшими судимости. В Указе от 27 апреля 1959 г. «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 года «Об ответственности за мелкую спекуляцию», отмечался возраст наступления ответственности за это правонарушение – 16 лет.

25 марта 1961 г. вышло постановление Президиума Верховного Совета СССР об усилении ответственности за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами. Теперь за совершение такого преступления виновным грозило от пяти до пятнадцати лет лишения свободы с конфискацией имущества (а не от трех до восьми лет с конфискацией только валютных ценностей и ценных бумаг, как было раньше) [12].

В доказательство борьбы власть проводила показательные процессы. Так, по указу от 5 мая 1961 г. состоялся суд над группой из 25 чел., возглавляемой Б. Ройфманом, которая занималась выпуском левой продукции, т.е. частнопредпринимательской деятельностью. Б. Ройфман и еще несколько человек были приговорены к расстрелу. В период кампании борьбы с расхитителями социалистической собственности с ноября 1962 по июль 1963 гг. (т.е. за 9 мес.) в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов и на них было вынесено 163 смертных приговора [15]. Самым громким было дело в отношении валютчиков Я. Рокотова, В. Файбышенко и Д. Яковлева, приговоренных по этому постановлению к смертной казни [12]. В СССР почти треть всех смертных приговоров (а это – несколько сотен ежегодно) выносились за взяточничество, хищения в особо крупных масштабах или за нелегальную предпринимательскую деятельность. Немало было и тех, кто получил реальный срок. По данным советской статистики, в 1960-е гг. их доля составляла 9%. [13].

В Приморском крае столь громких процессов не было, однако экономические преступления совершались с размахом и регулярно. Общая сумма ущерба государственным и общественным организациям в 1957 г. составила 6 135 тыс. руб. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 20). Если

говорить о размерах хищений, то в Востокрыбхолодфлоте они составили 3 180 тыс. руб., на перевалочной базе военторга ТОФ и ОРСа – 239 тыс. руб. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 4, 18).

В 1959 г. в торговых организациях края общая сумма недостач и растрат составила 5 431 тыс. руб. Но уже в первой половине 1960 г. сумма похищенного и растраченного составила 4 154 тыс. руб., т.е. 62,5% от 1959 г. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 94), в том числе в торговых организациях по управлению местных торгов – 646 тыс., в крайпотребсоюзе – 1 980 тыс., по УРСу Совнархоза – 838 тыс., Книготоргу – 57,5 тыс. руб., ОРС Геологопродснаба – 64 тыс., тресту судовых ресторанов – 9 тыс. руб. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 94). Свой «вклад» вносили работники местной промышленности. Так, сотрудники мясокомбината г. Находки за 2 года (1958 – 1959 гг.) похитили продукции на 1 127 тыс. руб., в Дальневосточном территориальном управлении курортов совместно с работниками магазина № 3 Горпромторга – 144 860 руб. и т.д. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 550, л. 5, 17; оп. 101, д. 146, л. 75).

Некоторые хищения в особо крупных размерах совершались одним – двумя человеками. Так, в 1957 г. главный бухгалтер столовой № 14 г. Находки за непродолжительный срок присвоила 100 тыс. руб., заведующий Спасским Книготоргом – 108 тыс. руб., кассир-инкассатор ОРСа Ханыхезского леспромхоза – 53 тыс. руб. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 4, 18). В 1960 г. прокурор Приморского края Кононенко писал первому секретарю края Чернышеву: «... Растраты и хищения не снижаются... В системе Крайпотребсоюза выросли по сравнению с первым полугодием 1959 г. до 124%, а в УРСе Совнархоза более, чем в 2 раза...» (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 95).

В 1957 г. было возбуждено 452 дела, за мелкие хищения – еще 397 дел (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 4, 18, 20). По данным статистики УВД Приморского края по линии БХСС за 1 – 3 кварталы 1960 г. было заведено 419 уголовных дел, в 1961 г. – 827 (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 28, л. 2-4; д. 33, л. 7), в 1963 г. – 853, в 1964 г. – 706 дел. (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 548, л. 267). Снижение количества экономических преступлений в 1964 г. на 17,2% по сравнению с предшествующим годом, как нам представляется, связано с показательными процессами, о которых говорилось выше.

В структуре преступности края хищения и растраты в первой половине 1960-х гг. составляли от 8 до 9,5% (Подсчитано автором на основе: АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 33, л. 4 – 7), что коррелируется с другими данными – о количестве осужденных за экономические преступления по РСФСР (9%).

В судебные органы направлено 710 дел, возбужденных в 1956 – 1957 гг., на 1 200 растратчиков и расхитителей. За 8 месяцев 1960 г. к уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества были привлечены 569 чел., в том числе 333 – работники торгующих организаций (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 98). За 1 – 3 кварталы 1961 г. – 203 чел. (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 33, л. 4-7), в 1964 г. – 284 чел. (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 48, л. 1).

Причинами привлечения к уголовной ответственности такого количества сотрудников общепита и торгующих организаций была не только сама экономическая система Советского государства, но «слабая работа по подбору и воспитанию кадров», – писал прокурор Приморского края Кононенко Чернышеву (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 95). На руководящие и ревизорские должности иногда принимали «жуликов и взяточников, способствовавшие растратчикам и вора» (стиль сохранен – прим. автора). Например, в 1959 г. заведующая магазином Владивостокского райпо М. допустила недостачу ценностей на 17 тыс. руб. При

инвентаризации ревизор райпо С. скрыла эту недостачу путем приписки товара, за что получила взятку в виде отреза шерсти на платье. Ревизор Октябрьского райпо М. «не заметила» недостачу у заведующей магазином Х. на сумму 1 060 руб. А в дальнейшем, по совместной договоренности, они приписали товаров на 9 954 руб., укрыв, таким образом, недостачу, а разницу (8 894 руб.) присвоили себе (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, 97).

Однако подобная практика подбора кадров не прекратилась. На совещании руководящего состава органов прокуратуры, суда, внутренних дел, КРУ и торговых организаций (11 июля 1962 г.) заместитель прокурора по Приморскому краю А.С. Чижиков отмечал, что в Артемовском горторге на должность главного бухгалтера принят ранее судимый. Аналогичная ситуация была и в Находкинском торге, где на должность сначала рядового работника приняли дважды отбывавшего наказание Л. Затем его несколько раз переводили на более высокие должности – замдиректора и зав. столовой. А с открытием ресторана «Восток» назначили его директором. После того, как были выявлены хищения, он был уволен, но при этом получил «чистую» характеристику (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 211). В отношении бывшего начальника отдела Приморского совнархоза А. прозвучало следующее: «... Заворовался, ведь при его уровне ему надо сидеть в тюрьме, а он работает заместителем директора завода» (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 210). На том же совещании секретарь крайкома КПСС Г.Н. Балакин говорил: «У нас в крае осуждено более двух тысяч человек за хищения. Можно судить еще столько же» (ГАПК. Ф. П-68, оп. 30, д. 791, л. 206), что свидетельствует о том, что не все расхитители социалистической собственности попадали под суд.

Здесь следует дать пояснение. Как правило, лица, занимавшие высокие посты, являлись членами партии, о чем выше уже упоминалось. В случае их причастности к хищениям и растратам, или, как говорит американский исследователь Л. Шелли, во второй (теневой) экономике, они не могли быть отданы под суд, пока их не исключили из партии. В начале 1970-х гг. 90% советских управленцев, совершавших экономические правонарушения, отделялись лишь партийными взысканиями [13].

Что касается взяточничества, то в рассматриваемый период в Приморском крае количество зарегистрированных фактов не превышало 3-5 случаев в год.

Однако то же самое нельзя сказать в отношении спекуляции. Для Приморского края этот вид экономического преступления был весьма распространенным и имел свою специфику. В Приморье находится два крупных порта – Владивосток и Находка, благодаря которым в край поступали товары массового спроса, а также регулярно осуществлялся обмен валюты моряками заграничавания через фарцовщиков.

Приморские фарцовщики не только обменивали валюту у моряков, но занимались мелкой спекуляцией. Последнее было возможно благодаря тому, что советские моряки торгового флота, привозя для собственного пользования из-за границы одежду, обувь и т.д., частично их продавали на барахолках. Самая известная «барахолка» на Дальнем Востоке была во Владивостоке. Располагалась она в районе Голубиной Пади (между останками транспорта Гоголя – Фуникулер).

Существенно «облегчили» жизнь спекулянтам развивавшиеся экономические отношения между СССР и Японией во второй половине 1950-х гг. Оба государства стремились развивать экономические контакты. СССР поставлял уголь, руду, лес, нефть и другие товары, которые советская сторона традиционно поставляла на международный рынок. Япония – кроме промышленного оборудования ткани и большое коли-

чество товаров широкого потребления, сбыт которых был затруднен на мировом рынке [9, с. 136-138]. Оседая на Владивостокских и Находкинских товарно-промышленных базах, часть поступивших из Японии товаров массового спроса оказывалась на местных барахолках.

Борьба со спекуляцией в Приморье велась также активно, как и по всей стране. Так, по Указу Верховного Совета РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» от 12 сентября 1957 г. было привлечено к ответственности 159 чел. Наибольшее количество фактов «спекуляции» было во Владивостоке, что являлось спецификой как крупного, так и портового города. Реакция населения и правоохранительных органов на спекулянтов была следующей: «... В то время, когда спекулянты в городах края... нарушают нормальную государственную торговлю, причем многие из них действуют совершенно открыто и тем самым вызывают возмущение граждан» (ГАПК. Ф. П-68, оп. 101, д. 146, л. 21).

Анализируя данные за 1958 – 1963 гг. можно предположить, что отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности охотно выявляли подобные преступления (см. табл.), при этом не выявлено лиц, занимавшихся скупкой вещей у иностранцев.

Анализ таблицы показал, что пик мелкой спекуляции приходится на 1960 г., а спад – на 1963 г.

Таким образом, в середине 1950-х – 1960-х гг. руководство страны

Таблица 1
Изменение долей добровольного и обязательного страхования в 2005-2010 гг..

1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.
285	287	364	273	298	232

Источник: (АУВД ПК. Ф. 18, оп. 3, д. 39, л. 1-4; д. 40, л. 2-8; д. 41, л. 9.)

задачу снижения экономической преступности решало через усиление репрессивности за отдельные виды преступлений – спекуляцию, хищения, взяточничество. Специфика приморской преступности тесно связана с особенностями развития приморских отраслей народного хозяйства, в том числе морской специализацией. Рост экономической преступности был вызван существовавшим дефицитом товаров массового спроса и стремлением тех, кто имел доступ к благам, улучшить свое материальное положение.

Литература

1. Ващук А.С. Криминальная ситуация на Дальнем Востоке в 1945 – 1950-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 4. С. 104-107.
2. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края. 1953 – 1968 гг. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2008. 188 с.
3. Каценелинбойген А.. Цветные рынки и советская экономика. Журнал

"Экономическая теория преступлений и наказаний". № 4 Электронный ресурс // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. URL: <http://corruption.rsuh.ru>

4. Кигишьян В.А. Спекуляция как нарушение принципа социальной справедливости Электронный ресурс. URL: <http://www.law.edu.ru>. [Дата обращения: 15 ноября 2010 г.]

5. Латов Ю.В. Неформальная экономика: тайна трех миров Электронный ресурс// Журнал «Экономическая теория преступлений и наказаний». № 2. URL: <http://corruption.rsuh.ru>. [Дата обращения: 21 ноября 2010 г.]

6. Министерство внутренних дел. Официальный сайт. 1946 – 1966 гг. Электронный ресурс. URL: <http://www.mvd.ru>. [Дата обращения: 19 декабря 2009 г.]

7. Раззаков Ф. Начало теневой экономики Электронный ресурс. URL: <http://lib.rus.ec/b/45663/read>. [Дата обращения: 1 марта 2011 г.]

8. Роулинсон П. Российская организованная преступность: краткая история // Российская организованная преступность: новая угроза? М., 2000. С. 84 – 85.

9. Современные международные отношения и внешняя политика Советского Союза. М., 1974. С. 136-138.

10. Спекуляции в СССР Электронный ресурс. URL: <http://www.spbtv.ru>. [Дата обращения: 15 ноября 2010 г.]

11. Таксанов А. История теневой экономики и коррупции. URL: <http://www.proza.ru>. [Дата обращения: 21 ноября 2010 г.]

12. Улицкий С.Я. Политические и правовые аспекты регулирования смертной казни Электронный ресурс. URL: <http://pravo.vuzlib.net>. [Дата обращения: 24 декабря 2009 г.]

13. Шелли Л. Вторая экономика в Советском Союзе Электронный ресурс. URL: <http://corruption.rsuh.ru>. [Дата обращения: 18 декабря 2009 г.]

УДК 793

Ткачук М.А.

К проблеме определения понятия «танец»

To a problem of definition of concept «dance»

В статье представлены и проанализированы различные подходы к истолкованию понятия «танец». По результатам проведенного исследования автор обосновывает универсальное определение данного понятия.

Ключевые слова: *танец, понятие, этимология, искусство, культура, хореография*

In article are presented and analyzed various approaches to interpretation of concept «dance». By results of the conducted research the author proves universal definition of the given concept.

Key words: *dance, concept, etymology, art, culture, choreography*

Танец на протяжении всего существования человечества, начиная с древнейших времен и до настоящего времени, всегда являлся неотъемлемой частью жизни общества. В настоящее время танец представляет собой активно развивающееся явление. Постоянно совершенствуясь, танец приобретает новые формы и качества, в результате чего время от времени возникают танцевальные стили и направления. Меняется жизнь и вместе с ней изменяется танец. Вместе с этими изменениями меняются взгляды исследователей на танец, и в каждый последующий период развития человечества возникает новое понимание танца, его осознание и восприятие. Особое значение имеет не только время возникновения и развития того или иного направления танца, но и место, т.е. регион, страна или государство, где происходит его развитие. В одних странах зарождается то или иное направление танца, в других – заимствуется и приспособляется к национальным особенностям региона. В России, стране с богатой танцевальной культурой, также наблюдается развитие как национального (русского народного) танца, так и заимствованных его видов и направлений, что вызывает особый интерес российских исследователей и ученых.

Само возникновение слова «танец» в русском языке и его дальнейшее исследование отечественными и зарубежными учеными позволяет проследить особенности интерпретации данного понятия. В работах многих философов, писателей, критиков, дансологов и других исследователей можно встретить определения понятия «танец». Подробное

рассмотрение и анализ толкований, представленных в работах исследователей, а также в различных словарях и энциклопедиях, позволит приблизиться к более точному формулированию универсального определения понятия «танец».

Этимологические словари П.Я. Черных, М. Фасмера, А.К. Шапошникова и др. указывают на то, что слово «танец» в русском языке известно с середины XVII века. При этом авторы словарей ссылаются на сочинение Г.К. Котошихина* «О России в царствование Алексея Михайловича», являющееся важным источником по истории России XVII века. Описывая царские увеселения, Г.К. Котошихин употребляет слово «танец» во множественном числе: «...а иных игр, и музик, и танцов, на царском веселии не бывает никогда» [10, с. 13]. Считается, что именно в середине XVII века в работе Г.К. Котошихина впервые в России упоминается рассматриваемое нами понятие. И только в начале XVIII века, а точнее с 1704 года, как указывает А.К. Шапошников, слово «танец» впервые появляется в словарях русского языка [21, с. 404].

Как известно, в XVI – XVII вв. основным источником заимствований слов русского языка был польский язык, через который проникают не только собственно польские слова, но и большое число латинских, романских и германских слов. Так, выше указанные этимологические словари подчеркивают польское происхождение слова «танец» от «*taniec*», которое употреблялось в Польше уже с XVI в. До этого времени использовалось слово «*tanc*», которое, в свою очередь, произошло от немецкого «*tanz*» (с XII в.) – «танец», «*tanzen*» – «танцевать». Немецкое «*tanz*» и «*tanzen*» восходят к старо-французскому «*dancier*» (современное французское слово «*danser*» – «танцевать»), которое само, как полагают, восходит к франкскому «*danson*» – «тянуть», «вытягиваться», «выстраиваться в линию» [20, с. 227-228].

Таким образом, следует отметить, что слово «танец», как и большинство слов, возникающих в русском языке в период XVI – XVII вв., является заимствованием из западноевропейских языков посредством польского.

Следует отметить, что до середины XVII века в России употреблялось общеславянское слово – «пляска». При этом в современных этимологических словарях дается происхождение слова «плясать» от древнерусской формы – «плясати», употребляемой в русском языке с XI века, которая, в свою очередь, произошла от старославянского «плесати». Последняя форма с основой «плес-» имеет связь со старославянским словом «плескати», что значит «хлопать, щелкать, шлепать, рукоплескать» [21, с. 142]. И только с XIV века отмечают появление формы «плясь», «плясьць».

Родственные образования старославянской формы «плесати» обнаружены и в других славянских языках. Так, например, в старо-хорватском языке «плес» означало «пляска», «плесач» – «плясун»; в словенском: «plesati» – «плясать», «plesalec» – «плясун», «ples» – «пляска» и т.п. Однако в чешском языке, следует отметить, «plesati» означало «радоваться», «ликовать», а значение «плясать» выражалось глаголом «*tancovati*» [20, с. 46]. Это, в свою очередь, подчеркивает близкое смысловое значение понятий «плясать» и «танцевать».

С конца XIX века в словарях можно заметить употребление слов «танец» и «пляска» как синонимов, т.е. близких по значению слов. Подтверждение этому мы находим в Толковом словаре живого великорусского языка, составленном русским ученым и писателем В.И. Далем. Анализируя толкования слов «танцевать» и «плясать» в словаре В.И. Даля, следует отметить схожесть их значений. Слово «танцевать» объясняется следующим образом: «танцовывать, плясать, пуститься въ плясь, ходить

плясомъ. Медведь танцуетъ, а человекъ пляшетъ... Танецъ, родъ, видъ пляски». В свою очередь, слово «плясать» определяется как «плясывать, танцевать, ходить подь музыку, съ разными приемами, телодвиженьями» [6, с. 133]. Близкое смысловое значение этих слов («танцевать» и «плясать») в словаре В.И. Даля в действительности позволяет назвать их синонимами.

Также немаловажным моментом, на который следует обратить внимание, является то, что само по себе слово «танец» у В.И. Даля не является определяемым понятием, оно упоминается лишь в толковании слова «танцевать». Это связано с тем, что на некоторых диалектах русского языка слово «танец» имело немного иное написание и произношение, а именно «танокъ». У В.И. Даля как раз и дается толкование этого понятия: «Танокъ» – «хороводъ, игровыя пляски, кругъ, улица. Танки водить» [6, с. 390]. Если говорить о происхождении слова «танокъ», то оно так же, как и «танец», является заимствованием из польского языка – от польского диалекта «tan», «tanek» [18, с. 18-19].

Таким образом, в XIX в. толкование слов «танокъ», «танец», «танцевать», «плясать» как и толкование большинства других слов русского языка, осуществлялось, главным образом, подбором синонимов, близких по значению слов, с помощью которых становилось понятным значение определяемых в словаре слов. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что значения слов «танец», «пляска» и «танцевать», «плясать» были близкими по смыслу, т.е. синонимичными.

Возникнув в русском языке, слово «танец» успешно вошло в обиход и стало более популярным и часто употребляемым по сравнению со словом «пляска», практически заменив его. К пляске все чаще стали относиться не какой-либо танец вообще, а обычно народный танец, будь то русский, белорусский, польский или другой танец какого-либо народа или нации. В словаре танцев А.В. Филишова указывается, что «пляска – это танец, особенно народный; в узком смысле – русский хоровод» [11, с. 147]. В словаре Д.Н. Ушакова под «пляской» также понимается танец, но преимущественно народный [17, с. 697]. Подобные определения встречаются и в других толковых словарях. Таким образом, будучи еще в XIX веке синонимами, слова «танец» и «пляска» постепенно начинают расходиться в смысловых значениях. При этом смысловое значение «пляски» по сравнению с «танцем» становится уже, и «пляска» все чаще понимается только как разновидность танца, а не танец в широком смысле этого слова. Поэтому очевиден интерес к исследованию именно понятия «танец», как более широкого, включающего в себя все танцевальные стили и направления.

Попытки истолковать понятие «танец» предпринимались различными писателями и исследователями рубежа XIX-XX вв. Так, например, историк танца С.Н. Худеков в своей работе «Всеобщая история танца» подчеркивает древнее происхождение танца и его нахождение во всех уголках мира, у всех наций и народностей. При этом он указывает, что «танец может быть рассматриваем как искусство только тогда, когда в него вложена душа. Танец должен говорить, обязан быть выразительным, и каждое движение должно изображать как живую природу, так и человеческие чувства и страсти» [19, с. 12]. Исходя из этого, исследователь выводит следующее определение: «танец» – это «ряд механических телодвижений, сопровождаемых жестами, выражающими душевное настроение человека, жестами, в которых, несомненно, заключается осмысленное, мимическое начало» [19, с. 12-13]. Как видно из данного определения, в основе танца лежит телесное движение, оно и есть суть танца. При этом следует отметить важность мимики и жестов в данном определении. То есть танец, по мнению С.Н. Худекова невозможен без мимики

и жестов. В этом отношении можно с ним согласиться, так как, главным образом, именно в мимике и жестах заключено смысловое восприятие и понимание танца зрителем. Но не всегда жесты и мимика выражают душевное настроение самого человека. Если мы говорим о танцующем человеке на дискотеке, в клубе, где мимика и жесты действительно будут отражением его настроения, то такая трактовка «танца» вполне может быть применима. Но если мы говорим, например, об артистке балета, душевное настроение которой может быть вполне жизнерадостным, но в данный момент ей необходимо исполнить партию «умирающего лебедя», то, скорее всего, балерина передаст душевное настроение своего героя, а не свое личное. Но, скорее всего С.Н. Худеков в данном определении подразумевает, что танцовщик должен перевоплотиться в тот образ, который он изображает, думать и чувствовать как его герой, стать в итоге этим героем и, находясь в соответствующем герою состоянии, передать его зрителю. Следовательно, в этом случае жесты танцовщика будут выражать душевное состояние самого человека, в чем можно в определенной мере согласиться с данным исследователем. Таким образом, данное С.Н. Худековым толкование выражает основную суть танца, т.е. движение, и подчеркивает немаловажные его составляющие, такие как жест и мимика.

Примерно в этот же период свое понимание слова «танец» выразил русский поэт, художественный и литературный критик Максимилиан Волошин. В статье «О смысле танца», опубликованной в газете «Утро России» в 1911 году, он пишет: «Танец – это такой же священный экстаз тела, как молитва – экстаз души. Поэтому танец в своей сущности самое высокое и самое древнее из всех искусств. Оно выше музыки, оно выше поэзии, потому что в танце вне посредства слова и вне посредства инструмента человек сам становится инструментом, песней и творцом и все его тело звучит, как тембр голоса» [5]. Такая трактовка выдвигает танец на первое место, смещая с него остальные виды искусства. В этом толковании чувствуется субъективный взгляд М. Волошина на танец, его возвышенное отношение, и соответственно, поэтическое толкование данного слова. Поэт отзывается о танце, как о древнейшем и высочайшем искусстве, показывая этим его важность и значимость для человека. При этом очевидно, что М. Волошин не ставит перед собой цели дать полноценное толкование слова «танец». Следовательно, нет оснований назвать данную трактовку определением.

В советское время появляется полноценное определение слова «танец», которое трактовалось как «вид искусства, в котором средством создания художественного образа являются движения и положения человеческого тела». Это определение можно встретить в трех энциклопедиях: «Театральной энциклопедии» [16, т. 5, с. 50], «Большой Советской Энциклопедии» [3, т. 25, с. 254 -255] и энциклопедии «Балет» [2, с. 503-504]. В этом определении подчеркивается в первую очередь значение танца как вида искусства. Возможно, в данном определении авторы под танцем подразумевали высокое хореографическое искусство – классический танец, народно-сценический и т.п., активно развивающиеся в то время в Советском Союзе.

Данное определение встречается в современном «Кратком словаре танцевальных терминов и понятий» под редакцией Н.А. Александровой [1, с. 270]. Составитель словаря заимствует его у советских исследователей и использует именно это толкование, акцентируя, таким образом, внимание на том, что танец – это, прежде всего вид искусства, цель которого состоит в создании художественного образа посредством движений и положений человеческого тела.

В «Музыкальной энциклопедии», составленной в период 1973-

1982 г., Т.С. Кюрегян определяет танец как «вид искусства, основанный на выразительности ритмичного движения и пластики человеческого тела» [13, с. 423]. Данное определение также относит танец к виду искусства. Но в отличие от более ранних определений в «Театральной энциклопедии» и «Большой Советской Энциклопедии», где суть танца заключена в выражении художественного образа посредством движений и положений человеческого тела, в «Музыкальной энциклопедии» основа танца заключена в выразительном ритмичном движении и в пластике человеческого тела. Следует отметить, что в танце, особенно в современных направлениях, не всегда подразумевается какой-либо образ, тем более художественный. Но ритмические движения и пластика человеческого тела необходима для любых стилей и направлений танца, как классических, так и современных. Поэтому, данное определение является шире, оно по сравнению с предыдущими в большей степени приближено к пониманию самой сути танца и его основных свойств и качеств. Но при этом еще остается исключительное отнесение танца к виду искусства, характерное для исследователей советского времени.

В современном словаре танцев под редакцией А.В. Филиппова указывается, что танец – это «пластическое и ритмическое движение тела как акт искусства» [11, с. 188]. В этом определении смысл танца заключен в движении, т.е. танец – это, прежде всего, движение. При этом движение ни какое-либо иное, а именно пластическое и ритмическое. И плюс ко всему, это движение, по мнению А.В. Филиппова, является актом искусства. Таким образом, и это определение связывает танец с искусством.

Доктор культурологии В.В. Ромм в своей диссертации «Танец как фактор эволюции человеческой культуры» отмечает: «Исполнение массовых, дискотечных и пр. танцев часто невозможно отнести к искусству. Тем не менее, здесь используется термин «танцы». Не ставят перед собой цели создания художественного образа лечебные и оздоравливающие танцы, военные и боевые танцы и многие другие. Получается, что определять танец только как вид искусства – значит, объявить «не танцем» почти половину танцевальных проявлений» [15, с. 27]. Если в данном случае под искусством понимать высокое, элитарное танцевальное искусство, проявлением которого может быть, например, классический балет, то, действительно, перечисленные В.В. Роммом другие направления танца, ни в коем случае нельзя отнести к искусству и, исходя из этого, назвать «танцем». Но, нельзя забывать, что искусство может быть популярным, массовым. В таком случае имеет право на существование и массовое танцевальное искусство, к которому можно отнести клубные, дискотечные, военные, боевые и прочие танцы. В этом смысле такие танцы можно назвать искусством, и соответственно, назвать их собственно «танцем».

И.Г. Есаулов, профессор Удмуртского государственного университета, дает следующее определение хореографии*, а, следовательно, и танца, трактуя его как «одну из невербальных систем духовного освоения мира, его сущностей, систем общения и передачи информации, воспитания и познания, действующую во времени, пространстве, в ритме, темпе, в определенной форме, атмосфере звуков, цвета, света (колорит), красоты» [7, с. 28]. Данное толкование представлено в абстрактном и достаточно пространным виде. В нем скорее указаны дополнительные возможности и составляющие танца, но не выведена его сущность и основные свойства и качества. Поэтому данную трактовку трудно назвать полноценным определением слова «танец».

Особое определение дается в «The New Encyclopedia Britannica»: «Танец – это перемещение тела ритмичным способом, обычно под музы-

ку и в определенном месте, с целью выразить эмоции или идею содержания, или просто восхищение непосредственно движением» [22, с. 451]. Данное толкование определяет танец, прежде всего, как перемещение тела, т.е. движение с одного места на другое. При этом перемещение происходит ритмичным способом, иными словами – танцевальным. «Обычно под музыку» – в данном случае слово «обычно» применяется не случайно, так как танец не обязательно и не всегда исполняют под музыку, но чаще всего это так. Цель танца, по определению данной энциклопедии, состоит в выражении эмоций и идеи содержания танца. Но если танец не предполагает глубокого смысла или особой идеи, то целью танца может быть простое восхищение самим движением. В данном определении выделена основная суть танца, что приближает его к универсальному толкованию определяемого нами понятия.

Более широкое толкование слова «танец» можно встретить в толковых словарях русского языка. Так, например, Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет «танец» как:

1. искусство пластических и ритмических движений тела;
2. ряд таких движений, исполняемых в собственном темпе и ритме в такт музыке, а также музыкальное произведение в ритме и стиле таких движений;
3. увеселительное собрание, вечер, на котором танцуют [14, с. 789].

Схожие смысловые значения слова «танец» можно обнаружить в толковых словарях русского языка таких авторов, как Д.Н. Ушаков [17, с. 1033], Т.Ф. Ефремова [8], С.А. Кузнецов [4, с. 1305], В.В. Лопатин [12, с. 773] и других.

Первое из представленных толкований определяет танец, прежде всего, как искусство, что имеет определенное сходство с толкованиями советских энциклопедий. В действительности, танец является видом искусства. Если быть точнее, то танец относится к пространственно-временным искусствам. Так, молдавский исследователь Э.А. Королева определяет «танец» именно как «вид пространственно-временного искусства, художественные образы которого создаются средствами эстетически значимых, ритмически систематизированных движений и поз» [9, с. 21]. По определению Э.А. Королевой в основе искусства танца лежат движения и позы. То есть, суть танца, главным образом, состоит в движении и позах. При этом, по мнению молдавского исследователя, они являются эстетически значимыми и ритмически систематизированными. Здесь хочется сделать отступление на следующий момент. Работа Э.А. Королевой «Ранние формы танца» написана в советское время, когда танец скорее должен был быть эстетически значимым и ритмически систематизированным. В современное время с появлением новых направлений хореографии эстетическая значимость не имеет такой важности, гораздо более значима естественность и непринужденность танца. Точно так же и систематизированная ритмичность не всегда является приоритетом в танце, особенно если этот танец носит импровизационный характер. Но то, что даже современный танец остается видом пространственно-временного искусства, сомнений нет. При этом вновь следует подчеркнуть, что искусство может быть, с одной стороны, высоким, элитарным, с другой – популярным, массовым. Но все же оно остается искусством. Так и большинство современных танцевальных направлений являются видом, пусть массового, но искусства.

Возвращаясь к тому, что суть танца, по определению Э.А. Королевой заключена в движениях и позах, следует отметить, что как движения, так и позы являются важными составляющими танца. У С.И. Ожегова и др. авторов толковых словарей танец трактуется именно как искусство

движений, а не искусство движений и поз, что подчеркивает большую значимость движения в танце. Так или иначе, оба определения могут быть оправданными. Э.А. Королева в своем определении, указывая на позы, таким образом подчеркивает, что танец состоит не только из движений. С.И. Ожегов, в свою очередь, не вдаваясь в подробности, отмечает только основную составляющую танца, а именно движение.

Таким образом, рассматривая первое толкование слова «танец», данное в словаре С.И. Ожегова, следует отметить, что танец, действительно, является искусством, будь то элитарное или массовое искусство. Основными составляющими танца могут быть как движения, так и позы, и позы в их совокупности. При этом именно пластические и ритмические движения, а не какие-либо другие, характерны для большинства направлений танца. Следовательно, первое толкование слова «танец», данное С.И. Ожеговым и другими авторами толковых словарей можно назвать универсальным и подходящим ко всем танцевальным направлениям.

Второе определение слова «танец» подчеркивает основополагающую его сущность – движения. При этом они исполняются в собственном темпе и ритме, но в такт музыке. Действительно, темп, т.е. скорость исполняемых движений, и ритм, т.е. отрезок времени между танцевальными движениями, могут не зависеть от темпа и ритма музыки, под которую исполняются эти движения. Поэтому в определении применительно к темпу и ритму употребляется слово «собственный», т.е. не зависимый от темпа и ритма музыки, под которую исполняется танец. Но при этом движения должны исполняться в такт музыке. Такт в нотной записи – это совокупность нот и пауз, заключенная между двумя тактовыми чертами. Такт определяется размером, а музыкальный размер может быть $3/4$, как в вальсе, например, или $4/4$, как в латиноамериканском ча-ча-ча, так же может быть $2/4$, $6/8$ и т.д. Исполнить вальс под музыку с музыкальным размером $2/4$ будет трудно, так как танец сам по себе подразумевает шаги, рассчитанные на музыкальный размер $3/4$. Соответственно, исполняя определенный танец, танцовщик должен соответствовать музыкальному размеру той музыки, под которую он танцует. Говоря иными словами, он должен танцевать в такт музыки.

Второе толкование слова танец у С.И. Ожегова состоит из двух частей, вторая из которых относит к танцу «музыкальное произведение в ритме и стиле таких движений». Такой же вариант второго толкования представлен в словаре В.В. Лопатина. Однако, у Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова и С.А. Кузнецова это толкование выводится отдельно под третьим номером. Так или иначе, но указанные авторы и составители словарей все же подразумевают под танцем музыкальное произведение, ссылаясь при этом на «Славянский танец» А. Дворжака и на «Венгерские танцы» И. Брамса. Сюда же вполне можно отнести и «Вальс цветов» П.И. Чайковского, «Вальсы» И. Штрауса, Ф. Шопена и многих других талантливых композиторов. Ведь «Вальс» – это и музыка, и танец. Когда мы слышим мелодию вальса, то, прежде всего, возникает ассоциация с самим танцем «Вальс». И какой-либо другой танец под эту музыку представить невозможно. Таким образом, получается, что «Вальс» – это музыкальное произведение в ритме и стиле движений танца «Вальс». То же самое мы можем сказать, например, о латиноамериканском танце «Сальса», который также возник под влиянием определенных музыкальных ритмов. То есть изначально возникла музыка, а затем танец «Сальса». И соответственно, услышав музыкальные ритмы «Сальсы», мы их ассоциируем с самим танцем. Поэтому и «Сальсу» можно назвать музыкальным произведением в ритме и стиле движений танца «Сальса». По сути, такое определение можно применить ко многим направлениям

танца, будь то джаз, фанк, hip-hop, RnB и др., появление которых связано с возникновением соответствующих им музыкальных стилей.

Таким образом, второе (а в некоторых словарях второе и третье) определение слова «танец», данное авторами и составителями толковых словарей может быть названо универсальным и подходящим для большинства танцевальных стилей и направлений. Для большинства, но не для всех, так как танец может исполняться без музыкального сопровождения и вовсе не иметь соответствующего ему музыкального произведения.

Третье толкование слова «танец» у В.В. Лопатина и С.И. Ожегова и четвертое у С.А. Кузнецова относятся к форме множественного числа, т.е. «танцы». В словарях В.В. Лопатина и С.И. Ожегова это определение звучит следующим образом: танцы – это «увеселительное собрание, вечер, на котором танцуют» [14, с. 773; 18, с. 789]; у С.А. Кузнецова – подобным образом: «увеселение, развлечение, во время которого собравшиеся танцуют» [4, с. 1305]. Смысловое значение этих толкований схожее. Но, может ли быть применимо это толкование ко всем танцевальным направлениям? Скорее всего, нет. Мы не можем назвать высокое хореографическое искусство, например, классический балет, увеселительным собранием, на котором все танцуют. Такое определение в большей степени относится к клубному танцу, к дискотеке, к массовым мероприятиям. Вряд ли можно где-нибудь увидеть на дискотеке балет, который исполняется всеми присутствующими. Следовательно, такое определение нельзя назвать универсальным, так как оно применимо лишь к танцам, доступным для всех, даже тех, кто профессионально не обучается или вовсе никогда не обучался танцевать. А, как известно, многие направления и стили танца требуют выработки определенных навыков и умений за счет тренировок и репетиций. Поэтому данное направление следует отнести к клубным, дискотечным, т.е. массовым танцам.

У Т.Ф. Ефремовой и Д.Н. Ушакова, в свою очередь, четвертое толкование так же относится к форме множественного числа слова «танец» и определяется как действие (или процесс действия) по глаголу «танцевать» в 1-ом и 2-ом значении [8; 17, с. 1034]. При этом в качестве пояснения Д.Н. Ушаков приводит следующие предложения: «Сегодня будут танцы. Пойти на танцы» [17, с. 1034]. Следует заметить, что 1-ое и 2-ое значение слова «танцевать» в словарях Т.Ф. Ефремовой и Д.Н. Ушакова схожи: 1. исполнять какой-нибудь танец, танцы; 2. заниматься танцами, уметь исполнять танец, танцы [8; 17, с. 1034]. Таким образом, подразумевая в четвертом толковании под танцем действие или процесс действия, авторы имеют в виду собственно «танцевание». Но так как данное слово, как указано в словаре Т.Ф. Ефремовой, является устаревшим, а в других словарях, возможно по этой причине, и вовсе отсутствует, то его рассмотрение в данной работе не имеет смысла.

В отличие от остальных указанных выше авторов и составителей толковых словарей С.А. Кузнецов единственный, кто предлагает пятое толкование слова «танец», определяемое как «ритмические однотишные движения некоторых видов птиц, насекомых, выполняющих информативную функцию» [4, с. 1305]. Но так как данное толкование не имеет отношения к человеческому танцу, то нет необходимости в подробном его рассмотрении в данной работе.

Анализируя толкования слова «танец», следует отметить, что каждый из авторов по-своему понимает и, соответственно, толкует данное понятие. Это объясняется, главным образом, тем, в какой период жил исследователь и какое танцевальное направление было доминирующим в это время или какое из направлений было ближе самому исследователю. Поэтому каждое из предлагаемых исследователями толкований не

является универсальным определением понятия «танец». Толкования, данные в терминологических словарях танца также нельзя назвать всеобъемлющими и подходящими для всех танцевальных направлений, т.к. в них даны узкие трактовки данного понятия, не отражающие все его особенности в широком смысле. И лишь те определения, которые представлены в толковых словарях русского языка, можно назвать попыткой их авторов сформулировать все смысловые значения танца. При этом наиболее универсальным можно считать первое из них, где «танец» – это искусство пластических и ритмических движений тела». При этом не указывается: исполняется он под музыку или без музыкального сопровождения, является он профессиональным видом или развлечением, а так же другие его подробные характеристики, что позволяет применить это толкование практически к любому танцевальному направлению.

Таким образом, в качестве основы для универсального определения понятия «танец» можно взять первое толкование, представленное в большинстве толковых словарей русского языка. К этой основе следует добавить такую особенность танца как возможность его исполнения как под музыку, так и вовсе без нее. Данная особенность может быть применима к различным направлениям хореографии, вследствие чего подчеркивает универсальность определения, которое имеет следующий вид: танец – это искусство пластических и ритмических движений тела, исполняемых как под музыку, так и без какого-либо музыкального сопровождения.

Разумеется, что данное определение нельзя считать абсолютно точным и неопровержимым. Проблема определения понятия «танец» требует дальнейшего своего рассмотрения и изучения. И данная работа является лишь очередным шагом к решению поставленной проблемы.

Литература

1. Балет, танец, хореография: Краткий словарь танцевальных терминов и понятий / Сост. Н.А. Александрова. СПб.: Лань; Планета музыки, 2008. 416 с.: ил.
2. Балет. Энциклопедия / под ред. Ю. Григоровича. М.: Советская энциклопедия, 1981. 623 с.: ил.
3. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 25.: Струнино-Тихорецк / под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1976. 600с.: ил.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. Волошин М. О смысле танца / М. Волошин Электронный ресурс / Русское Музыкальное Общество. URL: <http://www.irms.ru/voloshin.html>
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4.: Р-Я / В. И. Даль. М.: Рус. яз., 1998. 688с.
7. Есаулов И.Г. Введение в эстетику классической хореографии. «Письма к Ж.Ж. Новерру» / И.Г. Есаулов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 296 с.
8. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова Электронный ресурс URL: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=1&id=0&srubr=0&fstring=%u0442%u0430%u043D%u0435%u0446>
9. Королева Э. А. Ранние формы танца / Э.А. Королева Кишинев: Штиинца,

1977. 215 с.

10. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина / Г.К. Котошихин Электронный ресурс URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/kotoshih.htm#101>

11. Краткий словарь танцев / под ред. А.В. Филиппова. М.: Флинта: Наука, 2006. 272 с.

12. Лопатин В.В. Толковый словарь современного русского языка: более 35000 слов; около 70000 устойчивых словосочетаний / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2009. 928 с.

13. Музыкальная энциклопедия: в 6 т. Т. 5: Симон Хейлер / под ред. Ю.В. Келдыш. М.: Издательство "Советская энциклопедия", 1981. 528 с.

14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

15. Ромм В.В. Танец как фактор эволюции человеческой культуры: дис. ... доктора культурологии: 24.00.01 / Ромм Валерий Владимирович. Барнаул, 2006. 403 с.: ил.

16. Театральная энциклопедия: в 5 т. Т. 5.: Табакова-Яшугин / под ред. П.А. Маркова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 1136 с.

17. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. М.: Альта-Принт: ДОМ XXI век, 2009. VIII, 1239 с.

18. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: Т-Ящур / М.Р. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: АСТ: Астрель, 2009. 860,[4] с.

19. Худеков С.Н. Всеобщая история танца / С.Н. Худеков. М.: Эксмо, 2009. 608 с.: ил.

20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2.: Панцирь Ящур / П.Я. Черных. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.

21. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 2.: Н-Я / сост. А.К. Шапошников. М.: Флинта: Наука, 2010. 576 с.

22. The New Encyclopedia Britannica: 32 volumes. Volume 22: Knowledge in Depth 15th edition USA: Encyclopedia Britannica Inc., 1995. 981 с.: ил.

УДК 13+316.35+008.001

Брянская Т.И.

Этнокультурные особенности китайского сексизма

Ethnocultural features of the Chinese sexism

В статье исследуется природа китайского сексизма и выявляются его отличительные особенности в контексте конфуцианского представления о мире.

Ключевые слова: *Китай, сексистские установки, женщины, конфуцианство, этнические особенности сексизма*

The article is dedicated to the nature of the Chinese sexism and its distinctive features in the context of the Confucian conception of the world.

Key words: *China, sexist attitudes, women, Confucianism, ethnic characteristics of sexism*

Китай – страна традиций и в то же время быстрых перемен. Новое и старое в ней уживаются, переплетенные уникальным, присущим только Китаю образом, что делает изучение китайской культуры чрезвычайно интересным и актуальным. Поступательное развитие китайской культуры никогда не прерывалось. Идея «китайского» превалировала даже в периоды иностранного правления; ее не могли поколебать ни притоки не-китайских народов в Китай, ни мощные по силе своего воздействия идеи буддизма и западной мысли. Важнейшим аспектом наследия Китая, не потерявшего своего значения по сей день и продолжающего играть большую роль в жизни современного китайского общества, являются конфуцианские принципы социального поведения, в частности, в сфере гендерных взаимоотношений.

Цель данной статьи – попытка исследовать природу китайского сексизма и определить его отличительные особенности в традиционном контексте. То есть, предполагается показать специфику сексизма в контексте конфуцианского представления о мире, которое соответствует культурной динамике, радикально несходной с нашей.

БРЯНСКАЯ Татьяна Ивановна, кандидат культурологии, заведующая кафедрой социальной антропологии Дальневосточного Федерального университета, (г. Владивосток).
E-mail: zikkurat@human.dvfu.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

Методологической основой работы является интегративный подход, сочетающий принципы историзма с методами философского и культурологического анализа исследуемого феномена. Его применение требует выхода за рамки сложившихся представлений, что позволит китайской традиции «говорить за себя». Традиционно данная проблематика рассматривалась в рамках культурологической парадигмы. Но, с одной стороны, концепт культуры сегодня неопределенно широк, а с другой стороны, он оказывается более конкретизированным. Поэтому подход с позиции этнического позволяет рассмотреть данное явление в более широком контексте, в том числе, в русле традиций китайской культуры, социалистических преобразований в стране, открытости Китая миру сегодня. Мы попробуем выделить те условия китайского культурного опыта, которые определяют особенности китайских форм сексизма, не претендуя на то, чтобы полностью разгадать все его подтексты.

Публикации на интересующую нас тему, как зарубежные, так и отечественные, весьма немногочисленны, их авторы часто оценивают китайский опыт с помощью западных моделей, не уделяя достаточно внимания культурно-историческим различиям, которые необходимо учитывать при обсуждении социальных институтов в китайской традиции.

Дж. Белден, автор книги «Китай потрясает мир», опубликованной в Америке в 1949 году, отмечает, что за последние три тысячи лет политическая власть в Китае тесно связана с женским вопросом. Ссылаясь на историю первобытных обществ, Белден пытается выяснить роль, которую женщины играли в борьбе за власть в Китае. В части «Восстание женщин» он пишет: «Патриархальное китайское общество было основано на том, что старейшины владели женщинами в качестве материального источника богатства. На протяжении всей истории обладание женщинами было сосредоточено в руках сельских имущих классов, Самые большие семьи всегда были у джентри, а не у простых крестьян. Простой крестьянин редко когда имел больше одной жены, зато у вождей и помещиков было много жен, наложниц и рабынь, которые не только производили богатства для помещика своим трудом, но и рожали многочисленных сыновей, а это давало джентри местную политическую власть.»[1, с. 6].

В провинции Хэнань автор видел помещика, семья которого насчитывала 69 человек, Через посредство своей семьи он осуществлял контроль над 700 арендаторами, 30 рабынями, 200 бездомными крестьянами 7 кормилицами, которые обслуживали его многочисленное потомство. Он мог покупать и продавать женщин, благодаря богатству, и сила его заключалась в том, что он владел женщинами [1, с. 6].

Белден указывает на то, что неравенство женщин нашло также глубокое отражение в китайской философии и религии. «Китайские метафизики считают, что в жизни действуют две силы: Ян, или господствующий мужской элемент, и Инь – подчиненный женский элемент. Таким образом, философы правящих классов установили как закон, что женщины должны уступать мужчинам». Перефразируя миссионера Артура Смита, Белден говорит о том, что «конфуцианство практически допустило семь смертных грехов против женщины:

1. Китайским женщинам не дают никакого образования, и по умственному развитию они остаются в естественном состоянии, причем миллионы женщин считаются совершенно неразвитыми.

2. Жен и дочерей продают так же просто, как рогатый скот и лошадей.

3. Принудительный брак, действующий в отношении всех женщин, сковывает китайское общество железной рутинной и не оставляет места для индивидуального развития.

4. Внебрачное сожителство является естественным результатом конфуцианских обычаев почитания предков, требующих, чтобы сыновья воспитывались для того, чтобы почитать умерших родителей.

5. Поскольку женщины не могут выполнять функции почитателей предков, родители часто убивают своих дочерей.

6. Система взаимоотношений в семье привела к тому, что жены и дочери кончают самоубийством, и высокий уровень смертности является достаточно убедительным доказательством печальной судьбы китайских женщин.

7. Наконец, культ почитания предков и неравенство женщин содействуют перенаселенности стран» [1, с. 7].

На наш взгляд, данная критическая точка зрения более зависит от современных идеологических допущений, чем от взгляда на всю долгую историю Китая, и представляет китайскую женщину как угнетенную, лишенную юридических прав, стреноженную повязками на ногах, душой и телом служащую мужу и семье.

Здесь уместно упомянуть статью американского социолога Андреа Дворкин «Гиноцид, или китайское бинтование ног», основанной на материалах работы Ховарда С. Леви «Китайское «бинтование ног». История причудливого эротического обычая», и часто цитируемую феминистскими исследователями. Современному человеку трудно сохранять трезвость и объективность мышления, зная все подробности и имея перед глазами результат процесса бинтования. «Успех или неуспех «бинтования ног» зависел от умелого наложения повязки около 5 см в ширину и 3 метров в длину, которая оборачивалась вокруг ноги следующим образом. Один конец закрепляли на внутренней стороне стопы и далее тянули к пальцам ног таким образом, чтобы подогнуть их внутрь подошвы. Большой палец оставался свободным. Повязку сильно стягивали вокруг пятки, чтобы она и пальцы оказались как можно ближе друг к другу. Затем этот процесс повторялся, пока повязка не была полностью наложена. Ступня ребёнка подвергалась принудительному и постоянному давлению, поскольку целью являлось не только ограничение развития ступни, но и сгибание пальцев под ступню, а также максимально тесное сведение пятки и подошвы... Иногда плоть загнивала под повязкой, а иногда часть ступни отваливалась, палец или даже несколько пальцев атрофировались» [2, с. 15]. Дворкин приходит к выводу о том, что это было «искусство» превращения живого в бесчувственное и мёртвое, и в данном случае речь идет о фетишизме и сексуальном психозе. По ее мнению, мышление женщин, прошедших обряд «бинтования ног», было таким же неразвитым, как и их ступни. «Здесь соединились воедино политика и мораль, чтобы произвести на свет их неизбежного отпрыска – угнетение женщин, основанное на тоталитарных стандартах красоты и необузданном фетишизме в сфере секса... Здесь один пол калечил другой в интересах эротики, гармонии между мужчиной и женщиной, распределения социальных ролей и красоты» [2, с. 25].

Столь жесткий заключительный комментарий автора обусловлен, как нам кажется, представлениями радикального варианта западного феминизма. Допуская, что этот стереотип, как и большинство других, несет свою долю правды, все же следует подчеркнуть, что он вызывает ряд вопросов. Какие факторы формировали статус женщины в Китае? Как сами китайские женщины оценивают свое положение? Существовали ли сферы, в которых женщины могли выходить за рамки предписанных им ролей? Насколько обоснованно наше обычное восприятие отношения китайцев-мужчин к своим женщинам?

Важно рассматривать обычай бинтования ног без критики и не с высоты настоящего времени, только так возможно понять символичность

и социальное значение обычая. Причин возникновения его, скорее всего, несколько. Неодинаковые вещи для различных людей. Происхождение может быть воспринято как средство сексуального доступа императора к своим женщинам, когда соблюдалась гарантия их преданности, целомудрия, особенно в свете конфуцианских воззрений, но не только. Семья в Китае была, и остается, важной организационной единицей общества. Семья и государство практически одно и то же. Императорская семья рассматривалась как образцовая модель для элитных семей. Свобода жен и наложниц императора была полностью ограничена и эти стандарты соблюдались во всех богатых семьях.

В обществе с культом женского целомудрия самая главная цель состояла в том, чтобы ограничить движение женщин. Мучительное и непрерывное уродование ног приводило женщину к понятию конфуцианской морали контролирования своих чувств, полной зависимости женщины от своей семьи.

Было ли сохранение семейных традиций единственной важной социальной функцией бинтования? Как нам кажется, нет. Попробуем предположить некоторые другие:

1) Обычай ограничивал действие социальных лифтов. Бедная семья не могла позволить себе бинтование ног дочери. Соответственно, независимо от красоты лица и тела, у бедной девушки не было шансов на богатого мужа. Данный фактор служил усилению процессов концентрации капитала и препятствовал его дроблению, то есть благоприятствовал коммерциализации.

2) Обычай стал маркером национальной идентичности, в значительной мере выполняя роль национальных границ. В сложный период завоевания Поднебесной монголами, чжурчжэнями, маньчжурами он сплачивал китайцев Хань и способствовал сохранению осознания своей культурной самобытности, а в дальнейшем также препятствовал феодальной раздробленности. В самоопределении китайцев Хань среди других этнических групп бинтование выступало своеобразным отражением культурного превосходства, символом конфуцианской этики, дочернего почтения и женской добродетели. Нельзя сказать, что бинтование было исключительно насильственной процедурой. Ведь многие девушки мечтали о «золотом лотосе» (так назывались женские ноги после операции бинтования – прим.автора), достижение заветных 7.5 сантиметров было поводом для гордости всей семьи. Девушки с такими ногами пользовались уважением.

Маньчжурские девушки, которым было запрещено бинтование, даже придумали специальную обувь, которая позволяла бы имитировать походку лотоса. (в Тайване отголоски традиции сохранились до сих пор. Воспитанная девушка, при необходимости демонстрировать особое почтение родителям жениха, будет слегка имитировать эту походку).

3) Практически давая гарантии на хорошее замужество (бинтование было важнее внешности), обычай тем самым компенсировал недостаток рождения девочки. Это позволяло избежать значительных гендерных перекосов.

Приведем данные исследований еще одного западного исследователя гендерной культуры в Китае. Известный американский антрополог Марджери Вулф последовательно доказывает в своих работах, что в течение нескольких тысячелетий женщина в Китае была объектом грубейшей эксплуатации мужчин-угнетателей и ее жизнь была цепью нескончаемых страданий. Заклейменная традиционными ценностями как слабая, робкая, социально и политически некомпетентная, развращенная и низменная, женщина с покорным смирением «ковыляла» сквозь существование [6].

Вулф, предполагая осуществление феминистской революции в Китае, обращается к примеру героини Цзян Цин. Нонконформистка, жаждущая поломать семейные связи, рвущаяся к образованию, отличающаяся в политике яростным национализмом и радикализмом, равнодушная к сентиментальности, эта женщина нацелена на то, чтобы выжить на своих условиях [6].

Содержание модели освобождения китайской женщины у Вулф бессознательно отражает культурные предпосылки ее собственного опыта американской женщины. Она разделяет идею западных феминисток о том, что пол существует вне рамок культурных различий, т.е. что существует некая универсальная категория женщины [5]. Согласно ее представлениям, любой возможный для китайца альтернативный тип самореализации (независимо от того, относится это к мужчинам или женщинам), пользующийся собственным словарем отношений, взаимозависимости, иерархических ролей, дополняемости и различия, неправомочен. Единственный и универсальный стандарт оценки самореализации должен базироваться на автономии, независимости, равенстве и свободе, заложенных в представлениях «белого», либерально-демократического, индустриального Запада. Эта модель личной реализации обещает китайской женщине, как и всем остальным женщинам в мире, окончательное освобождение от ее сексистских затруднений.

Но каковы основания для такой феминистской критики китайской культурной традиции? Почему делается вывод о негативности и репрессивности взаимозависимой «зависимости» женской роли в Китае? По мнению Роджера Т. Эймса и Дэвида Л. Холла, подобный неумышленный культурный шовинизм представляет собой вариации на ту же тему, т.е. нежелание принимать другую культуру на ее условиях, по иронии, близкородственно шовинизму, который подчиняет один пол другому [3, с. 81]. И чтобы избежать его, нам необходимо быть точными не только в описаниях, но и в прилагаемых стандартах наблюдения.

Марджери Вулф настаивает на том, что «если... сравнение женщин с мужчинами считалось в эпоху Мин радикальной идеей, то феминизм как учение, пропагандирующее социальное и политическое равенство мужчин и женщин, был немислим» [6, р. 4]. Хотелось бы обратить внимание на очень важное замечание, которое делает здесь Вулф. Думается, что китайское чувство мирового порядка так радикально отличается от нашего, что сексуальное равенство было «немислимо» не просто потому, что угнетатель не хотел осуществлять его, а потому, что подразумеваемая Западом идея «равенства», основанная на понятии сущностной идентификации, не имеет никакого значения в китайском традиционном способе мышления и, следовательно, ее буквально нельзя помыслить.

Известный французский китаист Жак Жерне убедительно доказывает, что, когда две великие цивилизации – Китай и Европа, развивавшиеся почти совершенно независимо друг от друга, впервые вступили в контакт около 1600 г., видимая неспособность китайцев понять христианство и философскую доктрину, лежащую в его основе, объяснялась не различием встретившихся интеллектуальных традиций, а более глубинными различиями мыслительных категорий и способов мышления и в особенности фундаментальным расхождением концепций человеческой деятельности [4, р. 3-4]. Многие из того, что христианство и западная философия могли сказать китайцам, было для них просто бессмысленным. Чтобы исследовать китайскую традицию, мы, конечно, должны быть готовы к странному, причудливому и даже непостижимому.

На наш взгляд, существует параллель между поисками сексизма в китайской культуре и поисками «религии», «науки» или «философии».

Не желая оправдывать китайский сексизм, мы полагаем, что любое обсуждение китайского опыта должно исходить из понимания специфического конфуцианского чувства порядка в том мире, в котором укоренено различие полов – порядка, отличного от того, что преобладает в нашей традиции.

В первую очередь следует признать, что несопоставимые представления о мировом порядке – логическое и эстетическое – более фундаментальные и всепроникающие, чем различие полов, обусловили сексистские отношения и в китайской, и в западной традиции и могут служить инструментом сравнения. И поскольку отличие полов – лишь одно из социальных выражений фундаментально иного ощущения миропорядка, оно может быть использовано, чтобы резче сфокусировать сексистские отношения, преобладающие в нашем мире, и создать контраст между ними и присущими именно конфуцианству формами сексизма.

Таким образом, наше ощущение миропорядка, корнями уходящее в досократовский поиск основополагающего, склоняется к космогонии, предполагает существование первоначала и выделяет основной, неизменяемый принцип, который является причиной происхождения вещей и всего, что от него исходит. Отсюда господство линейных, причинных объяснений. Такой взгляд на мир подразумевает главенство трансцендентального принципа, направленного сверху вниз, дисциплинирующего порядка, который может быть опознан как единство независимо от того, существует он вне нас как божество или внутри как костяк нашей сущностной природы. Он данность, источник порядка, независимого от наших собственных действий и опыта.

Жак Жерне, сравнивая обе традиции, замечает: «По Аристотелю, естественное состояние всех вещей – покой, тогда как для китайцев первичным предположением будет универсальный динамизм» [4, p. 210].

Описывая в основном неудавшееся общение иезуитов-миссионеров и китайских интеллектуалов, Жерне относит взаимное непонимание на счет этого контраста между принятым в нашей традиции и навязанным извне порядком и китайским предположением, что порядок имманентен и неотделим от спонтанно меняющегося мира. Именно по этой причине китайцы не нуждаются в божестве, обладающем волей: «Веря, что вселенная обладает собственными принципами организации и собственной творческой энергией, китайцы утверждали нечто совершенно скандальное с точки зрения схоластического рассудка, а именно, что «материя» сама обладает сознанием, не тем, естественно, сознательным и рефлектирующим пониманием, как мы его обычно мыслим, но спонтанным сознанием, которое делает возможным соединение «инь» и «ян» и руководит бесчисленными комбинациями этих противоположных источников энергии» [4, p. 210].

Инь и ян (или, альтернативно, Небо и Земля, или цян и кунь) – коррелятивные модальности, выражающие взаимность, взаимозависимость, разнообразие и творческую мощь динамических отношений, которые имманентны миру и сообщают ему образ и ценность. Весь спектр различий в мире – интеллектуальное и физическое, перемены и последовательность, качество и количество, благородство и низость, факт и оценка, сущность и случайность – можно объяснить через эти комплементарные отношения. Хотя между комплементарными аспектами существует иерархическое различие, на более фундаментальном уровне эти противоположные модальности вечны и неделимы. Они не универсальные принципы, которые выражают сущностные черты явлений, а творческое напряжение между различиями, которое делает конкретные вещи в мире доступными пониманию. Здесь важна первичность частного. Однородные предметы выделяются не в терминах их сущностей

или естественных родов, а в терминах их сходства со многими другими – фамильного сходства. Поэтому описание любого частного явления не сводится к выявлению некоего основополагающего, определяющего и порождающего принципа (сведения множества к единству), а достигается распутыванием отношений и условий в контексте этого явления и его многочисленных корреляций. Это единство, заставляющее вспомнить о множестве. Каждый феномен, предполагая другие подобные феномены, обладает многовалентностью поэтических образов. Инь и ян всегда бывают восприятием и интерпретацией с определенной точки зрения, с которой обращающие на себя внимание детали складываются в уникальные композиции.

В конфуцианском мире этими композициями являются семьи и общества, а динамической грамматикой – исполнение обычаев, выраженных через социальные роли. Предпосылкой конфуцианства традиционно считалось то, что личный, семейный, политический и, наконец, космический порядки соотносимы и взаимозависимы и что, с точки зрения человека, порядок возникает в процессе саморазвития и самовыражения человека. Порядок начинается здесь и продолжается там.

Объяснение творческого процесса в терминах взаимодействия комплементарных противоположностей для этой традиции – основополагающее. Поскольку в ней нет западных дуализмов, которые устанавливают онтологическое разделение между определяющим принципом и его определяемым, взаимосвязанность и взаимозависимость всех вещей выдвигают здесь коррелятивный метод объяснения порядка в мире.

Таким образом, этнические особенности китайского сексизма в определении мужских и женских ролей мы находим именно в разнообразии взглядов на мир. Эту возникающую эстетическую композицию можно распознать в динамике, лежащей в основе конфуцианского общества; модели поведения, которые наиболее соответствуют определению отношений между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, – вот «три связи» конфуцианского общества. Это и есть контекст различия мужчина – женщина, которое будет являться в дальнейшем предметом нашего пристального внимания.

Литература

1. Белден, Д. Восстание женщин //Китай потрясает мир. Книга 2.-М.: Бюллетень ТАСС, 1952/ С.4-15.
2. Дворкин, А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. Сб. пер. /Сост. и комментарии Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. Мн.: Профилен, 2000/ С.14-28.
3. Эймс, Р.Т., Холл, Д.Л. Китайский сексизм: пропедевтика.//Феминизм: Восток. Запад. Россия / Отв. ред. М.Т. Степанянц, М, 1993. С.77-107.
4. Gernet, J. China and Cristian Impact. Cambridge, 1985.
5. Mohanty, С.Т. Under Western Eyes: feminist scholarship and colonial discourse. Boundary 2 (Spring/Fall).1984.
6. Wolf, M. and Witke, R. (eds.). Women in Chinese Society. Stanford, 1975.

УДК 72.03

Брумфилд У.К.

Азиатские мотивы в церковной архитектуре Сибири в XVIII веке

Asian motives in church architecture of Siberia in XVIII

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой еще не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору.

Ключевые слова: *Сибирь, Тобольск, Бурятия, русская церковная архитектура, буддистская архитектура*

Russian communications with the Asian people and cultures represent a theme which borders are not investigated yet, especially in mutual relations of Russian and Asian architecture. The present article does not try to give a detailed picture of this extensive theme of the Russian-Asian relations, but marks specific examples, mainly in the Siberian church architecture of a XVIIIth century which specify in a susceptibility of Russia to the East Asian decor.

Key words: *Siberia, Tobolsk, Buriatia, Russian Orthodox church architecture, Buddhist architecture*

Русские связи с азиатскими народами и культурами представляют тему, границы которой еще не исследованы, особенно во взаимоотношениях русской и азиатской архитектур. Как артефакт, требующий значительных ресурсов, равно как и строительного искусства, архитектура базируется на множестве факторов, имеющих отношение к общественной, экономической и культурной истории. Настоящая статья не пытается дать детальную картину этой обширной темы русско-азиатских отношений, но отмечает специфические примеры, главным образом в сибирской церковной архитектуре XVIII века, которые указывают на восприимчивость России к восточноазиатскому декору. Вероятно, рост торговли с Восточной Азией (особенно с Китаем) создал возможности для заимствований в архитектуре, в частности, декоративных мотивов, которые

БРУМФИЛД Уильям Крафт, д.слав.яз., профессор славистики Университета Тулейна, (г. Новый Орлеан, США)

Все фотографии сделаны Уильямом Брумфилдом

Фото 1. Тюмень. Троицкий собор, Троицкий монастырь

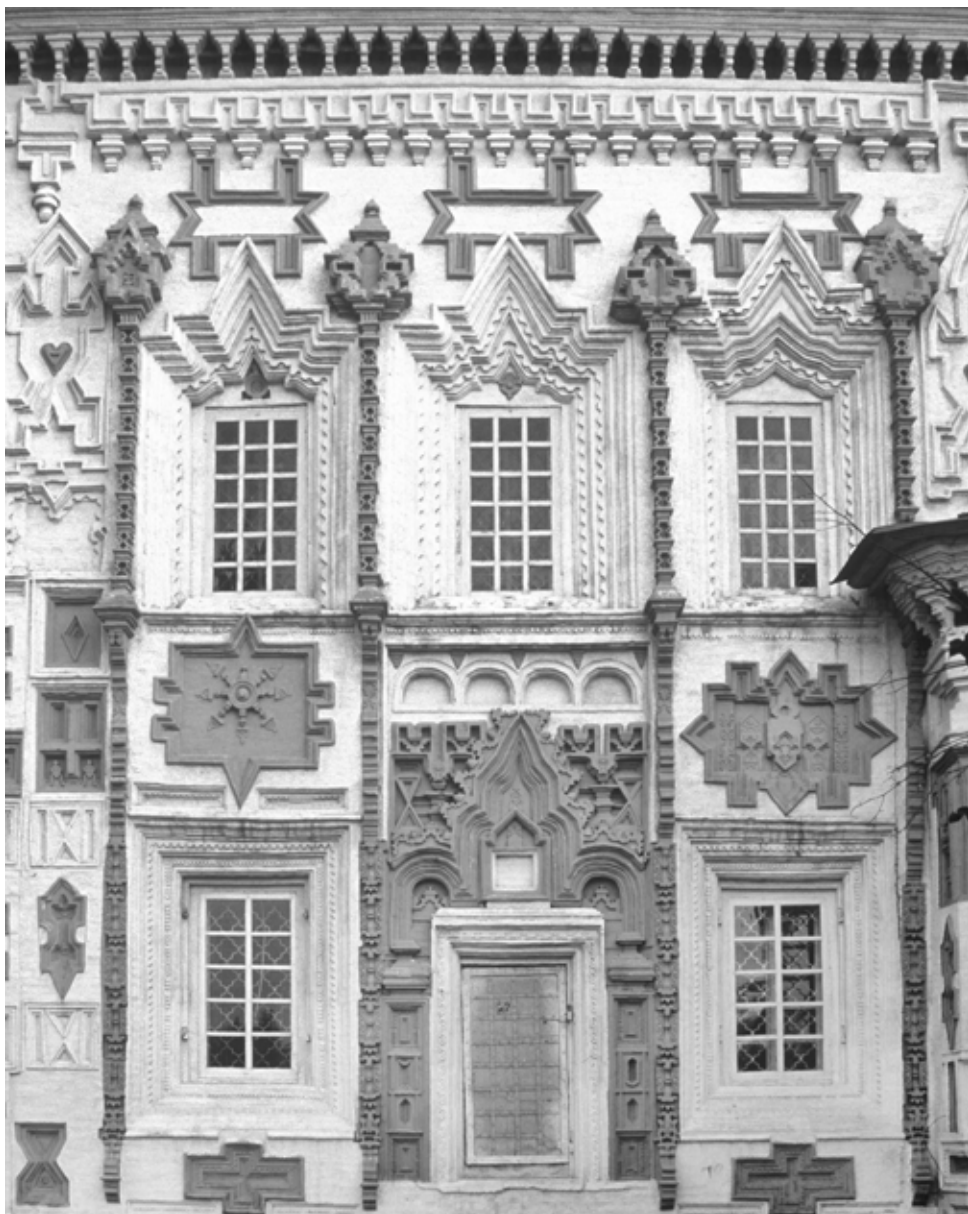
могли распространяться в печатной форме.

Действительно, похоже, этой восприимчивости лишь способствовали высоко орнаментальные стили московской и украинской «барочной» церковной архитектуры, принесенной в Сибирь церковнослужителями и строителями из Украины и Русского Севера в начале XVIII века. [44, с. 311-333] Именно русско-украинская склонность к детальному орнаменту фасада, проявляющаяся в «сибирской барочной» архитектуре на протяжении всего XVIII века, способствовала толерантности в отношении декоративных мотивов из других многочисленных источников, включая храмы и ступы азиатской буддийской культуры. Как будет показано ниже, эти мотивы в некоторых случаях являются чистым вос-

**Фото 2. Иркутск. Церковь Образа Спасителя (Спаса Нерукотворного).
Юго-восточная сторона.**

произведением буддийского искусства. В других примерах, как в случае комплексных круто поднимающихся оконных фронтонов, возможность азиатского происхождения основывается на формальном сходстве с формой ступы. Конечно, происхождение некоторых из этих декоративных фигур может интерпретироваться по-разному, и были примеры ступенчатых завершений окон в русской архитектуре XVII века, например, церковь Двенадцати Апостолов в Московском Кремле. Однако сибирские примеры оконных завершений отличаются своеобразными остроконечными «пламенами»-завершениями. Решающий фактор здесь, на наш взгляд, содержится именно в таксономических деталях. [42, с. 184-193; 50, с. 21-30; 49, с. 21-30; 51, с. 389-392, 402, 405-407]. Более того,

**Фото 3. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста.
Северо-восточная сторона.**

присутствие явно буддийских мотивов на фасаде церкви Воздвижения Креста в Иркутске доказывает возможность преемственности восточных и, в частности, буддистских мотивов в сибирском церковном зодчестве XVIII века.

Хотя большинство явных примеров такой тенденции возникло в Восточной Сибири, мы предполагаем, что появление азиатских декоративных мотивов имело место раньше в городах Западной Сибири, таких как Тобольск. Это произошло, возможно, из-за роли «столиц» Сибири, которую Тобольск играл на протяжении XVIII века. Действительно, мы знаем, по крайней мере, один случай, когда одни и те же строители работали в Тобольске и Иркутске на этом раннем этапе церковного

Фото 4. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста. Северный фасад.

строительства в Сибири. Например, одно из самых старых исторических сооружений Тобольска Спасская церковь, построенная к северу от кремля в 1709 – 1713 гг., и схожая в некоторых деталях ее современница – Спасская церковь в Иркутске. [12, с. 136-137; 13, с. 152-153] По форме и орнаменту она представляет собою комбинацию московской архитектуры XVII века (геометрически неопределенный наземный план, тяжелая, но визуально впечатляющая кирпичная кладка) и «пламенеющих» (flamboyant) декоративных мотивов.

Самые заметные элементы фасада Спасской Церкви в Тобольске – это высокие стрельчатые сандрики (упоминаемые как «пламенные» из-за сходства их формы с пламенем) над главными окнами. Сходный мотив

Фото 5. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста. Южный фасад.

встречается в северо-восточном приделе церкви Троицы в Тюмени (фото 1), построенной в то же время. Хотя здесь еще нет явного проявления этого мотива, основные черты напоминают конусообразную вертикальную форму ступы (субургана) в буддийской архитектуре Юго-Восточной Азии, включая Монголию. Можно даже заметить языки пламени, которые часто окружают голову Будды. [46, с. 166]

Почти все главные сибирские поселения были так или иначе связаны торговыми контактами с восточной Азией, и эта детальная стрельчатая композиция появляется в XVIII в. в церквях по всей Восточной Сибири – от Енисейска до Забайкалья. [16, с. 103] Хотя вопрос влияния прямо и не поднимается у Анатолия Куломзина, статс-секретаря,

**Фото 6. Иркутск. Церковь Воздвижения Креста.
Деталь южного фасада.**

официально отвечавшего за заселение Сибири в начале XX в., эта тема затрагивается. В инспекционной поездке по Забайкалью в 1897 году он обратил внимание на несоответствие между привлекательными буддийскими храмами и грубыми формами построенных второпях русских бревенчатых церквей. Это говорит о том, что русские уже давно заметили существование буддийских храмов на востоке России. [47, с. 33-34]

Восточные мотивы достаточно часто встречаются в церковной архитектуре Иркутска, расположенного на берегах Ангары, притока Енисея. После нескольких попыток основать зимнюю базу на Ангаре в середине XVII в., в 1661 году, на краю Иркутска, в месте слияния Ангары и Иркутска, был заложен деревянный острог. [18, с. 165-66; 29, с. 4-5] Пер-

воначальной целью поселения было установление российской власти и торговля с местными бурятами. В 1668 – 1669 гг. были построены две деревянные крепости, и Иркутск начал быстро расти благодаря выгодному положению. В 1686 г. Иркутск получил статус города с припиской к нему уезда, и вскоре из него потянулись торговые караваны в Китай, который сразу стал источником торговли и культурного влияния для Иркутска. [18, с. 165-166; 40, с. 9-14]

К началу XVIII столетия Иркутск, чья деревянная крепость была перестроена в 1670 г., быстро становится бесспорным центром, административным и коммерческим, Восточной Сибири. Одним из самых явных признаков этого возрастающего значения города стало число каменных церквей, которое делает Иркутск одним из самых выдающихся центров церковного зодчества в Сибири, с которым может соперничать только Тобольск в Западной Сибири. [15, с. 9-26] После Тюмени и Тобольска Иркутск стал в 1700 г. третьим сибирским городом, способным производить много кирпича. [27, с. 14] Богатство их декоративных стилей и разнообразные формы сочетали русские и украинские влияния с мотивами, идущими в некоторых случаях из азиатских, буддийских источников.

Москва, конечно, играла центральную роль в определении форм религиозной архитектуры в Сибири, но и прокладывая себе путь культура Русского севера – таких городов, как Вологда, Тотьма, Великий Устюг и Сольвычегодск – также оказала свое влияние на церкви Иркутска. [24, с. 161-162; 34] Активное строительство в середине XVIII века определило облик города, с его высоко поднятыми куполами церквей, стенами башен, оживленными магистралями, улицами, реками. [19, с. 370-376; 24, с. 168]

Этот процесс сопровождался особой творческой активностью, заметной в таких памятниках XVIII века, как храм Нерукотворного Спаса в Иркутске (фото 2), чей основной план отражает церковную архитектуру Москвы и Ярославля конца XVII века. Это редкий случай, когда авторство установлено. Храм был построен зодчим Моисеем Ивановичем Долгих, потомком московских каменщиков. Опытные каменщики были редкостью в Сибири, и в Верхотурье и Тобольске был учрежден Сибирский приказ, дающий кадры для других сибирских городов. Архивные документы показывают, что Долгих присоединился к одной из самых первых групп подмастерьев, посланных в Сибирь, в Тобольск, в 1687 г. [26, с. 27-28] Десять лет Долгих участвовал в строительстве обширного ансамбля, окружающего Софийский собор в Тобольске, после чего он вернулся в Москву без официального разрешения, работал там пять лет, затем заключил договор с воеводой в Верхотурье. [17, с. 182-183] Оттуда он был послан в 1701 году в Иркутск.

Сооружение Спасского храма, расположенного у южной стены крепости рядом с Ангарой, началось в 1706 году при поддержке воеводы А.И. Синявина и с помощью горожан. В 1710 г. двухъярусное кубовидное здание было закончено, главный алтарь храма был посвящен Варлааму Косовскому, первому архимандриту сибирскому. (Иркутское наместничество было санкционировано в 1706 г., однако эта церковь в Иркутске оставалась подчиненной митрополии в Тобольске. Автономная епархия Иркутска и Нерчинска появилась только в 1727 г. [31, с. 6-7]) Из двух этажей новой церкви нижний использовался традиционным для России образом как склад для мехов и шкур и прочих вещей, пока в 1713 году здесь не был учрежден для зимнего служения второй алтарь, посвященный Св. Николаю. [15, с. 140-141] Элементы главных окон по всем фасадам кульминируют в вертикальных «пламенных» сандриках, как на Спасской церкви в Тобольске. В действительности, это самое раннее появление ступообразных форм в сибирской архитектуре. Доминирую-

Рис. 7. Улан-Удэ. Собор Образа Одигитрии. Южный фасад

щий компонент Спасской церкви в Иркутске появился почти через полвека, после сооружения колокольни на западной стороне трапезы в 1758 – 1762 гг. Ее массивная восьмиугольная форма, которая, литературно выражаясь, «затмевает» остальную церковь, поднимается с кубического основания, где также расположены два алтаря.

Самая замечательная особенность Спасской церкви в Иркутске – ее фрески. Изначально написанные темперой в начале XIX века, а впоследствии переписанные маслом, они располагаются на южном и восточном фасадах. [27, с. 76-80] В то время как на первом написаны лики Св. Митрофана Воронежского, Св. Николая, Чудотворного Образа Спасителя (южный фасад апсиды), восточная стена над апсидой разделена

на три большие сцены: Крестный Ход водосвятия (часто интерпретируемый как крещение бурят), Крещение Христа (в центре) и Канонизация св. чудотворца Иннокентия Кульчитского, первого епископа Иркутска и Нерчинска.

Хотя подобные наружные фрески уникальны для Сибири и, в целом, редки в русской церковной архитектуре, у них есть предшественник – большая наружная фреска Христа Пантократора на восточной стене церкви Св. Дмитрия (1700 – 1709) в Дымковской слободе неподалеку от Великого Устюга. [3, с. 244-246; 4, с. 355; 5, с. 23] Как и везде, в Сибири связей между Великим Устюгом и ранним Иркутском было много, и они основывались не только на вкладе путешественников и умелых мастеровых, но и благодаря влиянию духовных традиций Русского Севера. В этой связи имеет смысл отметить, что в 1703 году поселенцы из Великого Устюга построили одну из первых иркутских церквей, посвященную Св. Прокопию и Св. Иоанну Устюгскому. (Первоначальная деревянная церковь, посвященная иконе святых, принесенной из Великого Устюга, сменилась в середине XVIII века кирпичной постройкой, относящейся к наиболее интересным образчикам Иркутской архитектуры. Вопреки ее официальному статусу, данному ей в 1925 году, церковь была закрыта и в 30-е годы разрушена. [15, с. 137-139]) И хотя Дымковская фреска могла оказать влияние лишь позднее, связь между этими двумя территориями существовала на протяжении всего восемнадцатого столетия.

К середине XVIII века коммерческое значение Иркутска для Сибири достигло нового уровня. Большая часть населения Иркутска было вовлечено в предпринимательскую деятельность того или иного рода, торговля играла все возрастающую роль в развитии города, особенно в отсутствии постоянного местного дворянства. [39, с. 2-10] Хотя администрация Екатерины Великой и правила твердой рукой и обеспечивала выполнение некоторых гражданских обязанностей, Иркутск восемнадцатого века демонстрирует относительную свободу, на фоне которой в некоторых частях Сибири развивалась частная инициатива, в противоположность европейской России с ее менее гибкой социальной структурой, основанной на крепостничестве.

Детали иркутского экономического роста требуют отдельного изучения, но 60-е гг. XVIII века обретают особое значение благодаря строительству Московского, или Большого Сибирского, тракта, сопоставимое с созданием ранее транспортной системы Енисейска. Статус Иркутска как главного административного и экономического центра Сибири был признан образованием Иркутской губернии, включавшей в то время Якутию, Дальний Восток и даже Аляску. А в 1768 году были узаконены ежегодные торговые ярмарки в Иркутске, которые еще более усилили позицию города как центра торговли в Сибири, чьи торговые дела велись на территории от восточных окраин до европейской части России. Хотя Кяхта была истоком, откуда брала свое начало торговля с Китаем, Иркутск был каналом, через который проходили почти все товары, включая чай. [29]

Этот всплеск экономической жизни вел, естественно, к строительству новых зданий, таких как, например, большой Гостиный двор (здание не сохранилось), строительство которого началось в 1778 году по плану, приписываемому знаменитому Санкт-петербургскому архитектору Джакомо Кваренги. Но благополучие Иркутска отражалось и на его церквях, строительство которых поддерживалось купцами с первых дней города. [20, с. 244-246] Они не просто плод финансовой щедрости, ибо особые архитектурные стили Иркутских церквей – и их структуры, и их орнамента – несут в себе аромат как восточного, так и западного культурного потока, соединенных воедино городской торговлей.

Один русский историк, говоря об Иркутске XVIII столетия, отмечал, что торговля обильно финансировала многочисленные постройки целого ряда крупных, богато украшенных храмов, которые в короткое время сменили более старые деревянные церкви. При этом купцы часто руководили строительством церквей, в результате чего художественные достоинства зданий зависели не только от духовенства, но и от купечества. Вкусы же последнего нередко формировались в контакте с народами Сибири и Востока. [24, с. 162]

Эта встреча культур достаточно очевидна в случае одного из наиболее интересных сибирских каменных строений XVIII века, церкви Воздвижения Креста, возведенной в 1747 – 1760 гг. на Крестовой горе. С ее колокольной в западной части и богатыми куполами в украинском стиле над трапезой и главным алтарем на востоке эта церковь даже сейчас остается доминирующим строением в южной части старого Иркутска. (фото 3) Прежде на ее месте стояла деревянная крепость, построенная в 1717 – 1719 гг., посвященная Троице и Св. Сергию Радонежскому. В 1740 году Федор Щербаков, купец, занимавшийся торговлей с иноземными государствами, обратился в епархию с предложением перестроить церковь в камне, но его предложение было отвергнуто. Подобная же петиция Ивана Амосова, местного предпринимателя и искусного мастера, была одобрена церковью в 1746 г. [15, с. 113; 14, с. 382, 384] И хотя документальных свидетельств о лицах, финансировавших строительство храмов, недостаточно, известно, что, по крайней мере, двое сыновей Амосова состояли в гильдии строителей в это время и поэтому, возможно, они и были не только меценатами, но и первыми строителями церкви. [20, с. 67]

Как и у ее деревянной предшественницы, алтарь новой церкви был первоначально посвящен в 1758 году Троице. Другие алтари храма, впоследствии известного как Троицкая церковь, были посвящены Воздвижению Креста, Успению и Св. Сергию Радонежскому. В 1779 г. благодаря дару двух купцов была построена большая часовня, примыкавшая к северному фасаду, а в 1860 г. с западной стороны церкви архитектор Владислав Кудельский возвел обширный притвор. В 1867 г. главный алтарь был посвящен Воздвижению Креста, и церковь была переименована [15, с. 113].

Что касается структурного центра церкви Воздвижения Креста, здесь очевидна связь не только с сибирскими вариациями традиционной православной церковной архитектуры европейской части России (кубообразная структура без внутренних столпов), но и с вертикальными сводчатыми системами украинского барокко. В то же время церковь Воздвижения Креста интерпретирует это наследство в духе традиций церковного зодчества Русского Севера и Урала, от Сольвычегодска до Соликамска и Верхотурья. [21, с. 92-93]

Еще более внимательное изучение орнамента фасадов, заботливо восстановленного, выявляет следы буддистских мотивов, таких как терракотовые образы колеса Дхармы на северных и южных фасадах (фото 4). В обрамлении северного и южного портала также присутствуют сложные ступообразные терракотовые формы. (фото 5) А по углам основной структуры расположены рельефные орнаменты, напоминающие человеческие фигуры с изображением сердца. (фото 6) Хотя источники украинских мотивов не были окончательно определены, похоже, что активная торговля между Иркутском и Китаем сыграла определенную роль в этом храме, воздвигнутом на перекрестке культур. Более того, вполне вероятно, что караванными путями сюда проникли мотивы и индийских храмов. В этой связи не стоит спешить отрицать участие купца Федора Щербакова в строительстве храма, несмотря на его отвергнутое в 1740

году ходатайство.

Русские историки искусства давно обратили внимание на восточный характер Иркутской церковной архитектуры, правда, без сопоставления специфических деталей с их источниками. Игорь Грабарь, например, в своей работе «История русского искусства» (1909) сравнивает фасад Крестовоздвиженской церкви со сложным рисунком восточного ковра. [9, с. 143, 146] Влияние Монгольской и Китайской архитектуры в декоративных деталях, таких как кокошники над окнами, было отмечено Болдыревым-Казанцевом. [2, с. 7] Также известно, что и бурятские мастера принимали участие в церковном строительстве в XVIII веке, [24, с. 167] хотя каменные буддистские храмы на землях бурятов начали появляться только в XIX веке.

Все эти нити, от Украины до Востока, были сотканы в гобелене, называемом иногда «Сибирским барокко». [28, с. 147-160; 2, с. 13-14] Вне зависимости от вопроса о валидности термина, который связан, скорее, со сложным орнаментом фасадов «Московского барокко», стиля конца XVII века, чем собственно с архитектурой барокко центральной Европы и Санкт-Петербурга, это выражение является удобным способом подчеркнуть выраженный орнаментальный характер церковной архитектуры Сибири XVIII века. Даже в самом этом определении содержатся отчетливые региональные отличия, что видно при сопоставлении Тобольских церквей конца XVIII века с церквями того же периода Иркутска.

Элементы этого декоративного стиля также появляются в колокольне церкви Иконы Знамения Богородицы в Знаменском монастыре, одной из древнейших религиозных организаций Иркутска. [36, с. 24-27] Первоначальное строение было, как обычно, деревянным. Церковь была возведена в 1693 г. и перестроена в 1727 г. Спустя три десятилетия иркутский купец Иван Бечевин, пользующийся прибыльной государственной монополией на алкогольные напитки, получил разрешение от консисторской администрации внесения средств на строительство каменной церкви в монастыре. [20, с. 67-68] (Это была, очевидно, третья церковь в Иркутске, построенная на деньги Бечевина, но ему не довелось увидеть ее завершенной. Бечевин стал одной из самых известных жертв Петра Крылова, инспектора по сбору пошлин, посланного из Санкт-Петербурга в 1758 г., пользовавшегося угрозами и силой, чтобы получить большие суммы – около 150 тысяч рублей – у тех из иркутских купцов, которые занимались главным образом торговлей спиртным. [38, р. 22-24]).

Церковь Знаменского монастыря была завершена к 1762 году. Во время двух позднейших перестроек, осуществившиеся также на частные пожертвования, к югу (1770 – 1773) и к северу (1791 – 1794) появились приделы. [15, с. 100] Декор основной кубовидной структуры церкви сочетает зубчатый орнамент карнизов с простым оконным окружением, венчаемым обратными волютами, известными как «завитки» – особенность церковного орнамента конца восемнадцатого века на Урале и Западной Сибири. Восьмиугольная колокольня соответствует традициям иркутского церковного зодчества, однако включает мотив колеса Дхармы на фасадах церкви Воздвижения Креста.

Иркутская церковная архитектура 70-х гг. XVIII столетия продолжала тенденцию стандартизации, которая заметна также в двух очень сходных строениях: церкви Архангела Михаила и церкви Чудотворной иконы Спаса в Урике, большом селе в 18 километрах к северу от Иркутска. Строительство Архангельской церкви, известной также как церковь Св. Харлампия, началось в 1777 году с пожертвования в размере 15 тысяч рублей от купца Василия Балакшина. [15, с. 127; 26, с. 56; 20, с. 70] Хотя строение было обезображено разрушением колокольни и куполов в 30-е гг. XX века барельеф ее фасада по большей части сохранился.

Здесь также присутствуют восточные мотивы, появляющиеся над верхними окнами в декоративных элементах, напоминающих праздничный головной убор местных бурят, но имеющих сходство и с формой ступы. [115, с. 128] Нижняя часть фасада церкви украшена свитками картушей, имеющих большое сходство с элементами в церковной архитектуре Тотьмы конца XVIII века. [45, с. 99-103; 6, 282-84]

Спасская Церковь в Урике скромнее по своим размерам и деталям, но ее близкое сходство с Архангельской церковью столь явно, что указывает использование одного и того же проекта. Действительно, строительство Спасской церкви началось летом 1775 года, и она стала прототипом для церкви в Иркутске. Нижний (зимний) алтарь церкви Спаса был освящен в 1779 г., верхний же алтарь (летний) был освящен только в 1796 г. Декоративные мотивы северного и южного фасадов достаточно близки мотивам, использовавшимся в иркутской церкви, и содержат ту же смесь барокко и восточных образцов. Следует заметить, что само село, построенное в месте слияния Урика и Куды, было местом ссылки некоторых декабристов. [155, с. 397-98; 26, с. 136-40; 25, с. 60-65]

Еще одним примером восточных мотивов фасадов церквей в Иркутской области является Церковь Сретения в селе (и остроге) Бельск на Белой реке. Построенная после 1788 г., эта, ныне лишенная крыши, церковь проста по форме (только один ярус), но имеет интересные декоративные панели над главными окнами. Эти панели включают четко обозначенную форму храма в виде ступы. Как бы то ни было, документальные свидетельства, объясняющие присутствие этих форм у сельской церкви обнаружены не были. [15, с. 189] Та же форма появляется в Иркутской церкви Троицы, построенной во второй половине XVIII века и посвященной в 1778 г.

Окончание следует

Литература

1. Артемьев, А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток: ДВО РАН, 1999.
2. Болдырев-Казанцев Д.А. Народное искусство Сибири // Сибирская живая старина. Сб. 2. Иркутск, 1924.
3. Бочаров Г., Выгулов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М.: Искусство, 1983.
4. Брумфилд У. Великий Устюг: Взгляд через объектив американского ученого-фотографа // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Т.2. Вологда: Легия, 2000. С. 350-356.
5. Брумфилд У. Святыни Русского Севера. Вологда: Арника, 2001.
6. Брумфилд У. Памятники церковной архитектуры Тотемского района // Тотьма: Краеведческий альманах. Т.3. Вологда: Легия, 2001. С. 278-285.
7. Буконина Г.Ф., Гринберг Ю.И., Шумов К.Ю. Покровская церковь в Красноярске – памятник архитектуры XVIII века // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 314-321.
8. Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вверх по Енисею. М.: Искусство, 1980.
9. Грабарь И.Е. История русского искусства. Т.2. М.: Кнебель, 1909.
10. Гурьянов В.К. По Большой, Большой Николаевской. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1998.

11. Единархова Н. О чае и чайной торговле // *Земля Иркутская*. 1996. № 5. С.17-18.
12. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. М.: Искусство, 1987.
13. Заварихин С.П., Княжев В.В. Экология зодчества. СПб.: Стройиздат, 1995.
14. Калинина И. Культурное православное зодчество // *Памятники истории и культуры Иркутска*. Иркутск: ВСКИ, 1993.
15. Калинина И. Православные храмы Иркутской епархии. М.: Галарт, 2000.
16. Кириллов В.В. Тобольск. М.: Искусство, 1984.
17. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1979.
18. Копьев А.Н. О дате основания Иркутска // *История СССР*. 1960. № 4.
19. Корзун А.В. Особенности культовой архитектуры Иркутска // *Памятники истории и культуры Иркутска*. Иркутск: ВСКИ, 1993. С.370-376
20. Крючкова Т. Усердием и капиталом. О меценатстве при строительстве Иркутских церквей // *Земля Иркутская*. 1996. № 5. С. 66-75.
21. Лукомский Г. Памятники старинной архитектуры России // *Наша провинция*. СПб., 1916.
22. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск: Наука, 1983.
23. Митыпова Е.С. Православные храмы в Забайкалье (XVII – нач. XX вв.). Улан-Удэ: БГУ, 1997.
24. Огли Б.И. Архитектурные памятники Иркутска XVIII-начала XIX вв. // *Архитектурное наследство*. 1979. № 27. С.161-169.
25. Перцева Т. Письма из Урика // *Земля Иркутская*. 1996. № 6. С. 60-65.
26. Полунина Н. Живая старина Приангарья. М.: Искусство, 1990.
27. Полунина Н. У истоков каменного града. Иркутск: ВСКИ, 1979.
28. Проскурьятова Т.С. Особенности сибирского барокко // *Архитектурное наследство*. 1979. № 27. С.147-160
29. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII-первой половины XIX в. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993
30. Резун Д. По поводу даты основания Иркутска // *Земля Иркутская*. 1994. № 1. С.4-5.
31. Романцева Т. Духовный вертоград Сибири // *Земля Иркутская*. 2000. № 14. С.6-7
32. Рукша Г.Л., Быкония Г.Ф., Дроздов Н.И. и др. Памятники истории и культуры Красноярского края. Т.1. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989.
33. Румянцев Г.Н. Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Улан-Удэ: [б. и.], 1960
34. Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. Иркутск, 1915
35. Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНТс СО РАН, 1995
36. Торшинина Т. Знаменский монастырь // *Земля Иркутская*. 1998. № 10. С.24-27
37. Царев В.И., Крушлинский В.И. Красноярск: история и развитие градостроительства. Красноярск: Кларетианум, 2001
38. Чернявская О. Из истории винокурения в Иркутской губернии // *Земля Иркутская*. 1996. № 5. С. 22-24
39. Шахеров В. Для пользы сообщества достаток источая // *Земля Иркутская*. 1996. № 5. С.2-10.
40. Шахеров В. Реформатор из Иркутска (Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина) // *Земля Иркутская*. 1994. № 1. С.9-14.
41. Bell J. A Journey from St. Petersburg to Peking (1719-22). N.Y.: Barnes and Noble, 1966

42. Brumfield W.C., A History of Russian Architecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993
43. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Irkustk Region of Eastern Siberia: Visual Resources, 19 (2003) 2:107-147
44. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in Siberia: Tiumen Province: Visual Resources, 16 (2000) 4:309-50.
45. Brumfield W.C. Photographic Documentation of Architectural Monuments in the Russian North: Vologda Province: Visual Resources, 14 (1998) 1:71-106.
46. James, C.Y. China: Dawn of a Golden Age, 200-750 AD. New York: Metropolitan Museum of Art, 2004.
47. Marks S. Conquering the Great East // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1995. P.33-34
48. Metcalf T.R. An Imperial Vision: Indian Architecture and Britain's Raj. Berkeley: Univ. of California Press, 1989
49. Mitra D. Buddhist Monuments. Calcutta: Sahitya Samsad, 1969
50. Rowland B. The Art and Architecture of India. Harmondsworth: Penguin Books, 1953
51. Sickman L., Soper A. The Art and Architecture of China. Harmondsworth: Penguin Books, 1971

УДК 341.222 (57)

Куреев А.А.

**Трансграничное культурное взаимодействие России
и Китая на Дальнем Востоке в 1988 – 2010 гг.:
социально-экономические факторы
и государственное регулирование**

**Transborder cultural interaction of Russia and China in the Far East
in 1988 – 2010: socio-economic factors and state regulation**

Работа посвящена анализу динамики, тенденций и особенностей культурного взаимодействия российского и китайского общества на территории дальневосточного региона в 1988 – 2010 гг. Исходя из изменений в социально-экономических и политико-правовых условиях данного взаимодействия, автор выделяет в его развитии ряд этапов.

Ключевые слова: *Россия, Китай, российский Дальний Восток, трансграничные отношения, культурное взаимодействие, трансграничная политика, этнонациональные процессы*

Work is devoted the analysis of dynamics, tendencies and features of cultural interaction of the Russian and Chinese society in territory of Far East region in 1988 – 2010. Proceeding from changes in social and economic and politic-legal conditions of the given interaction, the author allocates a number of stages in its development.

Key words: *Russia, China, the Russian Far East, transborder relations, cultural interaction, the transborder policy, ethnonational processes*

Проблемы современных культурных отношений России и Китая не привлекают к себе большого интереса отечественных исследователей. На фоне обширных массивов публикаций, посвященных социально-демографическим, экономическим и политическим аспектам двустороннего взаимодействия, количество работ по данной проблематике сравнительно невелико. На мой взгляд, подобное положение вещей связано не столько с объективными особенностями внутренней структуры российско-китайских отношений, сколько с преобладающим среди их ис-

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит. н., доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

следователей способом концептуализации «культурного».

Для большинства изучающих культурное взаимодействие двух стран сегодня характерно ценностное и этатистское истолкование последнего. В соответствии с ценностным подходом, культура понимается как область производства и распространения высоких культурных образцов, сфера профессиональной деятельности творческой элиты общества. Согласно этатистской трактовке культурного взаимодействия¹, его основным и ведущим субъектом выступает государство, органы власти, иницирующие, организующие и направляющие международные культурные отношения.

Такой способ концептуализации «культурного» существенно сужает предметное поле исследований российско-китайского взаимодействия в данной сфере и, в конечном счете, способствует их научной маргинализации. Изучение российско-китайских культурных отношений в их реальной сложности и полноте, выявление их действительной значимости, с моей точки зрения, возможно лишь на основе более широкого, антропологического понимания культуры. В антропологическом смысле культура – это образ жизни общества (этноса, нации) в целом, или, иными словами, совокупность устойчивых представлений, ценностей и поведенческих установок, разделяемых, формируемых и используемых множеством составляющих его субъектов, – элитарных и массовых, общественных и государственных.

С этой точки зрения, российско-китайское культурное взаимодействие состоит из потоков представлений, ценностей и установок не только элитарно-профессионального, но и обыденного, «народного» происхождения, и разворачивается одновременно на государственном и негосударственном уровнях. При этом, в последние два десятилетия место основного компонента двусторонних культурных отношений с очевидностью заняли именно «народные» и негосударственные их формы².

Безусловно, внутреннюю дифференциацию культуры и международных культурных связей не следует абсолютизировать. Известно, что элитарный и массовый пласт культуры находятся в отношениях постоянного взаимообмена, интенсивность которого особенно возрастает в эпоху современного информационного общества. Еще более тесная и непосредственная связь существует между государственным и негосударственным секторами культурной жизни. Даже те субъекты и формы культурного производства, распределения и потребления, которые не управляются государственными органами напрямую, не соединены с ними постоянными идеологическими, организационными и финансовыми отношениями, сегодня, как правило, не способны избежать той или иной степени рамочного регулирования со стороны институтов власти. Это тем более касается международной культурной активности негосударственных субъектов. Поскольку данная активность сопряжена с необходимостью пересечения «живыми» и «неживыми» (вещными) носителями культуры границы, постольку она неизбежно становится объектом государственной пограничной (трансграничной) политики.

Подвергаясь регулярному формальному и содержательному воздействию «сверху», негосударственная «народная» культурная жизнь,

¹ О преобладании такой трактовки в отечественных исследованиях культурных отношений России и Китая см.: [30, с. 99 – 106].

² Содержание этих выделенных по разным основаниям составных частей культуры во многом совпадает. Если в государственном секторе культуры преобладающее место принадлежит ее элитарным и профессиональным формам, как объективно более доступным для властного контроля, то большую часть негосударственного сектора образуют «народные» формы культурной жизни, эффективное централизованное управление которыми представляет собой неразрешимую проблему даже для режимов тоталитарного типа.

тем не менее, обычно обладает высокой автономией. Подобного же рода автономия, специфические закономерности и тенденции развития характеризуют и международные культурные отношения этого уровня. В отличие от осуществляющихся под прямым управлением властных органов различных стран и пользующихся их дипломатической поддержкой межгосударственных и надграничных культурных связей, в данной работе они будут обозначаться как межобщественные (в узком смысле) и трансграничные.

Следует отметить важную особенность межобщественных трансграничных культурных отношений, обращающую на себя внимание при их сравнении с межгосударственными связями. Помимо переноса и рецепции отдельных элементов культуры, ее материальных или духовных артефактов, межобщественные отношения в этой сфере, в силу своего потенциально более массового и интенсивного характера, способны приводить к распространению культурного образа жизни в целом, к экспорту идентичностей, и к изменению, тем самым, конфигурации культурных пространств, к корректировке географических ареалов этнических и национальных общностей.

Оптимальной основой изучения массовых трансграничных культурных процессов являются столь же масштабные и регулярные (мониторинговые) эмпирические исследования с использованием социологического инструментария. Однако на РДВ подобные исследования до сих пор проводились довольно редко¹. Поэтому предлагаемый обзор динамики трансграничного культурного взаимодействия России и Китая в пределах территории РДВ носит предварительный характер. Он основан на анализе данных, касающихся не внутреннего содержания, но, главным образом, внешних условий такого взаимодействия, т.е., прежде всего, его социально-экономических факторов² и государственного регулирования. Исходя из них, я постараюсь дать общую периодизацию предмета настоящего исследования в период с 1988 по 2010 гг.

Принятие 1988 г. за начальную веху рассматриваемого в данной работе периода связано с тем, что в этот год в советской пограничной политике на Дальнем Востоке произошли переломные изменения. Государство на практике стало отходить от проводившегося в течение полувека изоляционистского курса, один за другим ослабляя или вовсе убирая барьеры на пути различных форм взаимодействия с сопредельными странами. Важнейшим выражением этого явилось существенное смягчение с августа 1988 г. пограничного режима на Дальнем Востоке и подписание начиная с июня 1988 г. ряда советско-китайских межправительственных соглашений, посвященных вопросам двустороннего сотрудничества в экономической и социальной сферах [9, с. 54; 17, с. 25; 22, с. 423].

Следствием этих и последующих решений стал стремительный рост объемов миграционного обмена дальневосточного региона с Китаем. Если в 1988 г. количество пересечений дальневосточного участка границы двух стран измерялось тысячами, то в 1993 г. оно достигло почти 480 тыс. [10, с. 259; 17, с. 382-385]. Численность одновременно находящихся на РДВ китайцев, составлявшая по переписи 1989 г. 1742 чел., в 1993 г., по оценочным данным, возросла до 100 тыс. чел. [12, с. 81]. Примерно в тех же пропорциях в 1988 – 1993 гг. увеличился и поток пересекавших дальневосточную границу российских мигрантов.

¹ Результаты ряда массовых опросов, касавшихся проблем трансграничного культурного взаимодействия на РДВ см.: [9; 17].

² Слабая обособленность от социально-экономических процессов является одной из черт «народной» культуры, отличающих ее от значительно более независимой от таких процессов культуры элитарной.

С конца 80-х гг. XX в. массовая трансграничная миграция становится главным фактором развития российско-китайского культурного взаимодействия на Дальнем Востоке, оставаясь таковым до сих пор. Перемещения (в основном краткосрочные, маятниковые) через дальневосточную границу туристов, трудовых мигрантов и торговцев послужили предпосылкой для расширения такой формы культурного взаимодействия двух обществ как непосредственная межличностная коммуникация их представителей. На этапе 1988 – 1993 гг. эта коммуникация имела преимущественно стихийный, неорганизованный характер. К концу данного этапа трансграничное культурное взаимодействие с российской стороны практически перестало быть объектом государственного регулирования. Что же касается его косвенного регулирования посредством государственного вмешательства в социально-демографические и экономические отношения РДВ с Китаем, то оно было сведено до минимума, предполагавшего высокую степень открытости границы региона для двусторонних контактов.

Следует отметить, что при всей значимости массовых миграций, они не являлись единственным фактором налаживания российско-китайских культурных отношений в регионе. Уже на этапе 1988 – 1993 гг. еще одной основой развития последних становятся трансграничные потоки потребительских товаров. Ввоз на РДВ больших объемов китайского ширпотреба может рассматриваться не только как экономический, но и как культурный процесс. Диффузия предметов материальной культуры соседнего общества (пусть и во многом обезличенных промышленным изготовлением) на территорию региона по существу приобрело значение особой опосредованной формы российско-китайского культурного взаимодействия. При этом, в отличие от живого общения представителей двух культур, интенсивность их опосредованной, вещной коммуникации сохраняла в дальнейшем заметно бо^{ль}шую устойчивость.

Наиболее важным, на мой взгляд, результатом российско-китайского культурного взаимодействия на РДВ в 1988 – 1993 гг. стало широкое осознание глубины взаимных различий. Если начало данного этапа ознаменовалось заметным всплеском интереса дальневосточников к Китаю, и в т.ч. его духовным традициям, то к 1993 г. на смену ему пришел еще более выраженный рост недоверия населения региона к китайцам, принимавший порой характер иррациональной фобии и способствовавший воскрешению казалось бы ушедшей в прошлое мифологии «желтой опасности». Судя по всему, столь резкие изменения в восприятии соседнего общества были обусловлены не только самим по себе быстрым и плохо контролируемым притоком китайских мигрантов, но и испытанным в прямых контактах с ними культурным шоком. По существу, он стал платой за предшествующую недооценку цивилизационного своеобразия другой стороны, ее ценностной и поведенческой инаковости [17, с. 168; 19, с. 290-298].

Переход к следующему этапу культурного взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке был вызван существенной корректировкой российской пограничной политики в регионе, начавшейся во второй половине 1993 г. Эта корректировка была направлена на общее усиление жесткости функционирования дальневосточной границы, на ее комплексную барьеризацию. Особенно ощутимые изменения в 1993 – 2000 гг. произошли в пограничном регулировании социально-экономических и экономических отношений, уровень жесткости которого повысился с высоко контактного до умеренно барьерного. Так, в сфере социально-демографических трансграничных отношений на этом этапе появился ряд сначала региональных, а затем федеральных и международных нормативно-правовых актов, которые прекращали практику двусторон-

них безвизовых поездок (кроме краткосрочного группового туризма), вводили разрешительный и квотируемый порядок привлечения иностранной рабочей силы, создавали механизмы пограничного и внутреннего иммиграционного учета и контроля и предусматривали меры по борьбе с нелегальной миграцией [17, с. 383-384; 23; 34; 35]. В экономической сфере российскими властями были существенно сужены возможности для ведения бартерной торговли, произведено повышение таможенных пошлин и акцизов и снижены предельные нормативы веса и стоимости для товаров, беспошлинно ввозимых в страну физическими лицами [4, с. 103; 9, с. 58-60; 25].

Несмотря на то, что фактическое ужесточение режима функционирования границы в 1993 – 2000 гг. далеко не в полной мере соответствовало требованиям законодательства, его следствием явилось значительное обмеление человеческих и товарных потоков, шедших из Китая на РДВ. Так, количество въездов граждан КНР через пропускные пункты Амурской области в 1994 г., было в 3,6 раза меньшим, чем в 1993 г. В дальнейшем оно постепенно возрастало, однако и в 2000 г. число китайцев, въехавших на РДВ, не превышало 350 тыс. [6; 9, с. 58]. Численность одновременно находящихся в регионе выходцев из Поднебесной (ввиду несвоевременного выезда многих из них) в этот период некоторое время продолжала расти, но к 2000 г. также снизилась, составив, по оценочным данным, около 80 тыс. чел. [2, с. 10]. Объем торговли РДВ с КНР, упавший в 1994 г. в 4,7 раза, к 2000 г. увеличился до 1125 млн. долл., так и не поднявшись, однако, до уровня 1993 г. (1188 млн. долл.). Вместе с тем, барьерная таможенная политика государства мало сказалась на состоянии официально не регистрируемых «челночных» торговых операций, объем которых на дальневосточной границе в эти годы активно возрастал, достигнув по некоторым оценкам к концу 90-х гг. XX в. 500 – 600 млн. долл. [8; 17, с. 340-344, 364].

Реакцией на усиление со стороны российских властей контроля над трансграничными отношениями и ужесточение условий китайского присутствия на территории РДВ в 1993 – 2000 гг. стало ускорение самоорганизации последнего, его внутреннего структурирования. Среди китайских мигрантов в это время начала формироваться прослойка лиц, въезжающих в Россию для длительного пребывания, на срок от 1 года и более. Это создало предпосылки для образования в регионе устойчиво существующих китайских неформальных сообществ (землячеств, цехов). В эти же годы на РДВ возникают первые формальные (зарегистрированные) общественные организации выходцев из КНР. Аналогичные процессы происходили на данном этапе и в экономической сфере. Выделение из числа представителей китайского бизнеса, торговцев и предпринимателей, сделавших выбор в пользу дальнейшей работы в России, способствовало стабилизации и укрупнению экономической инфраструктуры иммиграции, формированию в регионе постоянно действующих китайских торговых рынков, предприятий и фирм [10, с. 258, 261, 263 – 265].

Сжатие и, вместе с тем, внутреннее структурирование социально-демографического и экономического присутствия китайцев на РДВ не могло не повлечь за собой соответствующих культурных последствий. В 1993 – 2000 гг. культурная жизнь китайской иммиграции в регионе также стала более упорядоченной, получила определенную собственную (отделенную от социально-экономической сферы) организационную и материальную базу. Первые культурные институты мигрантов выполняли главным образом внутренние информационные (газеты) и досуговые (развлекательные заведения) функции. Участие иммигрантских сообществ в двусторонних контактах, и в т.ч. активизировавшихся в эти

годы процесса расширения преподавания языка и культуры Китая в средних и высших учебных заведениях РДВ, было минимальным. Образовательные проекты на территории России осуществлялись в основном по инициативе и на средства китайского государства.

Со стороны российских органов власти, трансграничные культурные отношения по-прежнему регулировались преимущественно косвенным путем, т.е. только в той мере, в какой их динамика определялась административно-правовыми условиями социального и экономического взаимодействия РДВ с Китаем.

Основным итогом этапа 1993 – 2000 гг., на мой взгляд, стало общее снижение широты и интенсивности российско-китайского культурного взаимодействия на территории Дальнего Востока. При этом, рост отчужденности сторон на массовом уровне, прагматизация их отношений, сопровождались внутренним культурным сплочением китайских мигрантов, уплотнением их взаимной коммуникации, что послужило одной из предпосылок последующего формирования в регионе замкнутых этнокультурных сообществ.

Наступление следующего этапа в развитии российско-китайских культурных отношений в регионе, продолжавшегося с 2000 по 2006 гг., было обусловлено приходом к власти в России национально-консервативных сил. Взятый ими курс на рецентрализацию, укрепление суверенитета и безопасности государства нашел выражение в мерах по повышению эффективности умеренно барьерного пограничного регулирования в военно-политической и социально-демографической сферах [26; 36]. Вместе с тем, усиление государственного контроля в этих областях трансграничных отношений сопровождалось заметной либерализацией (до умеренно контактного уровня) условий экономического взаимодействия РДВ с КНР [9, с. 62-68; 27, с. 194-195].

С 2000 по 2005 гг. число въездов китайских граждан на территорию дальневосточного региона России увеличилось с 350 до 445,5 тыс. [6; 31]. К началу 2007 г., по сведениям Ассоциации китайских граждан Владивостока, в регионе одновременно находилось не менее 200 тыс. китайцев [16, с. 150]. Очень высокие темпы роста были свойственны на данном этапе товарообороту между РДВ и КНР: если в 2000 г. его объем составлял 1125 млн. долл., то в 2006 г. – уже не менее 4030 млн. долл. [28].

Помимо пограничной политики Москвы, динамика трансграничных отношений РДВ с КНР в 2000 – 2006 гг. складывалась под сильным влиянием принятой китайским правительством в 2000 г. новой внешнеэкономической стратегией «цзоучуэюй» («идти вовне») [9, с. 65]. Именно созвучием предусмотренных этой стратегией поощрительных мер действиям российской стороны, направленным на смягчение соответствующих пограничных барьеров, можно объяснить стремительный рост на данном этапе притока в регион рабочей силы и товаров из Китая. Вместе с тем, стимулирующая политика Китая отвечала приоритетам российских властей далеко не полностью, в частности потому, что она способствовала оживлению и нежелательных для них форм миграции китайцев, – прежде всего, связанных с торговой деятельностью.

Быстрое наращивание социально-экономической базы двусторонних межобщественных отношений в 2000 – 2006 гг. само по себе являлось мощным фактором активизации культурного взаимодействия сторон. Другой его детерминантой в эти годы стало расширение вмешательства в эту сферу трансграничных отношений государственных органов обеих стран.

Особенно существенные изменения в этом плане имели место в государственной политике КНР. Безусловно, китайские партийно-государственные структуры (в отличие от российских властей) внима-

тельно следили за содержанием культурных контактов граждан КНР и РФ и ранее. Однако в 90-е гг. трансграничная культурная политика Китая носила в основном барьерной, защитный характер и была нацелена, прежде всего, на предотвращение чуждого политико-идеологического влияния извне. С начала же 2000-х гг., на фоне заметного всплеска интереса китайской научной и политической элиты к концепции «мягкой силы», эта политика приобретает выраженную наступательную, контактную направленность, и более широкое, выходящее за рамки коммунистической идеологии, содержание [1, с. 138-145]. Ярким примером целенаправленных усилий правительства КНР по продвижению китайских культурных ценностей и улучшению международного имиджа страны стал начавшийся с 2004 г. процесс создания им за рубежом институтов и классов Конфуция. В декабре 2006 г. первый институт Конфуция появился и на РДВ, при ДВГУ (г. Владивосток) [15, с. 276-282]. Следует подчеркнуть, что в своем воздействии на культурное сознание массовой зарубежной аудитории власти КНР стремились использовать не только традиционно государственные механизмы, но и каналы «народной дипломатии», и в т.ч. возможности китайских диаспор [16, с. 389-391, 402-403].

Важные перемены в отношении государства к трансграничным культурным процессам произошли в 2000 – 2006 гг. и в России. По существу, на данном этапе они впервые за постсоветский период стали объектом не только косвенного, но и прямого государственного регулирования. Концептуальной основой последнего явилась подписанная президентом в сентябре 2000 г. Доктрина информационной безопасности РФ [7]. Вопреки своему названию, этот насыщенный по содержанию документ определял задачи и направления защиты не только информационного пространства, но и духовного благополучия страны в самом широком смысле. Включение Доктриной в число национальных интересов России в информационной сфере целей «упрочения демократии», «укрепления нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма» позволяет рассматривать этот документ по сути как попытку создания концепции культурно-идеологической политики государства. При этом ряд положений Доктрины указывал на то, что государственная власть намерена проводить эту политику в активном стиле, как противодействуя пропаганде деструктивных инокультурных ценностей внутри страны, так и оказывая поддержку продвижению российской продукции на зарубежный информационный рынок.

Впрочем, масштабы реальной активности российских властей в регулировании трансграничных культурных процессов (в т.ч. на РДВ) в 2000 – 2006 гг. были значительно скромнее размаха заявленных им планов. Деятельность созданной в рамках реализации Доктрины 2000 г. при полпреде Президента РФ в ДФО специальной Межведомственной комиссии была сосредоточена в основном на обеспечении информационной безопасности региона в узком смысле, т.е. на защите государственно значимых сведений от несанкционированного доступа со стороны иностранных субъектов [11]. На решение этой задачи было направлено проведение в регионе ряда мероприятий организационно-технического и оперативно-розыскного характера. Внутренние меры опирались на определенную международно-правовую базу: в мае 2000 г. правительствами РФ и КНР было подписано Соглашение о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации [29]. Главным достижением российской стороны в продвижении отечественной культуры на территории сопредельных стран на этом этапе стало открытие в 2001 г. по договоренности на межправительственном уровне центров русского языка при университетах в Пекине, Шанхае и Харбине [21]. Что же ка-

сается культурной жизни диаспор (российской в Китае и китайской на РДВ), то представители российских властей, в отличие от их коллег из КНР, интереса к ней практически не проявляли.

Объективные социально-экономические процессы и поощрительная политика правительства Китая в 2000 – 2006 гг. способствовали не только численному росту китайской иммиграции на РДВ, но и заметным изменениям в ее внутренней структуре. Прежде всего, среди находящихся в регионе китайцев увеличилась доля лиц, пребывающих в нем длительное время. По данным проводившихся в это время опросов китайских мигрантов, если в 2000 г. более 1 года на РДВ проживали 57,1% опрошенных, то в 2003 г. – уже 78% [10, с. 265]. Даже учитывая явное смещение выборки, связанное с неполной охваченностью наиболее труднодоступной для обследований сезонной частью мигрантов, сама тенденция к росту сроков пребывания китайцев выявляется ими достаточно наглядно. Характерной особенностью данного этапа являлось также значительное выравнивание половой структуры иммиграции. Если в первой половине 90-х гг. среди выходцев из КНР в регионе резко преобладали мужчины (94%), то в 2004 г. их доля снизилась до 60%. По результатам опроса 2005 г., 78% китайцев находились в России с женой (мужем) [9, с. 103; 10, с. 262]. Наконец, на рассматриваемом этапе заметно вырос образовательный уровень китайских мигрантов. Так, по результатам обследования в Амурской области 2004 г. треть опрошенных китайцев имела высшее образование [9, с. 103]. Хотя этот показатель вряд ли можно считать репрезентативным для всех китайцев дальневосточного региона, он в целом отражает происходивший в эти годы процесс повышения веса в составе мигрантов таких социальных категорий как бизнесмены, служащие, преподаватели и студенты.

Стабилизация и укоренение сообщества китайских граждан в регионе, его постепенная трансформация в настоящую диаспору¹, закономерно вели к оживлению культурной жизни мигрантов, к ее дальнейшей институализации. На этом этапе во всех крупнейших центрах юга РДВ (Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, Уссурийске), наряду с неформально действующими общинами появляются официально зарегистрированные китайские общественные организации, представительства администраций городов и коммерческих компаний КНР, помимо прочего берущие на себя функции удовлетворения культурных нужд выходцев из Китая. В регионе начинается выпуск ряда новых периодических изданий на китайском языке. Китайское население приграничных районов РДВ получает доступ к национальному теле- и радиовещанию, к услугам сотовой и Интернет-связи со страной выхода. При этом внутренняя культурная консолидация формирующейся китайской диаспоры и укрепление ее связей с материнским обществом не сопровождалась активизацией такого же рода контактов с принимающей стороной. Напротив, наметившаяся ранее тенденция к комплексной, в т.ч. культурной, самоизоляции («чайнатаунизации») китайских мигрантов на РДВ оставалась в целом неизменной [9, с. 101-104; 10, с. 263-264, 273-274].

Отправной вехой последнего, продолжающегося до настоящего времени, этапа в российско-китайском культурном взаимодействии на Дальнем Востоке стал 2007 г. Этот год ознаменовался общим пересмотром пограничной (и шире трансграничной) политики России, свя-

¹ Учитывая однопоколенную структуру китайской иммиграции в России, некоторые авторы рассматривают ее как «квазидиаспору» [16, с. 154-159]. Соглашаясь с таким определением китайской иммиграции в ее нынешнем состоянии, я исхожу из того, что в данном случае это состояние фактически является этапом в процессе формирования полноценной диаспоры.

занным в первую очередь с попыткой перехода к дифференцированному, избирательному режиму функционирования российских границ в социально-демографической и экономической сферах. Расширяя и усиливая ограничения в отношении коммерческой («челночной») миграции, ввоза в страну ряда категорий потребительских товаров и вывоза из нее некоторых видов сырья (особенно, необработанного леса) [5, с. 139; 9, с. 68-70; 16, с. 262-266; 39, с. 36], правительство РФ, вместе с тем, значительно смягчило условия привлечения в Россию иностранной рабочей силы и инвестиций [3, с. 195-197; 37]. Кроме национального законодательства, новая политика нашла воплощение в ряде специальных двусторонних соглашений между РФ и КНР. Важнейшим среди них стала подписанная в октябре 2009 г. главами правительств двух стран «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (на 2009 – 2018 гг.)». С российской стороны, данная Программа была нацелена на придание социально-экономическому взаимодействию с соседом не только более масштабного, но и более адресного характера, на обеспечение его соответствия долгосрочным приоритетам развития РДВ.

Дифференцирующая и упорядочивающая пограничная политика российских властей (наряду с последствиями мирового экономического кризиса) в 2007 – 2010 гг. оказала в целом сдерживающее влияние на рост объемов идущих в регион из Китая миграционных и товарных потоков. Судя по данным за 8 месяцев 2010 г., количество въездов китайцев на территорию РДВ в этом году так и не превысило показателя 2005 г. Что же касается товарооборота между РДВ и КНР, то с 2006 по 2010 гг. его объем с 4 млрд. долл. вырос лишь до 5,5 млрд. [24; 32].

Однако более важными результатами государственного регулирования явились изменения во внутренней структуре китайского социального и экономического присутствия в регионе. Они были связаны со значительным сокращением в составе китайских мигрантов доли «псевдотуристов» (торговцев, кустарей, официально не зарегистрированных рабочих), а в китайском импорте – объема дешевого ширпотреба «челночного» происхождения [18]. Эти структурные изменения в социально-экономической базе китайского присутствия неизбежно должны были сказаться и на его культурной составляющей.

2007 г. стал поворотным пунктом в развитии не только косвенного, но и прямого регулирования российским государством трансграничных культурных процессов. Именно в 2007 г. в официальных документах внешнеполитического ведомства РФ впервые получила отражение уже давно апробированная в риторике и практике западных и китайских политиков и чиновников концепция «мягкой силы»¹. Это можно рассматривать как свидетельство окончательного отхода российского руководства от узко информационного, когнитивного подхода к работе с общественным сознанием в пользу более широкого, культурно-идеологического. При этом, в отличие от предшествующего этапа, в 2007 – 2010 гг. культурная политика РФ (в т.ч. в отношении КНР) перестала быть по преимуществу декларацией о намерениях, но получила достаточно прочную институциональную и финансовую основу. Не ограничиваясь масштабными, но краткосрочными программами (подобными Годам России и русского языка в Китае), российское правительство в 2007 г. создало специализированный организационный механизм для систематического проведения своей культурной политики на международной арене – Фонд «Русский мир». Одним из основных направлений работы Фонда, филиал которого был открыт и во Владивостоке, стало продвижение российской культуры в Китае [38].

¹ См. статью А. Маклис в этом номере «Ойкумены».

Создание Фонда «Русский мир» повлекло за собой заметное усиление и расширение вмешательства государства в российско-китайское культурное взаимодействие. Однако это вмешательство так и не смогло преодолеть явной однобокости. Российская трансграничная культурная политика по-прежнему направлена главным образом вовне и сосредоточена на уровне отношений органов власти и государственных организаций. Культурные процессы массового уровня, в особенности происходящие на территории самой России, в районах концентрации китайских мигрантов, остаются во основном за пределами ее действия¹.

На этом фоне «мягкая» экспансия в Россию со стороны властей КНР в 2007 – 2010 гг. развивалась более широко и успешно. К концу 2010 г. в России действовало уже 17 институтов Конфуция, а китайский язык изучался в 130 вузах и 20 средних школах [20]. При этом РДВ входил в число регионов, где преподавание китайского языка и культуры развивалось наиболее активно. Свои плоды начала приносить и политика Пекина по актуализации национальной идентичности диаспор и использованию их потенциала в интересах метрополии. Под влиянием стабилизации социально-демографической структуры и укрепления экономического положения дальневосточной китайской диаспоры, ее восприимчивость к исходящим из Китая политическим импульсам возросла. Этап 2007 – 2010 гг. характеризовался заметным повышением активности китайских организаций на РДВ, их постепенным вовлечением при содействии дипломатических представительств КНР в общественную жизнь региона и налаживанием ими определенных контактов с местными органами власти. Вместе с тем, все чаще выступая с различными направленными на улучшение имиджа Китая и его граждан инициативами (особенно благотворительными и образовательными) [13; 14], китайская диаспора на РДВ по-прежнему сохраняет высокую степень замкнутости и недоступности для любого рода неформального, духовного воздействия со стороны вмещающего общества. Такой однонаправленный характер отношений сторон не способствует преодолению социокультурной анклавности китайских мигрантов, не создает условий для их аккультурации, а тем более ассимиляции.

Предпринятая попытка анализа динамики культурного взаимодействия России и Китая на РДВ в 1988 – 2010 гг. позволила обнаружить некоторые его особенности и тенденции. Во-первых, можно констатировать, что на протяжении указанного периода в регионе в основном сложились социально-демографические и экономические условия, необходимые для формирования постоянной и достаточно многочисленной китайской диаспоры. По-видимому, в ближайшие годы, с переходом китайского населения РДВ к более широкому естественному воспроизводству, процесс ее формирования будет завершен. Диаспоризация китайского присутствия в регионе в целом создавала, и будет создавать в дальнейшем, предпосылки для повышения частоты и длительности всех форм межобщественных контактов.

Во-вторых, судя по собранным данным, особенностью формирующейся на РДВ китайской диаспоры стало минимальное использование ею объективного потенциала межобщественного взаимодействия, его прагматизация. При этом наибольшая замкнутость и автономность от вмещающего общества свойственны китайским мигрантам именно в культурной сфере. Активная внутренняя культурная (языковая, информационная и ценностная) консолидация мигрантов и поддержание ими интенсивных связей с материнским обществом, превращает зоны их компактного проживания в анклав, практически не доступные для

¹ Недостаточность внимания Фонда к сфере массовой культуры признается и некоторыми представителями его руководства [33].

процессов аккультурации.

В-третьих, можно утверждать, что наряду с исторически обусловленными глубокими цивилизационными различиями, преобладание в межобщественном культурном взаимодействии тенденции к сепарации и взаимному отчуждению во многом является следствием специфики регулирования этого взаимодействия государственными органами РФ. Трансграничная культурная политика российского государства на Дальнем Востоке вырабатывалась с большим запаздыванием и в значительной степени в качестве «приложения» к его внешнеполитическому курсу. Проблемы управления культурной жизнью китайского населения на территории РДВ, вопросы его натурализации фактически до сих пор остаются за ее рамками. В результате массовое межкультурное взаимодействие в регионе либо сохраняет в основном стихийную форму, либо становится объектом более зрелой и комплексной политики китайских властей.

Литература

1. Абрамов В.А. Глобализующийся Китай: грани социокультурного измерения. М.: Восточная книга, 2010. 240 с.
2. Безруков И.С., Горбенкова Е.В. Перспективы использования азиатской рабочей силы в экономике Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. 208 с.
3. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
4. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия. М.: Гендальф, 1999. С. 80 – 120.
5. Горчаков В.В. Стратегия развития приграничных отношений России и Китая: взгляд из региона // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 136 – 143.
6. Деятельность региональных миграционных служб на востоке Российской Федерации. Иркутск, 2006. Электронный ресурс. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/migration/ [Дата обращения: 10.01.2011 г.]
7. Доктрина информационной безопасности (утв. Президентом РФ 9 сентября 2000 г.) // Совет Безопасности РФ: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/6/5.html> [Дата обращения: 10.11.2010]
8. Дробышева И. Миллиард под боком // Дальневосточный капитал. 2003. № 2. Электронный ресурс. URL: <http://dvkapital.ru/subjnum/2003/0201.asp>. [Дата обращения: 10.11.2010]
9. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
10. Загребнов Е. Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // Прогносис. 2007. № 1. С. 252 – 277.
11. Информационная безопасность на Дальнем Востоке оставляет желать лучшего // Хабаровск-новости. 18.10.2002. Электронный ресурс. URL: <http://news.khb.ru/print.php3?news=4857> [Дата обращения: 10.11.2010]

12. Карлусов В., Кудин А. Китайское присутствие на российском Дальнем Востоке: историко-экономический анализ // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 5. С. 76 – 87.
13. Китайские бизнесмены Владивостока хотят поздравить наших ветеранов // Vl. ru. 20.04.2009. Электронный ресурс. URL: <http://news.vl.ru/vlad/2009/04/20/kitajcy/> [Дата обращения: 8.05.2011]
14. Козлов Л.Е., Насакова Б.Б. Российский Дальний Восток как объект внешней культурной политики Японии и Китая // Российский Дальний Восток в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков: Политика, экономика, безопасность. Вып.2. Владивосток, 2008. Электронный ресурс. URL: http://l-kozlov.narod.ru/text/kozlov_nasakova.doc [Дата обращения: 10.11.2010]
15. Курилова К.А. Проект «Институт Конфуция» в свете новых аспектов российско-китайских культурных отношений // Взаимодействие России и Китая в глобальном и региональном контексте: политические, экономические и социокультурные измерения. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. С. 276 – 285.
16. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
17. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX – XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
18. Ларин В.Л. КНР глазами дальневосточника // Международные процессы. 2010. Т.8. № 1 // <http://www.intertrends.ru/twenty-second/014.htm> [Дата обращения: 18.01.2011]
19. Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII – XXI вв. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 598 с.
20. Международное обозрение: Результаты Года китайского языка в России и Года русского языка в Китае поистине значительны // Russian.china.org.cn. 22.11.2010. Электронный ресурс. URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-11/26/content_21431442.htm [Дата обращения: 8.05.2011]
21. О центрах русского языка в КНР // Посольство России в Китае: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.russia.org.cn/rus/2830/31292089.html> [Дата обращения: 8.05.2011]
22. Петров И.И., Катунцев В.И. На тихоокеанских рубежах. Владивосток: Дальн. кн. изд-во, 1990. 608 с.
23. Постановление Правительства РФ от 8 сентября 1994 г. № 1020 «Об утверждении Положения об иммиграционном контроле» // Система «Гарант».
24. Почти 400 тысяч иностранцев въехало в этом году на территорию Дальнего Востока // ИА PrimaMedia. 8.10. 2010. Электронный ресурс. URL: <http://primamedia.ru/news/08.10.2010/136552/> [Дата обращения: 10.01.2011]
25. Приказ ГТК РФ от 15 августа 1994 г. № 408 «О перемещении товаров физическими лицами через таможенную границу Российской Федерации» // Система «Консультант Плюс»
26. Приказ МВД РФ, МИД РФ, Минтранса РФ, МПС РФ, ГТК РФ и ФПС РФ от 11 ноября 2002 г. № 1095/16531/143/49/1189/692 «О введении в действие миграционных карт» // Система «Гарант»
27. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию/ Науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 351 с.
28. Рыжова Н.П. Приграничная торговля и интеграция. Китайский и российский подходы. Электронный ресурс. URL: <http://www.hse.ru/data/688/385/1239/%D0%A0%D1%8B%D0%B6%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D0%92%D0%A8%D0%AD.doc> [Дата обращения: 10.01.2011]
29. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о взаимном обеспечении защиты и сохранности секретной информации // МИД РФ: [сайт]. Электронный ресурс. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/0/A492C27B118C6F9DC325785A003FB2B6
30. Соловьева Е.В. Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена. Регионоведческие

исследования. 2009. № 1. С. 99 – 106.

31. Сотни тысяч одних китайцев // *Время новостей*. № 108. 21 июня 2002. Электронный ресурс. URL: <http://www.vremya.ru/print/24275.htm> [Дата обращения: 10.01.2011]

32. Товарооборот между Дальним Востоком и КНР в 2010 году вырос почти на \$1 млрд – до \$5,5 млрд. // «РИА Новости». 14. 01. 2011. Электронный ресурс. URL: <http://dv.rian.ru/economy/20110114/81963981.html> [Дата обращения: 18.01.2011]

33. Толорая Г. Работа фонда в Китае продолжится и после закрытия Года русского языка // Фонд «Русский мир»: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/publications/comments/comment0024.html> [Дата обращения: 10.01.2011]

34. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» // Система «Гарант»

35. Указ Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2146 «О привлечении и использовании иностранной рабочей силы в РФ» // Система «Гарант»

36. Указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» // Система «Гарант»

37. ФЗ РФ от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Система «Гарант»

38. Фонд «Русский мир»: [сайт]. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruskiymir.ru/ruskiymir/ru/> [Дата обращения: 10.01.2011]

39. Экспорт лесо- и пиломатериалов с российского Дальнего Востока в Китай // *Устойчивое лесопользование*. 2007. № 4 (16). С. 34 – 39.

УДК 323

Теплоухова М.В.

Этно-национальная политика в Российской империи XIX – начала XX вв.

Ethnic and National Politics of the Russian Empire in the XIX – beginning of XX

В статье рассматриваются основные этапы и направления реализации этнической политики в Российской империи. Раскрывается содержание политики гибкого прагматизма и русификации. Делается вывод о противоречивости этнической политики в России начала XX в.

Ключевые слова: *Россия, империя, этнос, нация, этно-национальная политика*

The main periods and directions of ethnic politics in Russian empire of the XIX – beginnings XX centuries are regarded in this article. Politics of flexible pragmatism and russification are characterized in it. The conclusion was made on the controversial character of ethnic politics in Russia in the beginning of the XX century.

Key words: *Russia, empire, ethnos, the nation, the ethno-national policy*

К концу XIX в. Российская империя оформилась как полиэтничное государство. По данным 1899 г. русские составляли 72,5% населения страны. Среди других наиболее крупных этнических общностей можно отметить: финнов (6,6%), поляков (6,3%), литовцев (3,9%), евреев (3,4%), татар (1,9%), башкир (1,5%), немцев (1,3%), шведов (0,4%), киргизов (0,2%), калмыков (0,1%), греков (0,06%), болгар (0,05%), армян (0,05%) и др. [1, с. 297]. Несмотря на многообразие представленных в ней этнических общностей, проявления противоречий и столкновений между ними, этно-национальная политика как самостоятельная область внутренней политики государства стала формироваться достаточно поздно. Так, многие факторы, определившие ее возникновение, проявились лишь во время перестройки и последующего за ней периода. Подобная преемственность свидетельствовала о том, что истоки ряда современных этнических проблем Российской Федерации следует искать в ее далеком историческом прошлом.

Опираясь на вышеизложенное, своей целью в данной работе ставим проанализировать систему управления межэтническими отношениями дореволюционного этапа России и тем самым определить и выявить процессы, ставшие основанием для выработки базовых принципов национальной политики советской России. В связи с этим основными за-

дачами работы являются следующие:

- определить модели взаимодействия государственной власти и этнических групп внутри страны;
- рассмотреть содержание основных документов в сфере управления «малыми народами» изучаемого периода;
- проанализировать семантические основания трансформации концепта «нация»;
- выявить факторы, инициировавшие модернизацию национальной политики на рубеже XIX-XX веков;
- проследить динамику изменения содержания программ управления межнациональными отношениями в Российской империи.

Сложившиеся в течение обозначенного периода нормы и практики урегулирования межэтнических взаимодействий связаны с двумя основными фазами развития, отражающими качественно различные системы представлений на проблему управления разными народами империи. Первая фаза может быть определена как традиционная, вторая – как модернизированная.

Традиционные паттерны российской этнической политики до начала XIX в. основной целью ставили поддержание внутренней и внешней безопасности государства. В том случае, если возникала непосредственная угроза со стороны одной из этнических общностей, власть прибегала к форсированным действиям с использованием военной силы. Если же нерусские элиты выражали лояльность к государю и поддерживали социально-политическую стабильность, первые получали определенные привилегии и интегрировались различным образом в государственную систему. Политика гибкого прагматизма и религиозной веротерпимости приносила неплохие плоды. Однако межэтнические взаимоотношения стали рассматриваться как объект политики (а не только бытовых и экономических связей) сравнительно поздно. Так, фактически первым свидетельством признания существования этой проблемы в управленческом контексте можно рассматривать Устав об управлении инородцами – официальный акт Российской империи, подготовленный в 1822 г. известным реформатором, а затем генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанским. Под «инородцами» в документе понимались аборигенные общности Сибири, которые разделялись на «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Подобное разделение определяло административный и правовой статус соответствующих групп населения. Бродячие и кочевые общности были уравнены по вопросу налогообложения с государственными крестьянами, сохраняя при этом свои внутренние порядки в «образе управления». Оседлые аборигены были полностью приравнены к государственными крестьянам. При этом Устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых инородцев к оседлому образу жизни и, как следствие, полное уравнивание их в правах с русскими крестьянами, исключая отношение к военной службе [7]. Фактически, документ обобщал и систематизировал опыт, накопившийся в административной практике управления коренным населением Сибири. В частности, разработчики документа постарались принять меры, которые бы регламентировали вмешательство чиновников в аборигенное самоуправление («степное управление»). Планировалось также предотвращение других злоупотреблений, упорядочивание взимания податных сборов, ограничение полномочий высших представителей местных органов власти учреждением коллегиальных «степных дум» [7]. Однако принятие Устава имело несколько иные последствия в силу опоры правительства и местных администраций на «степную аристократию». Степные думы, родовые управления превратились в коллегии нойонов, которые использовали аппарат «степного управления» для обеспечения своих экономических и

политических целей. Постепенно же термин «инородцы» получил более широкое значение и стал применяться для обозначения всего нерусского населения империи [6, с. 209].

Следующим знаковым моментом в процессе формирования основ этно-национальной политики России можно считать программу министра народного просвещения, графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». Истоки его идей связаны с философией Просвещения и идеализма. Уваров настаивал на том, что самодержавие и личность самодержца являются создателями и оплотом российского государства и в таком качестве «необходимым условием существования Империи» [2, с. 72]. Православие рассматривалось министром не в терминах божественного откровения, а исключительно как «залог счастья общественного и семейного»; русский, преданный своему Отечеству, «столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь на похищение одного перла из венца Мономаха». Собственно русскую нацию Уваров определял не как этнос, но как сообщество, объединенное свойством безграничной преданности своим властителям, что и отличало русских от западных народов, развращенных философией Просвещения [3, с. 148].

Современные исследователи по-разному оценивают уравновешенность и сбалансированность составляющих триады. Так, А. Зорин трактует включенные в нее православие и самодержавие исключительно утилитарно, придавая основное значение идее народности. В качестве аргумента этот автор указывает на то, что во французских оригиналах текста Уварова само слово народность фигурирует как *nationalité*. В данном контексте надо понимать, что оно выступает как интегрирующее понятие, объединяющее все многообразное население в одну единую нацию в политическом, но не этническом смысле [4].

Национальная политика Российской империи в конце XIX в. претерпела первые серьезные изменения, которые стали ответом на ключевые вызовы этого времени и заложили основы модернизации в данной сфере. К числу новых факторов, которые ставили под вопрос основополагающие принципы существования династического самодержавного полиэтнического государства, можно отнести следующие:

1. Неизбежная после проигранной Крымской войны и необходимая установка на модернизацию России, в том числе административная систематизация и унификация государственного и общественного устройства страны.

2. Волнения среди нерусских этнических общностей, которые рассматривались как прямая угроза для стабильности и единства Империи.

3. Проявления национального самосознания части русского общества.

4. Изменения, происходившие в Европе, где была уже опробована и получила развитие модель этнически однородного национального государства [5, с. 182].

Российская политика оказалась под влиянием этих новых факторов, которые соответствовали внутренним тенденциям к интенсификации административной, социальной и культурной интеграции общества. В результате взаимодействия этих обстоятельств в конце XIX в. формируется политика культурно-языковой русификации. Однако если признать, что все населенные нерусскими западными областями страны стали в конце XIX в. объектом политики форсированной интеграции, остается неясным – можно ли говорить о существовании единой национальной политики применительно к этому периоду. Меры подобного рода применялись к разным этническим общностям со значительным временным

интервалом. Мотивы, мера и интенсивность нивелирования конкретных регионов под общероссийский уровень также были неодинаковы. Следует учитывать сохранение важного правового различия, которое существовало между «природными» подданными России и особой категорией инородцев. Если первых коснулись все проводимые реформы, то в отношении вторых проводилась политика невмешательства, которая позднее превратилась в противоположную курсу на интеграцию политику сегрегации и дискриминации. Эти различия соответствовали прежде всего степени развития антироссийских движений. Так, наиболее жесткие меры по форсированию интеграции использовались в Царстве Польском, на Украине, в Литве и Белоруссии. Репрессии здесь были направлены в первую очередь против католического духовенства, которое обычно выступало опорой движений сопротивления. Высокое значение также придавалось обязательному внедрению в государственную службу, официальное делопроизводство, систему образования русского языка, а позднее (после 1876 г.) – установлению запрета на печать на местных языках [5, с. 188].

Обращение к статусу двух немаловажных частей Империи, – Польши и Финляндии, – дает возможность проследить очевидный дисбаланс в структуре государства, поскольку именно эти субъекты располагали автономией и собственными конституциями. Вполне очевидно, что подобные отношения между центром и регионами создавали условия для сохранения этнической самобытности населения национальных окраин. Что касается юго-восточной части страны, то здесь сложилась несколько иная ситуация, так как представленные здесь этнические общности отличались многообразием в языковом, религиозном, культурном, социальном и экономическом отношении. Поэтому и российская политика по отношению к ним не могла быть единой. Однако заметим, что и здесь проявились тенденции к усилению централизации, интеграции и культурной русификации, но меры и способы, при помощи которых они реализовывались, существенно отличались.

Концептуальную основу имперской этнической политики на юго-востоке России в значительной степени составила так называемая «методика Ильменского», предложенная в 1846 г. [8, с. 428]. Николай Ильменский, ученый-востоковед, был хорошо знаком с языком и обычаями волжских татар, башкир, казахов, туркмен, а также с центрами исламской культуры на Ближнем Востоке. Он предложил идею интеграции полиэтнического населения на основе православной веры с помощью проповедей и обучения на родных языках конкретных общностей. Конечной целью такого образования предполагалось обрусение инородцев и полное их слияние с русскими. Для формирования новых элит, на которые могла бы опереться Россия, в Волжско-Уральском регионе, в Сибири и Казахстане были созданы многочисленные школы с преподаванием на местных языках. Кроме того, Ильменский и его соратники создали на основе кириллицы алфавиты для многих оставшихся до этого времени бесписьменных языков. Несмотря на то, что, в отличие от западных территорий, на юго-востоке правительство полагалось на более гибкие меры интеграции, во второй половине XIX в. и здесь усилились ассимиляторские тенденции и европоцентристские предрассудки.

Со второй половины XIX в. начинается ускоренная интеграция Закавказья и Северного Кавказа в Российскую империю. Она выразилась преимущественно в репрессивных мерах против армяно-григорианской церкви, вытеснении вплоть до полного запрета грузинского языка и др. Эти меры вызвали активное сопротивление со стороны грузин, вставших на защиту родного языка, словесности и культуры. Необходимость нормализации положения в Грузии отодвинула на время проведение ана-

логичных мер в Армении.

Результаты новой, направленной на ускоренную интеграцию нерусского населения политики, оказались амбивалентны. С одной стороны, предпринятые меры позволили обеспечить внутривнутриполитическую стабильность путем замораживания развития национальных движений многих иноэтничных групп. С другой стороны, именно политика русификации и дискриминации неправославного населения принесла свои отрицательные результаты. Здесь, прежде всего, следует отметить мобилизацию против такой политики и Российского государства не только элит, но и широких слоев населения в Польше, Литве, Финляндии, Армении и Грузии. Несмотря на то, что меры унификации несколько ослабили элиты национальных окраин, но все же периферия смогла в значительной степени сохранить свою этническую самобытность. Приведенные и некоторые другие обстоятельства создавали благоприятную почву для разжигания этнических конфликтов после вступления страны в революционный период. Уже в начале XX в. в западных областях России прокатилась волна недовольств и локальных этнических чисток, которые стали первым симптомом последующих событий.

Революция 1905 г. придала мощный импульс разворачиванию освободительных движений в Российской империи. Под давлением революционных сил правительство было вынуждено отказаться от репрессивной ассимиляторской политики и вновь вернуться к прежнему курсу гибкого прагматизма. Перемены в этнической политике выразились в следующих акциях:

1. Были отменены некоторые запреты на развитие языка и культуры национальных окраин. Например, в Литве было разрешено печатать издания на литовском языке латинским шрифтом.

2. В 1905 г. был принят Указ о веротерпимости, который, хотя и подтверждал доминирующее положение православной церкви, устранил дискриминацию в отношении остальных конфессий.

3. Правительство пошло на уступки в сфере языковой политики.

4. В Манифест 17 октября наряду с общими гражданскими правами и свободами было включено положение о праве на создание национальных организаций, развитие национальных связей и агитации [5, с. 245].

Националистические движения в стране теперь получили более благоприятные возможности для распространения своих политических программ. С этого периода отмечается рост числа партий и объединений националистического толка; стала издаваться масса газет и других изданий на разных языках, чаще стали появляться манифесты, призывавшие к освобождению от национального гнета. После поражения революции 1905 г. ее основные завоевания были в основной массе отменены во время нового периода реакции. И все же взрыв смеси социального, политического и этнического «горючего» продемонстрировал значение и потенциальную роль националистических движений. Не случайно, большевики учли этот опыт и сделали ставку на угнетенные национальные меньшинства как союзника пролетариата в готовящейся социалистической революции.

Процессы, протекавшие в последние десятилетия существования Российской Империи, стали прародительницей всей дальнейшей этнонациональной политики советской эпохи. Фактически, социально-политическое сознание народа оказалось не готово к новым сценариям взаимодействия внутри государства. Также и предлагаемые теории не только не учитывали всех нюансов прежнего взаимодействия власти с конкретной этнической группой, но часто были и вовсе узконаправленными, ориентированными на одну конкретную национальную общность.

Общей же чертой всех программ был фактический отказ от собственной культуры в пользу православного восприятия мира, характеризующего национальное большинство.

До начала первой мировой войны российская этно-национальная политика оставалась крайне противоречивой и непоследовательной. Тяготы военного времени еще более усугубили положение в стране, вызвав обострение социального и политического напряжения. Новый взрыв в феврале 1917 г. привел к подъему освободительного движения народов страны. Дальнейшее развитие событий привело к реализации большевистского решения национального вопроса в России, которое заложило основу национальной политики Советского Союза.

Литература

1. Бразоль Б.Л. Царствование Николая II (1894-1917) в цифрах и фактах. Минск, 1991.
2. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. // Река времен. Вып. 1. М.: Эллис Лак, 1995.
3. Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26.
4. Зорин А. Кормя двуглавого орла. М.: Новое Литературное Обозрение. 2001.
5. Кашпелер А. Россия – многонациональная империя. М.: Традиция. Прогресс Традиция. 2000.
6. Кэмпбелл Е.И. Единая и неделимая Россия и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М. 2001.
7. Устав об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. // Электронная библиотека Института этнологии и антропологии РАН. URL: <http://www.iea.ras.ru/topic/law/law/law-r22071822htm> [Дата обращения: 24.04.2011]
8. Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. vol. 53. № 2.

УДК 325.2

*Лазарева С.И., Сергеев О.И.***Общественно-политическая активность российских эмигрантов в Китае в 20-е – 40-е гг. XX в.****Political activity of the Russian emigrants in China
in 20 – 40th years of XX**

Данная статья – опыт систематического анализа основных течений общественно-политической жизни российской эмиграции в Китае, её идеологии в 20 – 40-е годы XX в. Подробно характеризуются особенности дальневосточной политической эмиграции, её отличия от европейской, определяются цели и задачи, которые эмигранты ставили перед собой. Значительное внимание уделяется таким эмигрантским организациям, как ХКПРБ и БРЭМ, раскрывается их роль в адаптации эмигрантов к новым условиям.

Ключевые слова: *российская эмиграция, политические организации, Харбинская библиотека, казачьи землячества, церковные приходские советы, геополитика, патриотизм, фашизм*

The given article is the experience of the regular analysis of main currents of political life of the Russian emigration in China, its ideology in 20 – 40th years of XX century. The authors characterize in detail features of the Far East emigration, its difference from European, define the purposes and the problems which emigrants put before themselves. The considerable attention is given to such emigrant organizations as HKPRB and BREM, their role in adaptation of emigrants to new conditions reveals.

Key words: *the Russian emigration, the political organizations, Harbin library, Cossack землячества, church parish councils, geopolitics, patriotism, fascism*

Русское Зарубежье XX в. – явление уникальное в мировой и отечественной истории. Мощный социальный взрыв 1917 г. выбросил за пределы России к началу 20-х гг., по различным подсчётам, от двух до трёх миллионов человек. Большинство русских беженцев принадлежало к культурной и политической элите Российской империи, что и предопределило беспрецедентно высокий уровень культурных ценностей, кото-

ЛАЗАРЕВА Светлана Ивановна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения (г. Владивосток).

СЕРГЕЕВ Олег Игоревич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения (г. Владивосток).

рые были созданы в Зарубежье всего за несколько десятилетий. Вполне естественно, что культурная история Русского Зарубежья своей неоспоримой значительностью заслоняла, отодвигала на второй план её политическую историю. Однако без учёта политических реалий невозможно полноценное изучение культуры Русского Зарубежья, особенно это относится к дальневосточной эмиграции, которая имела свои специфические особенности в общественно-политической сфере.

Национальная разнородность харбинской эмиграции переплеталась с её политической, культурной, имущественной и конфессиональной неоднородностью. В этой связи имела место различная политическая ориентация – от полнейшего отрицания советской власти и её государственного строя до легитимистских настроений и готовности сотрудничать с Советами во имя возрождения Отечества; наличие различных слоёв с точки зрения образованности, способности к восприятию и воспроизводству культуры; от обывателей, постепенно утрачивавших национальное самосознание на основе адаптации к инонациональной среде, до представителей культурной элиты, создавшей образцы интеллектуального труда, обладавшими как национальными, так и общечеловеческими ценностями. В среде харбинской эмиграции выделялись отдельные предприниматели, имевшие фирмы, магазины, гостиницы, но основная масса относилась к людям ниже скромного достатка. Конфессиональный состав был представлен различными группами верующих, но большинство составляли православные. Харбинская эмиграция не была однородной и по профессиональной принадлежности.

Беженцы, не имеющие ни средств, ни полноценного правового статуса, встали перед задачей организации новой инфраструктуры для жизни на чужбине. В начале 20-х годов ими было создано свыше 100 различных общественных политических и профессиональных организаций. Создание их шло разными путями. Одни союзы образовались от думских партий: социал-демократы (меньшевики), эсеры, кадеты. Возникновение других, таких как Российский общевоинский союз (РОВС) было связано с непосредственным ответом на революцию в России. Одни пылали ненавистью к коммунизму и вели активную борьбу против советской власти, как Дальневосточный корпус русских добровольцев. Другие, например, партия младороссов, пытались найти путь к разрешению судьбы России через слияние нескольких политических платформ (монархия и советы). В противовес образованному в СССР комсомолу был создан союз мушкетёров, действовала местная организация «Братство русской правды» и др.

Политические организации российской эмиграции в Китае можно разделить на две группы: местные и те, что были филиалами соответствующих партий и союзов, действовавших в странах Европы и Америки. Из последних следует назвать Дальневосточный отдел Русского общевоинского союза (РОВС) в Шанхае, возглавлявшийся ген. М.К. Дитерихсом и ген. Г.А. Вержбицким; Трудовую крестьянскую партию во главе с Грачевым (с центром в Праге, где лидерами были бывшие эсеры Маслов и А.А. Аргунов). Харбинская группа этой партии была чрезвычайно малочисленной, но её пражская газета «Крестьянская Россия» пользовалась в Китае большой популярностью и имела многочисленных подписчиков. Примером «примиренческих» организаций являлась партия «Младороссов» («Молодая Россия»), создателем и бессменным лидером которой в Париже был А.А. Казем-Бек, а харбинским отделением руководил Долматов. Совершенно непримиримую позицию в отношении большевизма занимало «Братство русской правды» (БРП) (с центром в Париже и Верховным советом во главе с ген. П.Н. Красновым). В Китае «Братством» руководили генералы П.Г. Бурлин и В.Д. Косьмин; БРП

вплоть до середины 30-х годов использовало на Дальнем Востоке методы партизанской борьбы против советской власти. [4, с. 73].

Среди местных политических партий и организаций можно выделить Лигу свободы и прав человека и гражданина, частично финансирующуюся Г.М. Семёновым; Семёновский дальневосточный союз казаков, возглавлявшийся ген. А.П. Бакшеевым; Дальневосточный корпус русских добровольцев – группу, ведущую активную вооружённую борьбу против советов на территории Приамурья и Приморья, во главе которой стоял ген. Н.П. Сахаров; крайне правый Монархический центр (кн. Кропоткин); Союз легитимистов (под председательством ген. В.А. Кислицына), Союз легитимистов не признавал руководства Парижского союза, выступал за возведение на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. Крупной и наиболее влиятельной религиозно-политической организацией было Иверское Свято-Богородицкое братство, активно проводившее антибольшевистскую пропаганду, а в Шанхае – русское Православное братство. [4, с. 73].

Основной стратегической задачей всех организаций было свержение коммунистического режима в СССР, а важнейшей составной частью её являлась агитационно-воспитательная работа с эмигрантами, направленная на формирование у них «великороссийского государственного мышления». Значительное место уделялось рассмотрению вопросов о путях и методах государственного устройства будущей новой России после свержения тоталитарного режима. В проводимых дискуссиях высказывались диаметрально противоположные точки зрения: от оптимистической – быстрой трансформации советской власти в нормальную демократическую систему, и до мрачной констатации прочности большевистского режима и вытекающей из этого невозможности политических перемен в России в ближайшем будущем.

У русских эмигрантов Китая и Европы планы решения политической задачи – возрождения «новой» России, её исторической миссии – имелись как созвучные мысли, так и существенные различия. Последние во многом определялись особенностями дальневосточной политической эмиграции. Во-первых, в Китае не было таких именитых руководителей политических партий, как в Европе. Лидеры монархистов, кадетов, меньшевиков, эсеров и других партий обосновались в городах Европы – Праге, Берлине, Париже и др. Во-вторых, партии, группы и организации здесь были малочисленнее, чем в Европе. Основные силы старых политических партий уехали в Европу в 1918-1920 гг., в то время как на Дальнем Востоке они стояли ещё у власти или входили в состав демократических правительств. И только в конце 1922 г. вынуждены были эмигрировать в Китай. В-третьих, политическим партиям и общественно-политическим организациям пришлось работать в условиях тоталитарного режима, который был во многом схож с режимом на родине. Всё это, несомненно, накладывало отпечаток на политическую жизнь российских эмигрантов в Китае.

Российская эмиграция видела себя активной политической силой, которой ещё предстояло решать судьбы России. Поэтому эмиграция ставила своей тактической целью – сохранить себя в условиях «беженства» как социально-экономическое, культурное и военно-политическое движение со своим видением новой России, которую предполагалось построить после свержения большевизма.

Однако активной политической деятельностью на чужбине занимались немногие: по разным источникам – 3-5 % всех эмигрантов. Именно эта часть, уходя в изгнание, ставила перед собой конкретные политические цели: бороться за политические перемены на родине, освободиться от коммунистического режима. Пути и средства достижения этих целей у разных течений политической эмиграции были различны: от белого

террора до мирного перерождения большевизма. Но тактика эмигрантских партий и организаций менялась с учётом изменений внутренней и международной обстановки в СССР.

Наиболее сильно здесь были представлены монархисты. Уже в 20-е годы в Харбине и других городах Северо-Восточного Китая появились монархические группы и организации. Среди них «Орден крестоносцев» (рук. генерал Березовский), «Легитимисты», «Народно-монархическая партия» (председатель – генерал В.Д. Космин), «Военно-монархический союз» и др.

Гибель многих прежних партий, дореволюционного мирозерцания привела к появлению течений и организаций, принявших рождение нового государства. Ещё в годы гражданской войны наиболее дальновидные представители интеллигенции предложили сменить тактику по отношению к советской власти.

Именно здесь профессором Русского юридического факультета г. Харбина Н.Я. Устряловым впервые была высказана мысль об отказе от вооружённой борьбы с советской властью и необходимостью идти на сотрудничество с ней с целью восстановления могущества Российского государства. Возникло целое течение в российской эмиграции – сменовеховство. В Харбине сменовеховцы выпускали газету «Новости жизни», журнал «Назад», альманах «Русская жизнь». Однако они не нашли понимания среди эмигрантов. Жизнь показала, что идеи сменовеховцев в ближайшей перспективе были утопичны, но они носили патриотический характер, отражали процесс осознания частью российской интеллигенции трагедии народа и поиск путей выхода из неё.

И здесь же, в Харбине, в 1931 г. сформировалась Русская фашистская партия (РФП). У истоков РФП стояли представители молодого поколения российской эмиграции во главе с К.В. Родзаевским, которые противопоставили себя старшим политикам, заявляя, что исправят допущенные теми ошибки и совершат в России «национальную революцию». Одну из предпосылок образования фашистской партии следует видеть в социальном положении эмигрантской молодёжи. В отличие от Западной Европы, где молодое поколение россиян успешно адаптировалось к новым условиям жизни, в Маньчжурии оно составляло основную часть безработных (25 % всего трудоспособного населения). Находившаяся в чуждой национальной, культурной, религиозной среде, политически бесправная, разочарованная в белом движении молодёжь потянулась к идеологии фашистов. Следует не забывать и тот факт, что именно антисоветизм эмигрантов дал повод говорить об идейном родстве с фашизмом, который с начала 20-х годов стал главным противником коммунизма в мировом масштабе. Пользуясь покровительством японских властей, РФП распространяло свои ячейки во многих районах Китая и в Японии, активизировала провокационную деятельность против СССР. Однако в целом в среде российских эмигрантов популярность РФП была невелика.

В противовес западной эмиграции, где в 30-х годах в основном заглохли идеи организации вооружённой интервенции против СССР, в Северо-Восточном Китае дольше, чем где-либо, жила иллюзия возможности её осуществления. Этому способствовала концентрация в Маньчжурии Квантунской армии, в планах которой отводилось определённое место русским эмигрантам, а также возможность непосредственного выхода на весьма протяжённую советско-китайскую границу. Монархически настроенные руководители эмиграции готовы были идти на расчленение России с помощью японской военной силы. Японские власти обещали им в будущем «буферном» государстве участие в правительстве.

В 1935 г. В.А. Кислицын основал «Дальневосточный союз военных», при котором были созданы: учебная команда для подготовки унтер-офицеров, военное училище для молодёжи, курсы старшего командного

состава. В 1939 г. в союзе насчитывалось около 11,5 тыс. чел., в т.ч. 126 сестёр милосердия, 4 военизированных отряда так называемых «потешных» (входили дети от 7 до 11 лет). Одновременно атаман Г.М. Семёнов пытался объединить казачество, проживавшее в Маньчжурской империи, в «Союз казаков на Дальнем Востоке», в состав которого входило более 20 тыс. чел. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 9).

Эмиграция лишила русских людей того, что их объединяло в одно целое – государство, но не уничтожила у них стремление к единству. В этой ситуации особое значение приобретала способность российской эмиграции к самоорганизации, к созданию действенной структуры для решения всего комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением. Такой структурой стал Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), созданный в 1923 г. (просуществовал до 1945 г.). Инициаторами в организации Комитета явились общественные деятели – члены национальных съездов, Земского Собора и др.

В первое правление ХКПРБ в 1923 г. вошли известные в то время представители общественности: Г.Н. Худаев, Н.В. Кожин, Д.В. Мурзаев, бывшие генералы Н.Г. Рачков, М.М. Плешков и др. Почётными членами были избраны: бывший генерал-губернатор Приморья Н.Д. Гондати, бывший управляющий КВЖД Д.Л. Хорват, митрополит Мефодий. Председателем Президиума Правления стал генерал И.Ф. Шильников. В первое время число членов ХКПРБ не превышало 60-70 чел. (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 115. Л. 9-11). Постепенно ХКПРБ разросся в крупную организацию и к 30-м годам в составе его правления были представители почти всех русских эмигрантских организаций в Маньчжурии.

Существенной частью работы ХКПРБ являлась общественная деятельность, наиболее активно проводимая в начале 30-х годов: Комитетом созывались совещания национальных общественных организаций для решения внутренних эмигрантских вопросов. Члены Комитета собирали и публиковали материалы, дискредитирующие деятельность III Интернационала и советской власти, выступали с протестами против признания СССР, пропаганды безбожия и уничтожения церкви и т.д.

В связи с возросшим советским влиянием в полосе отчуждения после признания СССР Китаем требовалась большая осторожность, также и в проведении общественно-политических мероприятий. Однако вся проводимая в то время ХКПРБ работа играла важную роль в объединении эмигрантских сил и улучшении общественной деятельности среди эмигрантов. Это дало свои результаты. В 1929 г. в состав ХКПРБ входило уже свыше 70 организаций. Пик деятельности Комитета приходится на 1929-1932 гг. В этот период его состав был наиболее многочисленным: 1930 г. – 290 чел., 1932 г. – 285 чел. Резко активизировалась его общественно-политическая и благотворительная деятельность. Комитетом была оказана большая помощь пострадавшим во время советско-китайского конфликта на КВЖД и наводнения 1932 г. Членами Комитета только в 1932 г. было роздано пострадавшим 7056 предметов одежды и 1556 пар обуви. В двух общежитиях – Модягу и Госпитальном городке – были предоставлены места 808 чел. Выдано 30893 хлебных пайка и столько же порций горячей пищи (ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 115. Л. 9-11).

В состав ХКПРБ вступили казачьи землячества – «Забайкальская станица», «Амурская станица», «Уссурийская станица» и т.д. Членами ХКПРБ стали Русское студенческое общество, ДальОРОВУЗ (Дальневосточное объединение русских, окончивших вузы), Союз русских девушек, Торгово-промышленный союз и др. Это способствовало росту числа членов ХКПРБ до 547 чел.

Во вновь избранное 29 апреля 1929 г. Правление вошли известные в то время общественные деятели: П.А. Алмазов, Ф.М. Власов, С.И. Долов и др. Председателем нового Правления ХКПРБ стал руководитель

торгово-промышленного союза (ТПС) В.И. Колокольников.

Несмотря на скромные возможности, ХКПРБ на протяжении всего периода своего существования оставался единственной устойчивой благотворительной организацией в Маньчжурии. Харбинский комитет оказывал эмигрантам бесплатную медицинскую помощь, проводил бесплатные обеды в своих столовых, выделял нуждающимся небольшие денежные ссуды. Членами комитета готовились и проводились вечера, концерты, лотереи, ежегодно – «День русской культуры», «День русского ребёнка». Собранные от проводимых мероприятий средства шли на оказание помощи эмигрантам, оплату обучения их детей в школах и гимназиях. В 30-е годы Комитет отпускал средства на открытие и содержание школ, харбинской библиотеки, насчитывающей в 1932 г. более 5200 книг. С 1932 г. отделения ХКПРБ были открыты в 5 пунктах по линии КВЖД. После 1933 г. деятельность ХКПРБ стала угасать в связи с недостатком материальных средств.

Кроме ХКПРБ, заботу об эмигрантах осуществляли мужские и женские монастыри, церковные приходские советы, Общество инвалидов, Дамские кружки при различных организациях, родительские комитеты при учебных заведениях. В начале 30-х годов в Харбине действовали не менее 13 благотворительных организаций. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 285. Л. 131).

Положение российских эмигрантов в Маньчжурии в конце 20-30-х годов осложнилось острыми противоречиями внешнеполитического характера между СССР и Японией, связанными с Китаем, который, в свою очередь, раздирался внутренней борьбой. В 1932 г. в результате агрессии Японии в отношении Маньчжурии здесь было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го.

Так было положено начало реализации японской геополитики, в основе которой был принцип Ван-Дао («Императорский путь»). Суть его заключалась в провозглашении Японии первым государством на земле, а японцев единственной здесь божественной нацией. Согласно этому принципу японцам было предопределено господствовать над всеми народами.

В осуществление своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти делали ставку на эмигрантское население страны, более всего страдавшего от произвола прежних китайских властей. Обещая эмигрантам обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали в их лице иметь союзника для реализации своих планов. Особый интерес для японских властей представляла российская колония. Учитывая антисоветские настроения эмиграции, оккупанты рассчитывали использовать её для борьбы с СССР. Подчёркивая, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на её территории, японцы выражали своё сочувствие и к русским эмигрантам, покинувшим родину из-за непримиримости к коммунизму. [2, с. 7].

Правителем Маньчжоу-Го был назначен представитель Цинской династии Пу-и, но реальная власть сосредоточилась в руках японских оккупационных властей. 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было провозглашено империей, а Пу-и императором. В связи с этим государство получило название Маньчжоу-Ди-Го.

К оккупации японцами Маньчжурии российские эмигранты относились по-разному. Часть из них увидела в происходящем начало больших событий, которые так долго ожидались ими. Ожидания эти были связаны с падением власти Чжан Сюэляна, разжигавшей шовинизм и не противодействующей, по их мнению, «советизации» Маньчжурии. Среди них были фашисты Родзаевского, атаман Семёнов и его единомышленники, а также агрессивно настроенные к СССР белоэмигранты, увидевшие в

Японии силу, способную противостоять коммунизму и большевистскому режиму в СССР, дающую возможность возвращения на родину.

Для идеологической обработки русских эмигрантов стала выходить ежедневная газета «Харбинское время». Как отмечала Л. Хаиндрова, сотрудничать в ней стали те из русских, кто отличался крайними, для большинства эмигрантов неприемлемыми взглядами, а также люди, заведомо непорядочные, давно махнувшие рукой на собственную репутацию. [7, с. 85].

Старшее поколение эмигрантов, знавшее японцев по гражданской войне, отнеслось к ним неприязненно. Так, не выразили восторгов Н.Л. Гондатти, генералы Дитерихс и Вержбицкий.

Если фашистская газета «Наш путь» проводила антикитайскую агитацию, обрушивалась на тех, кто не высказывал готовность служить новым властям, то большинство эмигрантской прессы реагировало на происшедшие события осторожно: не давая им политической оценки, ограничивалось лишь констатацией фактов, руководствуясь при этом принципом полного невмешательства в политическую жизнь чужой страны.

Социально-пёстрая и политически разрозненная эмигрантская масса не могла быть надёжной опорой новой власти. Однако в создавшейся обстановке многие русские эмигранты вынуждены были пойти на службу японцам и принять их так называемый «новый порядок».

Правительством и военными кругами Японии долго вынашивался план создания Великой Восточной Азии под её управлением, или, как называлось в официальных документах, «создание сферы взаимного процветания народов Восточной Азии». Поэтому основной задачей выдвигалось объединение и воспитание эмигрантов на новой идеологической основе, привлечение их к строительству «нового порядка» в Азии, а затем и в азиатской части России.

На русских эмигрантов оказывала давление и советская власть, зная враждебное их отношение к советскому режиму и боясь к тому же вторжения белых войск в Приморье, Забайкалье и Приамурье. Ответные меры эмигрантов лишь закрепляли их изоляцию от Родины, уменьшали и сводили на нет надежды на возвращение.

Вместе с тем, с середины 30-х годов под влиянием изменившейся военно-политической обстановки в Маньчжурии в общественно-политической жизни эмигрантов стали проявляться новые тенденции: возрождение русского патриотизма, отрицательное отношение к фашизму, с которым связывалась агрессивная, захватническая политика Японии. Шло политическое расслоение эмигрантов, основанное на отношении к советской власти, олицетворяющей собой Родину. Забота о жизненных, государственных интересах Родины постепенно побуждали многих из них оставить непримиримость к Советской России. Эти настроения не могли быть незамеченными японскими оккупационными властями в Маньчжурии.

Японское командование решило сразу поставить под контроль все эмигрантские организации, подавить патриотические настроения. Этому способствовало создание 25 июля 1932 г. «Кио-Ва-Кай» (Общества согласия), целью которого считалось воспитание в людях верности Маньчжоу-Го и борьба с национальной разобщённостью. По замыслу японской власти Кио-Ва-Кай должна была вести идеологическую обработку населения в прояпонском духе и создать «систему последовательной японизации всех сторон жизни, быта, культуры и образования на оккупационной территории». (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 285. Л. 288).

Работа с населением велась через сеть органов Кио-Ва-Кай, подчинённых Центральному штабу. Кио-Ва-Кай пыталась распространить свою деятельность на все категории населения. Постепенно Кио-Ва-Кай

вобрало в себя все политические, общественные и культурные организации Маньчжурии и подчинило их себе, установив тотальный контроль за русским населением через японских «советников» с неограниченными возможностями. Фактически «Общество согласия» было инструментом пропаганды идеологии «нового порядка» в Восточной Азии, опорой государства.

После заключения антикоминтерновского пакта пресса Маньчжоу-Ди-Го опубликовала Декларацию Кио-Ва-Кай о борьбе с коммунизмом, в которой Коминтерн и компартия объявлялись заклятым врагом мировой справедливости. Звучал призыв к уничтожению коммунистов. [8, с. 11-13]. В документах Кио-Ва-Кай говорилось, что сокрушить Коминтерн и остановить распространение коммунистических идей в Восточную Азию, а затем во всём мире можно, лишь уничтожив большевистский режим в СССР, являющийся оплотом коммунистических сил всего мира. Именно с этим связывались «особые задачи», стоящие перед российской эмиграцией.

Важную роль в выполнении этих задач играли дружины Кио-Ва-Кай, созданные в 1938 г. Они стали опорными пунктами японского правительства на местах. Членами дружин в 1940 г. стали 4 тыс. чел., в том числе 2 тыс. женщин. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 7. Л. 21, 84). При Кио-Ва-Кай были созданы детские и юношеские организации – Сионэндан (Союз мальчиков – 10-15 лет), Сейнэндан (Союз юношей – 16-25 лет), подчинявшиеся местным штабам Кио-Ва-Кай при народных и повышенных народных школах. К концу 30-х годов появились школьные организации Сионэндай, которые проводили большую воспитательную работу среди молодёжи в духе «нового порядка».

Перед японскими властями стояла задача объединения российских эмигрантов в единое целое под эгидой сильной политической организации, Они делали ставку то на Союз монархистов-легитимистов, то на РФП, то на Союз казаков на Дальнем Востоке.

В марте 1934 г. открылся русский отдел «Дайнихон сейгидан» (Великояпонский союз справедливости) под названием «Русское национальное объединение борьбы за правду» (РНОБП). (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 9, 10, 12). Однако уже в середине 1934 г. РНОБП перестал существовать из-за разногласий как среди руководителей белоэмигрантов, так и среди японских органов, шефствовавших над РНОБП.

В сентябре 1934 г. в прессе появилось сообщение о проекте создания «Русского гражданского общества», которое, по замыслу его инициаторов, могло стать авторитетным представительным органом, играть роль эмигрантского консульства [5].

Идею создания такого общества поддержала одна из самых авторитетных и влиятельных организаций Харбина – ХКРПБ, но объединения не произошло. Причины были одни: претензии отдельных партий на ведущую роль внутри диаспоры, неспособность преодолеть идеологические распри; отсутствие лидера или партии, пользующихся авторитетом и способных сплотить всех эмигрантов.

В конце концов японцы решили вопрос в административном порядке. 28 декабря 1934 г. был создан специальный орган – Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) (в 1940 г. переименован в Главное Бюро по делам российских эмигрантов), наделённый в отношении русских эмигрантов известными административными функциями. Он был связующим звеном между эмигрантскими массами и правительственными и административными инстанциями японцев, через который они осуществляли контроль за русским населением. Истинным мотивом к организации БРЭМа явилось стремление направить жизнь русской диаспоры в удобное для японской политики русло. Стоявшие во главе БРЭМа начальники (А.П. Бакшеев, В.А. Кислицын, Л.Ф. Власьевский и др.) играли

чисто декоративную роль, фактическими руководителями были японцы. Однако БРЭМ как общеэмигрантский центр, созданный японскими властями и зависимый от них, стал, тем не менее, своеобразным эмигрантским правительством, сыгравшим значительную роль в судьбе российской диаспоры в Китае, аналогов которому в русском зарубежье не было.

Финансовые средства на содержание Бюро выделялись японскими властями как благотворительный акт, вызванный якобы симпатией и сочувствием к российским эмигрантам, оказавшимся на чужбине в труднейших условиях существования.

БРЭМ обязан был обеспечить единство эмигрантов и подготовить их к борьбе с Коминтерном за возрождение России, возможное при установлении японского «нового порядка» в Восточной Азии. Он осуществлял политический надзор за эмигрантами, вёл учёт населения, регистрировал передвижение эмигрантов по стране. Весомую роль в БРЭМе играли фашисты: В.К. Родзиевский руководил культурно-просветительным отделом, который должен был способствовать внедрению японской идеологии в сознание эмигрантов; Н.А. Матковский являлся начальником административного отдела, занимавшегося организацией агентурной сети для разведывательной и контрразведывательной деятельности.

На конец 1935 г. при БРЭМе было зарегистрировано 23 500 чел., из них 12 273 чел. мужчин и 11 227 чел. женщин. На станциях Пограничная – 1 366 чел. (783 мужчины и 583 женщины), Ханьдаохэцзы – 1 266 чел. (729 мужчин и 537 женщин), Цицикар – 353 чел. (186 мужчин и 167 женщин). (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 30. Л. 30, 42, 43).

Эмигрантское население могло работать только в тех организациях, которые были зарегистрированы в БРЭМе. На начало 1935 г. на учёте в Бюро состояли 128 организаций по следующим категориям: политических – 2, общественных – 37, научных и профессиональных – 26, бывших военных – 18, организаций молодёжи – 19, благотворительных – 15, церковных приходов и духовных общин – 11. На 15 декабря 1935 г. в Бюро насчитывалось уже 163 организации.

К осени 1936 г. отделения Бюро работали в Дайрене, Синьцзине, ст. Маньчжурии, Трехречье, Хайларе, Бухэду, Цицикаре и других местах. В общей сложности в 23 пунктах существовали представительства Харбинского Бюро или его отделения. К концу 1935 г. в Харбинском Бюро насчитывалось 140 служащих, в марте 1936 г. – 215 чел., в 1944 г. – 250 чел., в марте 1945 г. – 360 чел. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 211-212).

Одной из острейших проблем эмигрантов являлась безработица, следствием которой были крайне низкий уровень жизни россиян и высокая смертность. Наиболее высок удельный вес эмигрантов был в полосе отчуждения, где основная масса населения была занята на обслуживании дороги.

С целью решения вопросов трудоустройства и жизнеобеспечения русских железнодорожников в 1935 г. в структуре БРЭМа был создан железнодорожный отдел (рук. М.А. Матковский). На учёт были взяты все железнодорожники, как эмигранты, так и поданные Маньчжоу-Ди-Го. Через Бюро труда была проведена регистрация по специальностям, а в марте 1935 г. через железнодорожный отдел БРЭМ на службу по линии Государственных железных дорог было устроена 1016 русских эмигрантов. К концу года на учёте отдела уже стояло 1910 русских служащих Государственных железных дорог. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 100).

В декабре 1935 г. железнодорожный отдел был преобразован в 6-ой отдел с двумя подотделами: железнодорожный и трудовой. Последний взял на учёт безработных всех остальных специальностей, а также лиц некавалифицированного труда. К концу декабря 1935 г. было зарегистрировано 6750 безработных. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 108). Наиболее

тяжёлой задачей было трудоустройство женщин: из 6750 чел., числившихся в списках отдела, 2300 чел. шли по категории «женский труд».

Для решения задачи по ликвидации безработицы создавались трудовые артели, изыскивались подряды на работу, организовывались крестьянские, пчеловодческие и садоводческие хозяйства. Были созданы кассы взаимопомощи и службы страхования и охраны труда малолетних. Путём отчисления 1 % от заработной платы лиц, получивших работу при помощи БРЭМа, а также путём благотворительности был создан фонд безработных, давший возможность не умереть с голоду сотням эмигрантов.

Отчасти проблема безработицы решалась путём переселения в малообжитые сельскохозяйственные районы, например, в Тоогенский район. Переселенческая политика была частью движения за «служение сельского хозяйства делу становления нового порядка в Восточной Азии», организованного Управлением развития земледелия при активном участии Кио-Ва-Кай. Многие эмигранты переезжали в Тоогенский район лишь потому, что переселенцев призывного возраста временно освобождали от воинской повинности.

Большую помощь в трудоустройстве оказывали благотворительные учреждения: ХКПРБ, Епархальный приют им. митрополита Мефодия, Серафимовская народная столовая, Дом милосердия, Ольгинский приют и др.

Идеологическую работу проводил культурно-воспитательный отдел БРЭМ. Вместе с японскими организациями Кио-Ва-Кай он занимался идеологической обработкой эмигрантов в духе антисоветизма, антикоммунизма и преданности Японии в ответ за те «сочувствие» и «заботу», которую японские власти проявляли в отношении россиян, проживающих в Маньчжоу-Ди-Го. Для формирования у населения чувства «благодарности» к Стране восходящего солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая разработала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах, при учебных и общественных заведениях эмигрантов была создана сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура, язык Японии, разъяснялась современная политическая ситуация. Если в начале 30-х годов эмигрантам рекомендовалось изучение японского языка для лучшего взаимопонимания двух «дружественных народов» (японского и русского), то в начале 40-х оно стало обязательным. Необходимым стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-Ди-Го.

После подписания Японией с гитлеровской Германией и фашистской Италией 25 ноября 1936 г. «Антикоминтерновского пакта», а также после известных событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол в 1938-1939 гг. среди эмигрантов были созданы антикоммунистические комитеты, поставившие своей целью борьбу с антигосударственными и другими «вредными» течениями. Центральный антикоммунистический комитет имел свой орден «Возрождение Азии». Он предназначался для награждения русских эмигрантов, активных борцов на антикоммунистическом поприще.

С целью активизации антисоветской работы среди эмигрантов Комитет разрешил проведение всевозможных политических акций – собраний, митингов, в которых участие эмигрантов стало обязательным. В календаре появился новый праздник – День антикоминтерна, отмечавшийся 1 июня как акция протеста против «злодеяний» Коминтерна. Проведением мероприятий руководил специально созданный для этой цели штаб. Как правило, в программу дня входила панихида по жертвам коммунистического террора, антикоммунистическая демонстрация, общеэмигрантское собрание. 1 июня 1940 г. прошёл очередной такой день,

на котором с докладом «Новая тактика мировой тьмы и наши задачи» выступил лидер фашистской партии В.К. Родзаевский. (ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 255. Л. 146). В этом празднике приняло участие значительное число эмигрантских организаций, враждебно настроенных к советскому строю.

С целью антикоммунистического воспитания эмигрантов проводились и «Дни непримиримости». Они выпадали на 7 ноября каждого года. Церемония начиналась со служения панихиды по царской семье, воинам белых армий, погибших после взятия большевиками власти в 1917 г. Затем проводился митинг, на котором с призывами к борьбе с большевиками выступали лидеры фашистских организаций, прояпонских группировок, Очень часто антибольшевистские настроения подогревались ностальгическим национализмом.

С началом войны на Тихом океане Главное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало книгу «Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов», в которой содержалось политическое заявление, что с подчинением Азии Японии «...будет освобождена Россия». Поэтому главная задача русской эмиграции – содействие японскому командованию в утверждении нового порядка. [1, с. 8].

26-27 декабря 1944 г. в Харбине был созван эмигрантский съезд, на котором японские власти заявили, что в связи с войной «вся личная и общественная жизнь эмигрантов должна быть подчинена борьбе за победу Японии. В случае поражения Квантунской армии наступит смерть эмиграции». [3, с. 129]. Начальник Главного бюро Матковский издал инструкцию, в которой были конкретизированы обязанности эмигрантов в чрезвычайных условиях. Российские эмигранты должны были активно участвовать в создании Великой Азии. От них ждали жертвенности, самоограничения, содействия властям.

Со второй половины 1941 г. во многих районных отделениях БРЭМ стали создаваться военизированные отряды эмигрантов. А.П. Бакшеев (руководитель Захинганского районного бюро) докладывал, что провёл военизацию всех российских эмигрантов от 17 до 55 лет, организовал военную подготовку и сформировал сводный Хайларский полк. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 152).

К концу 1943 г. на территории Маньчжурии существовало три воинских отряда: на ст. Сунгари-2, на ст. Ханьдаохэцзы и в районе Хайлара. Официально эти формирования назывались «российскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Ди-Го» и комплектовались из молодых эмигрантов, имели русский командный состав, соблюдали устав русской армии. Бойцам русских воинских отрядов и их семьям оказывалась материальная поддержка, как финансовая, так и продуктовая. Отъезжающим на службу Бюро устраивало прощальную «чашку чая», где произносились напутственные речи, служили молебны.

Особым рвением к службе в воинских отрядах русская молодёжь не отличалась. Но следует учитывать фактор материальной заинтересованности, заставлявший русских юношей идти на службу, чтобы поддержать свою семью в условиях голодного военного времени.

Ко времени нападения фашистов на СССР численность наших соотечественников во многих странах уменьшилась. Многие представители старшего поколения умерли. Примерно, 10 % уехавших за прошедшие два десятилетия (1917-1939 гг.) вернулись на родину. Кто-то принял новое гражданство, перестав быть эмигрантом. К 1943 г. количество русских эмигрантов в Маньчжурии сократилось до 70 тыс., из них 40 тыс. чел. проживали в Харбине и его окрестностях, а 30 тыс. чел. – в других городах Маньчжурии и в полосе КВЖД. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 16). Из этого числа только незначительное количество эмигрантов было вовлечено в военную деятельность, большинство же занималось поисками

ми средств к жизни.

Нападение Германии на Советский Союз вызвало разнообразную реакцию среди эмигрантов. Просоветские элементы призывали к сплочению рядов под знаменем Сталина. Некоторым пришлось разрываться между ненавистью к Советам и своим патриотизмом, из-за которого они не могли не сочувствовать своей Родине. Но были и такие, кто видел в Гитлере своего освободителя.

Эмигрантам, проявившим свои патриотические настроения, Указами Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г. и 20 января 1946 г. было предоставлено право получить советское гражданство. Сотни россиян в Китае обратились с просьбой о предоставлении им советского гражданства в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае. Вернувшись в СССР, не один год отбыли они в сталинских тюрьмах и лагерях, но после освобождения остались жить на Родине [6].

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху в истории российской эмиграции. На родину возвратились далеко не все, и даже не большая часть эмигрантов нынешнего столетия. Те, кто не вернулся «к большевикам» и остался, составили так называемую «старую эмиграцию».

Вместе с тем возникла и «новая эмиграция», которую, в основном, составляли «перемещённые лица». Но это уже новая страница в истории российского зарубежья.

Литература

1. Война за Великую Азию и задачи российских эмигрантов. Харбин, 1942. 35 с.
2. Заря. Харбин. 1932. № 43.
3. Курата Юка. Российская эмиграция в Японии между двумя мировыми войнами: динамика, численность, состав // ACTA SLAVICA JAPONICA. TOMUS XIV. 1996. С. 125 – 134.
4. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М., 1997. 245 с.
5. Рупор. Харбин. 1934. 19 сентября
6. Тарданов Г. Путь к правде // Голос Родины. Харбин, 1963. 65(766). Ноябрь.
7. Хаиндрова Л. Отчий дом // Сборник «Харбин. Ветка русского дерева». Новосибирск, 1991. 224 с.
8. Что такое Кио-Ва-Кай. Харбин, 1931. 25 с.

УДК 34.07

Золотухин И.Н.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии

Chinese Diaspora in the South-East Asia

Данная статья посвящена китайской диаспоре в странах Юго-Восточной Азии, ее положению, деятельности и влиянию на внутрирегиональные процессы. Китайская диаспора рассматривается как возможный инструмент доминирования КНР в Юго-восточной Азии и проводник интересов Китая в регионе.

Ключевые слова: *китайская диаспора, хуацяо, китайская общность, Юго-восточная Азия*

The article is devoted to the Chinese Diaspora in the Southeast Asia, its location, activity and influence on the interregional processes. The Chinese Diaspora is considered to be a potential mechanism of Chinese domination in the Southeast Asia and a conductor of the interests of China in the region.

Key words: *Chinese Diaspora, huaqiao, the Chinese community, the South-East Asia*

Китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии играет важную роль в распространении китайского культурного, политического и экономического влияния в регионе. Хуацяо сохраняют свою самобытность и свое культурное наследие и являются одним из ключевых факторов влияния Китая – державы, претендующей на лидерство в АТР. Численность китайского населения, проживающего за пределами Китая, составляет 40 миллионов человек, в том числе в странах Юго-Восточной Азии она превышает 30 миллионов (См. Таблица 1).

Влияние китайской общины в мире велико, но именно в Юго-Восточной Азии она проявляет себя наиболее активно. Пекин стремится укрепить связи с хуацяо. Именно «зарубежные китайцы» в период с 1980 по 1990 годы оказали существенную помощь экономическим реформам в КНР. До 1979 года именно китайская диаспора играла важную роль в отношениях Китая со странами Юго-Восточной Азии, хотя эми-

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** zolivnik@mail.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

Таблица 1
Численность китайского населения,
проживающего за пределами Китая
(в млн. человек)

Страны	Численность населения в 2008 году	Численность населения в 2025 году	Численность китайского населения
Бруней	0,38	0,5	0,043 (2006 г.)
Вьетнам	86,1	105,5	1,26 (2005 г.)
Индонезия	237,5	272,9	7,57 (2005 г.)
Камбоджа	14,24	22,3	0,344 (2005 г.)
Лаос	6,7	8,7	0,186 (2005 г.)
Малайзия	25,27	31,3	7,1 (2008 г.)
Мьянма	47,8	60,2	1,14 (2008 г.)
Сингапур	4,6	8	2,7 (2009 г.)
Таиланд	65,5	77,5	9,2 (2009 г.)
Филиппины	96	107,1	1,15 (2005 г.)

Источник: 1. Population Reference Bureau (2002); population 2025, dependency: UN World Population Prospects 2000 revision (medium estimates); Statistical Yearbook of the Republic of China, 2001.

2. The Ranking of Ethnic Chinese Population// Overseas Compatriot Affairs Commission. URL: <http://www.ocac.gov.tw/english/public/public.asp?selno=1163&no=1163&level=B> [Дата обращения: – 12.03.2011 г.]

3. CIA. The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> [Дата обращения: – 22.03.2011 г.]

грация из КНР ограничивалась политическими методами [18].

Правительство КНР стремилось использовать китайцев, проживающих за рубежом в целях укрепления внешнеполитических позиций государства, продолжая считать их своими гражданами. Однако в странах Юго-Восточной Азии проблема гражданства китайцев носила острый характер, особенно в период «культурной революции» в Китае, когда китайское руководство объявило всех китайцев, проживающих за рубежом составной частью населения КНР, что привело как к прокитайским выступлениям, так и к осуществлению в государствах Юго-Восточной Азии специальных мер по ограничению экономической и иной деятельности китайского населения [1, с. 29]. Энтони Рейд отмечает, что в Таиланде, Малайзии, на Филиппинах националистические действия стали реакцией на национализм китайский диаспоры [17, р. 51].

С конца 1960-х годов руководство КНР демонстрирует способность оперативно реагировать на ситуацию, в частности выражая готовность пойти на ликвидацию статуса «двойного гражданства». В свою очередь, китайскую общину, проживающую за рубежом, призывали соблюдать местные законы и обычаи. Первый премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю вспоминает, что начиная с 1969 года КНР стала требовать, чтобы посещавшие страну китайцы обращались за визами, тогда как до того их въезд в Китай был свободным. Правительство КНР поняло, что, если Китай хотел установления нормальных дипломатических отношений со странами Юго-Восточной Азии, в которых проживали китайцы, то ему было необходимо отказаться от принципа «закона крови» (*jus sanguinis*),

согласно которому любой человек, имевший отца-китайца, автоматически становился китайским гражданином [3, с. 583].

Для того чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений китайские власти распустили Канцелярию Госсовета КНР по делам китайцев, проживающих за рубежом (по словам Чжоу Эньлая, чтобы «отбить у них [зарубежных китайцев] охоту поразмышлять о возвращении в Китай» [3, с. 583], хотя уже через 3 года Канцелярия была восстановлена), а Конституция КНР 1975 года уже не предусматривала право заграничных китайцев иметь своих депутатов во Всекитайском Совете Народных Представителей (ВСНП), что раньше вызывало негативную реакцию правительств государств, где проживали хуацяо [1, с. 29]. В 1980 году в КНР был принят Закон о гражданстве, сочетавший «принцип крови» и «принцип почвы» и не признававший «двойного гражданства» [16]. Устранение проблемы «двойного гражданства» существенно снижало напряженность в отношениях между странами Юго-Восточной Азии и КНР, а также между хуацяо и местным населением.

На рубеже 1970-80-х годов (с началом проведения курса «четырёх модернизаций»), когда КНР начинает сближение с Западом, происходит постепенное налаживание экономического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и, прежде всего, с китайской диаспорой, в помощи которой правительство КНР было заинтересовано. С 1979 года Китай приступил к гибкой политике активного привлечения инвестиций хуацяо на материк. Ставка на экономически мощную китайскую диаспору, на укрепление контактов с зарубежными партнерами из числа хуацяо позволяет расширять сотрудничество КНР с другими странами в различных областях – экономической, культурной, научно-технической, военно-стратегической.

А. Борисова выделяет четыре причины, по которым китайцы, проживающие за рубежом, активно вкладывают капитал в экономику КНР: рост экономики Китая, особенно в южных районах, откуда родом предки многих хуацяо; огромный потребительский рынок КНР; знание зарубежными китайцами языка, местных условий, психологии своих партнеров на континенте, наличие родственных связей; стабильность политической и социальной обстановки в КНР, улучшение условий для капиталовложений, совершенствование их правового обеспечения, упрощение процедуры регистрации предприятий с участием зарубежного капитала [1, с. 32].

В своей работе «Малайская дилемма» бывший премьер-министр Малайзии Махатхир Мохамад отмечал, что: «...китайцы – не только люди с миндалевидными глазами, но также и хорошие бизнесмены» [14, с. 84]. Действительно бизнесмены-хуацяо весьма успешны и наиболее активно они проявляют себя в экономике стран Юго-Восточной Азии. В начале XXI века их суммарное состояние составляло 1,5 триллиона долларов США. В конце 1990-х годов в Индонезии 7 миллионов хуацяо (примерно 3,5 процента населения) контролировали 80 процентов из 300 крупнейших компаний и 70 процентов деятельности в частном секторе экономики. Из 15 крупнейших компаний, общей стоимостью 92 миллиарда долларов, 14 контролировались хуацяо. Из 15 самых богатых семей страны 12 были китайскими. На Филиппинах китайская община контролировала 60 процентов частного сектора экономики, составляя 1 процент населения.

В целом этнические китайцы контролируют 70 процентов накопленного богатства в Юго-Восточной Азии, составляя в этом регионе шесть процентов общего населения. Например, китайский магнат из Малайзии Роберт Куок (состояние которого оценивалось в 5 миллиардов долларов США) построил отель Шангри-Ла, филиппинский миллиардер

китайского происхождения Лусио Тан создал компании по производству пива и выпечки, а Таксин Синаватра (Чиннават), 30-й премьер-министр Таиланда создал целую телекоммуникационную империю [12, pp. 270-276].

Пекин дает хуацяо преимущество в отношении прочих иностранных инвесторов, и китайское правительство создало более 50 индустриальных зон специально для китайцев, вернувшихся из-за рубежа. Администрация провинции Фуцзянь предоставляет хуацяо землю, индустриальные парки и налоговые льготы, и, как результат, за период с 1990 по 2002 годы одна только эта провинция получила около 30 миллиардов долларов США инвестиций. За этот же период 5 стран – Таиланд, Малайзия, Сингапур, Индонезия и Филиппины инвестировали в Китай 90 миллиардов долларов США, из которых львиная доля принадлежит китайской диаспоре [10, p. 255].

За последние 10-15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики. Пекин строит отношения с китайскими организациями (от культурных ассоциаций до богатейших деловых групп) по всему миру и прямо призывает хуацяо расширять связи между Китаем и развивающимися странами.

На рубеже XX – XXI вв., когда КНР начинает отходить от принципа «сокрытия возможностей» в регионе возникли опасения, что Китай будет использовать диаспору в качестве инструмента для достижения своих целей [9]. По мнению А. Ларина, в настоящее время китайская диаспора вряд ли может превратиться в проводника интересов Пекина по ряду причин, поскольку, несмотря на экономическую мощь, китайцы в странах Юго-Восточной Азии по-прежнему остаются чужеродным национальным меньшинством, не вполне полноценной частью общества. Их богатство не облегчает им интеграцию в местные сообщества, не спасает от дискриминации и не гарантирует безопасность [2, с. 26].

В то же время, стоит отметить, что положение китайской диаспоры в разных странах региона отличается. Если в Индонезии азиатский кризис 1997-1998 гг. привел к выступлениям и волнам насилия, направленным против китайского населения страны, став формой выражения социального протеста бедных индонезийцев против зажиточных китайцев, занимающихся преимущественно торговлей и ростовщичеством, то в Таиланде тогдашний премьер-министр Чавалит Йонгчаюд был вынужден принести извинения за то, что назвал китайских бизнесменов «национальной проблемой». В Малайзии китайская община по Конституции, не обладает правами коренных жителей (бумипутра), хотя, по мнению исследователя Хван Ин Вона, китайцы в Малайзии, «получали то, о чем остальные хуацяо в Юго-Восточной Азии могли бы только мечтать – равное гражданство, участие в политической и управленческой деятельности, широкие экономические возможности, и терпимость к языку, религии, и культурным институтам» [11, p. 67]. Его позиция контрастирует с мнением Хью Льюиса, который считает, что в отношении к китайской общности со стороны малайцев была предпринята дискриминация в силу высокого имущественного положения китайцев относительно малайцев [13]. В данном случае следует констатировать, что у экспертов нет общего мнения по вопросу правовой защищенности хуацяо.

Местные сообщества стран Юго-Восточной Азии крайне неохотно принимают представителей китайской диаспоры в качестве участников властных структур, и деятельность этнических китайцев, как правило, ограничивается сферой бизнеса [2, с. 26]. Население Таиланда (в особенности мусульмане) высказывают недовольство тем, что граждане тайско-китайского происхождения контролируют экономику и бизнес.

Но, во-первых, китайская община Таиланда включает в себя не только бизнесменов, но и журналистов, чиновников, профессоров [8, p. 11]. А во-вторых, тайские власти понимают, что у их страны нет иного выбора, как «встретить Китай с распростертыми объятьями». Для Таиланда КНР стал ключевым торговым партнером. В 2010 году внешнеторговый оборот двух стран достиг 40 миллиардов долларов, и правительство Таиланда прогнозирует удвоение объемов экспорта в Китай в течение трех ближайших лет [15]. В самом Таиланде 76% опрошенных отнесли Китай к дружественному государству [5, с. 32].

Говоря о степени сплоченности хуацяо в той или иной стране, А. Ларин отмечает, что представления о китайской диаспоре как о едином организме на поверку оказываются мифом: китайцы за рубежом чаще всего дистанцируются от политики, стремятся избегать всего, что могло бы дать повод упрекнуть ее в прокитайских симпатиях, а в таких условиях превращение диаспоры в проводника интересов КНР представляется невозможным [2, с. 26]. Однако обладая экономическим потенциалом, те же бизнесмены-хуацяо имеют рычаги влияния на политическую сферу страны проживания. Именно поэтому Пекин стремится воздействовать на ведущих китайских магнатов стран Юго-Восточной Азии, которые бы могли публично выступать в поддержку КНР в противовес Тайваню.

Также следует учитывать высокую степень приспособления китайской диаспоры к разным условиям и ее способность адекватно реагировать как на внутри- так и на внешнеполитические вызовы. Сама китайская диаспора стремится отстаивать свои политические позиции и благодаря многочисленности и финансовой мощи способна оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в странах Юго-Восточной Азии. Например, после инцидента у острова Хайнань в апреле 2001 года, во время которого один из китайских истребителей-перехватчиков потерпел катастрофу, в Бангкоке прошла антиамериканская демонстрация [12, pp. 270-276]. Китайская диаспора и связанные с ней политические партии и общественные организации, крайне влиятельные в большинстве стран АСЕАН, могут легко дестабилизировать политическую обстановку в стране, а возобновление противоречий с Китаем в зоне островов и шельфа Южно-Китайского моря может еще более ослабить существующие в государствах Юго-восточной Азии политические режимы [6, с. 11]. Уильям Каллахан отмечает, что на китайскую диаспору влияют разные факторы, и сама она гибко реагирует на особенности социально-культурного окружения [8, p. 25].

В странах Юго-Восточной Азии гигантского северного соседа рассматривают не только как источник огромных экономических возможностей, но и с точки зрения потенциальной стратегической угрозы. Население стран Юго-Восточной Азии воспринимает китайское меньшинство неоднозначно – по достоинству оценивая большой вклад китайской общины в социально-экономическое развитие стран региона, в то же время опасается «китайской угрозы».

В числе прочих факторов, способствующих формированию представлений о «китайской угрозе» выступает увеличение числа китайской диаспоры в регионе. Китайцы являются второй по численности этнической общностью Малайзии, в прошлом году количество мигрантов из Китая на Филиппины удвоилось по сравнению с 2009 годом [7], растет китайское население в Таиланде. Актуальной остается проблема преступности и правоспособности зарубежных китайцев. Согласно утверждениям филиппинской полиции, 70% наркопреступлений в этой стране связаны с китайцами [6, с. 40].

Наконец не стоит забывать, что этнические китайцы в Индонезии и Таиланде подвергались официальной (временами довольно жесткой)

политике ассимиляции, и, как результат, многие из них (особенно проживающие на острове Ява) не говорят на китайском языке. Хуацяо стали менее охотно интегрироваться в культурный мир стран региона, хотя еще не так давно они подчеркивали свое стремление стать членами тайского, кхмерского, индонезийского сообществ: женились на местных женщинах, учили местные языки, брали местные фамилии. Новые китайские иммигранты не стремятся к интеграции в местные социумы, часто не учат местные языки, живут в достаточно замкнутых национальных сообществах. Более того, на фоне успехов Китая в экономике и укреплении его политических позиций в регионе растет китайский национализм и уверенность в том, китайский юань станет валютой стран региона, а китайский язык – общепринятым средством коммуникации в рамках формирующегося общего рынка стран Юго-Восточной Азии и КНР. Если учесть, что китайцев в Юго-Восточной Азии более 30 миллионов человек, и они доминируют в экономике стран региона, то очевидно, что существует проблема интеграции китайцев в сообщество Юго-Восточной Азии, и хуацяо (при содействии руководства КНР) скорее приложат все силы на ускорение интеграции КНР и стран АСЕАН, чем на внутрорегиональное сближение.

Как отмечает профессор Мосяков, Китай всеми силами стремится показать, что он: а) азиатская страна, которая на равных разговаривает со своими азиатскими партнерами; б) лучше, чем Запад, понимает проблемы стран ЮВА и готов во многом бескорыстно прийти им на помощь в случае возникновения непредвиденных проблем; в) и культурно, и ментально Китай и страны ЮВА представляют собой общий мир азиатских ценностей, противостоящих Европе, США и в целом Западу [5, с. 33]. В 2008 году объем торговли КНР со странами АСЕАН достиг 231 миллиарда долларов, выйдя на 3 место после США и Японии. Оказание финансовой помощи, предоставление субсидий и беспроцентных кредитов является важным элементом «мягкой силы» КНР, направленной на изменение представлений о Китае в странах Юго-Восточной Азии. Важно отметить, что Китай добился успехов в государствах с авторитарными режимами, такими как Камбоджа, Лаос, Мьянма и Вьетнам.

Безусловно, китайская диаспора может оказаться весьма эффективным инструментом не только в утверждении в регионе образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения, но и в развитии усилий по дальнейшему упрочению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Среднего государства в Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Борисова, А. «Зарубежные китайцы»// Азия и Африка сегодня. 2002. №5. Рр. 28-33.
2. Ларин, А. Китай и китайская диаспора// Азия и Африка сегодня. 2007. №10. С. 22-28.
3. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» – в «первый» (1965-2000). Перевод с кит. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2010. 657 с.
4. Мосяков, Д. Новые тенденции в политике Китая в Юго-Восточной Азии// Азия и Африка сегодня. 2006. №1. С. 9-11.

5. Мосяков, Д. США – Китай: обострение противоречий в Юго-Восточной Азии// *Азия и Африка сегодня*. 2007. № 7. С. 30-33.
6. Чжай Кунь. Политика. 1991-2020: Подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН – исторический обзор и стратегия на будущее// *Проблемы Дальнего Востока*. 2005. N5. С. 32-43.
7. BI says number of Chinese immigrants in PHL doubled in 2010// *Manila Bulletin*. January 7, 2011.
8. Callahan, W. *Diaspora, Cosmopolitanism, and Nationalism: Overseas Chinese and Neo-Nationalism in China and Thailand*. City University of Hong Kong. Southeast Asian Research Center Working Paper, October. 2002. N 35. 34 p.
9. *Enter the Dragon: Building the Chinese Powerhouse*. Электронный ресурс. URL: <http://www.academic.brooklyn.cuny.edu/core9/phalsall/chinpress.html> [Дата обращения: – 26.02.2011]
10. Ho, K. L., Ku S. C. Y. *China and Southeast Asia: Global Changes and Regional Challenges*. Singapore: Institute of Southeast Asia Studies, 2005. 356 p.
11. Hwang, In-Won. *Personalized Politics: The Malaysian State under Mahathir*. Institute of Southeast Asian Studies. Singapore, 2003. 400 p.
12. Kurlantzick, J. *Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World Current History*. Yale University, 2007. 308 p.
13. Lewis, H. M. *Malaysian Ethnoculture and the Chinese-Malay Dilemma*. Электронный ресурс. URL: <http://www.lewisicropublishing.com/Publications/Hokkien/Hokkien5.htm> [Дата обращения: – 10.02.2011].
14. Mahathir, Bin Mohamad. *The Malay Dilemma*. 1st Edition, Singapore, 1970 (Reprinted 2008 with New Preface). 236 p.
15. Montlake, S. *Southeast Asia embraces China trade but how is the relationship? It's complicated*// *The Christian Science Monitor*. February 8, 2011. Электронный ресурс. URL: <http://www.csmonitor.com> [Дата обращения: – 27.02.2011]
16. *Nationality Law of the People's Republic of China*. Электронный ресурс. URL: <http://www.china.org.cn/english/LivinginChina/184710.htm> [Дата обращения: – 17.03.2011]
17. Rallu, Jean Louis. *International Migration in South-East Asia: the Role of China*. Paper presented at the IUSSP Conference on Southeast Asia's Population in a Changing Asian Context held at Chulalongkorn University, Bangkok, Thailand, 10-13 June 2002. Электронный ресурс. URL: http://www.atimes.com/atimes/Southeast_Asia/LL23Ae01.html [Дата обращения: – 10.03.2011].
18. Reid, Antony. *Entrepreneurial Minorities, Nationalism and the State// Essential Outsiders: Chinese and Jews in the Modern Transformation of Southeast Asia and Central Europe*. Seattle: University of Washington Press, 1997. Pp. 33-71.

УДК 303.8

Журбей Е.В.

«Мозговые центры» и внешняя политика Китайской Народной Республики: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy of the People's Republic of China: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе современного Китая. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Китая и их зарубежных аналогов. В статье подробно рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую китайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия.

The article is devoted to the history of the Institute of «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary China. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of China and their foreign counterparts. The organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Chinese leadership's foreign policy are discussed in the article in detail.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

Среди многочисленных факторов, которые оказывают влияние на внешнюю политику современного демократического государства, существуют и так называемые «мозговые центры». Первые «мозговые центры» возникают примерно сто лет назад, а родиной их появления, безусловно, являются Соединенные Штаты Америки, где на протяжении всего XX в. мозговые центры определяли характер деятельности этого государства на международной арене. Директор отдела политического планирования Госдепартамента в администрации Буша-младшего Ричард Хасс отмечал, мозговые центры при всей своей важности удостоиваются меньшего внимания общественности, чем другие факторы, воздействующие на американскую политику (например, политические партии, лоббистские структуры и т.д.), но несмотря на невнимание со стороны общественности мозговые центры оказывают значительное, существенное влияние на формирование внешней политики американского государства [6]. По-

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@gambler.ru

добное влияние происходит по пяти ключевым направлениям: выработка оригинальных идей и вариантов политики, предоставление готового контингента экспертов для работы в правительстве, инициирование форумов для дискуссий на высшем уровне, просвещение американского населения в области международной политики и помощь официальным органам в посредничестве и урегулировании конфликтов [6]. По аналогии с американскими и при прямой «интеллектуальной» помощи США мозговые центры возникают в Великобритании, Франции, Германии, Италии, Японии и других демократических странах, но, каким же образом возникли и каким образом функционируют подобные фабрики мысли в странах не относящихся к странам демократии, например, в Российской Федерации или Китае, остаются и поныне актуальными вопросами, требующими всестороннего исследования.

Сегодня ни у кого нет сомнения, что Китайская Народная Республика является признанным, ключевым игроком в международной политике и не только по причине обладания статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН, а по причине её всевозрастающей роли в мировой экономике. В мире ежедневно публикуются сотни статей, исследований, докладов, сообщений об экономической и политической роли КНР в мире, но вместе с тем наблюдается либо игнорирование, а скорее недостаточное внимание к интеллектуальному влиянию Китая, как конфуцианской страны, как на мировую цивилизацию в целом, так и на международные отношения в частности. Отказ Китая в начале 80-х гг. XX в. от жестко идеологизированных маоистских мифологем не имеющих значительных корней в китайской культуре, открыл эту страну миру в интеллектуальном плане. Открытость Китая миру проявляется повсеместно, в том числе в том, что китайцы активно путешествуют, а китайская молодежь получает образование в странах Запада, а затем возвращается домой и инкорпорируются не только в сферу бизнеса, но и в сферу государственного управления, в сферу разработки и реализации внешней политики. Прослойка молодых китайских интеллектуалов постепенной превращается в весьма востребованную партийной номенклатурой технократию, проводящую в жизнь концепцию «научного развития» (*kexue fazhan*) выдвинутую на XVII съезде коммунистической партии Китая ее лидером Ху Цзиньтао. В начавшейся двадцатой пятилетке (2011 – 2015 гг.) зависимость китайского государства, бизнеса от технократов, ученых экспертов, несомненно, возрастет.

Актуализация все возрастающего влияния китайских технократов в обществе можно отнести к конфуцианской традиции уважительного отношения к фигуре ученого. Конфуцианские традиции позволяют понять специфику статуса экспертного сообщества в Китае, в том числе экспертов в области внешней политики. В китайском лексиконе существуют два важных для нашего исследования понятия, а именно *guanxi* (личные связи) and *mianzi* (лицо). Большая часть взаимоотношений между политиками, чиновниками и обществом в целом строиться на системе *guanxi*, т.е. личных связей, социальных статусов и привилегий, а также сохранения при любых обстоятельствах и сложностях «лица». Западные дипломаты, имея дело с китайскими партнёрами, периодически сталкиваются с трудностями, вызванными тонкостями символики, обязательной процедурой сохранения лица, как обязательных атрибутов не только публичной политики, но и межличностных отношений в повседневной дипломатической практике.

Сегодня Пекин стал одним из центров мировой дипломатии, политики и международных отношений, за китайской стеной внешней политики которого сегодня плодотворно работает множество «мозговых центров», исследовательских центров в области внешней политики. Цель

данного исследования заключается в иллюстрации специфики функционирования института «мозговых центров» в Китае и влияние данных центров на внешнюю политику. Для реализации намеченной цели нам предстоит осуществить исторический обзор развития «мозговых аналитических центров» в области международных отношений в Китае. В ходе исследования будет предпринята попытка типологизации имеющихся «мозговых центров». В статье мы попытаемся определить основные каналы влияния данных центров на процесс разработки внешней политики государства.

«Мозговые центры» (zhiku или sixiangku) в Китае появляются с образованием Китайской Народной Республики в 1949 году, однако ряд исследователей усматривает истоки в глубокой древности, во времена жизни Конфуция, когда существовал класс советников. Советники в Китае были всегда, но говорить о том, что в глубокой древности появляются «мозговые центры», не приходится. Правдоподобнее и реалистичнее искать истоки «мозговых центров» во второй половине XIX в., когда под покровительством крупных государственных сановников в Китае появляются научные общества (xuehui). На базе одного из таких обществ в 1897 году создается Китайский институт международных исследований. Основная же масса китайских «мозговых центров» возникает в эпоху «нового» Китая, в коммунистическую эпоху становления и развития Китайской Народной Республики. Одним из первых «мозговых центров» КНР по праву считается филиал Министерства иностранных дел КНР в лице Китайского народного института международных дел (Chinese People's Institute of Foreign Affairs, CPIFA) созданного в 1949 году [10]. CPIFA был создан по предложению Чжоу Эньлая, который был тогда премьер-министром и министром иностранных дел. Институт был первой организацией нового Китая, специализирующейся в области исследований внешней политики и международных отношений. Премьер Чжоу был его почетным президентом до конца своей жизни, а затем с 1964 года руководство институтом переходит к вице-премьеру и министру иностранных дел Чэнь И. Кроме того, видные деятели, такие как Дэн Сяопин, Е Цзяньин, Ван Мин, Ли Лисан, Кай Чанг, Ху Юйчжи, Гао Ган и другие руководители института занимали должность почетного президента CPIFA [10].

В 1956 г. предпринимается очередная попытка создать полноценный «мозговой центр». По приказу Мао Цзэдуна создается Институт международных исследований, который в период «культурной революции» был закрыт и возобновил свою деятельность только в 1973 г., а в 1986 г. институт получил свое нынешнее название – Институт международных исследований Китая (China Institute of International Studies, CIIS) [11]. В 1998 г. в состав CIIS был включен Китайский центр по международным делам, бывшее научно-исследовательское учреждение Государственного совета Китая. Данный центр при Госсовете КНР сыграл значительную роль в нормализации американо-китайских отношений во времена администрации Никсона.

CIIS объединяет в себе сообщество наиболее авторитетных ученых и бывших дипломатов, например президент CIIS Цюй Син являлся послом КНР во Франции с 2006 по 2009 гг. CIIS занимает пятое место из десяти самых авторитетных «мозговых центров» Китая в соответствии с рейтингом, опубликованным в августе 2009 г. Global Times [19]. В этом же рейтинге CIIS выступает в качестве второго по значимости «мозговым центром» в сфере внешней политики после Китайской академии социальных наук (Chinese Academy of Social Sciences, CASS), которая в свою очередь занимает пятнадцатую позицию в ежегодном рейтинге «мозговых центров» Университета Пенсильвании (США) среди мировых

мозговых центров исключая американские [9]. СИИС в рейтинге университета Пенсильвании занимает четырнадцатую позицию среди всех «мозговых центров» Азии [9].

В 1960 г. процесс институционализации мозговых центров продолжился созданием Шанхайского института международных исследований (Shanghai Institute for International Studie, SIIS) [18]. Институт традиционно поддерживает тесные отношения с муниципалитетом Шанхая. Цзян Цзэминь часто прибегал к консультациям SIIS во времена своего руководства городом и уже в качестве Генерального секретаря КПК и президента Китая. В 2010 г. SIIS включал в себя восемьдесят исследователей, многие из которых обучались в университете Фудань в Шанхае, а также получили высшее образование в лучших университетах США и Европы. В состав SIIS входит двенадцать научных отделов: американских исследований, азиатско-тихоокеанских исследований, европейских исследований, изучения Японии, российских и центрально-азиатских исследований, южноазиатских исследований, исследований Тайваня – Гонконга – Макао, исследования мировой экономики, исследований Западной Азии и Африки, исследований международного права и международных организаций, женских исследований, этнических, религиозных и культурных исследований [18]. В 2009 г. SIIS занял последнее место в первой десятке рейтинга наиболее важных «мозговых центров» Китая [19]. С точки зрения иностранных экспертов SIIS занимает пятое место по степени влияния на политику после CASS, СИИС, CICIR и CNCPEC. В глобальном рейтинге «мозговых центров» SIIS занимает тридцать четвертое место из пятидесяти важных «мозговых центров» мира за пределами Соединенных Штатов [9].

В условиях ухудшения отношения Китая с СССР в 1961 г. по приказу Мао создается Институт исследований Африки и Азии переживший за короткий период несколько структурных преобразований. Так в 1964 г. организационные изменения привели к появлению двух исследовательских структур: научно-исследовательского института Западной Азии и Африки и научно-исследовательского института Юго-Восточной Азии, которые впоследствии были инкорпорированы в созданную в 1977 г. Китайскую академию социальных наук (CASS) [14]. Академия является государственным учреждением – эквивалентом министерства под прямым руководством Госсовета КНР. В 1981 г. в CASS были включены исследовательский институт Латинской Америки и исследовательский институт Советского Союза и Восточной Европы. После «индокитайской» войны (1962 г.) по инициативе МИД КНР в 1963 г. создается научно-исследовательский институт изучения Индии.

В 1964 г. по инициативе премьер-министра КНР Чжоу Эньлая создаются несколько колледжей и отделений по исследованию международных отношений в рамках существующих университетов, таких как Пекинского университета и университета Фудань. Эньлай также инициировал создание Университета иностранных дел Китая (China Foreign Affairs University, CFAU) [12]. Некоторые из этих специализированных научно-исследовательских центров в настоящее время рассматриваются в качестве «мозговых аналитических центров», и по сей день пользуются значительным влиянием на формирование китайской внешней политики [5, p. 601]. Авторитетность центрам придает китайские специалисты с мировой известностью, так, Ван Джиси возглавляет Школу международных исследований в Пекинском университете, а Шен Дингли – Центр американских исследований в университете Фудань. По окончании культурной революции в Китае появляются научно-исследовательские институты, претендующие на статус «мозговых центров» при региональных и менее престижных университетах. Так, при университете Чжун-

шань в Гуанчжоу создается Институт исследований Юго-Восточной Азии, а при университете Сямынь в 1980 г. создается Институт исследования Тайваня [3, p. 86].

В 1965 г. научно-исследовательский отдел Института свободы и демократии КПК был возведен в ранг института и получил название Института современных международных отношений Китая (China Institute of Contemporary International Relations, CICIR) [13]. Это был единственный институт, который продолжал работать во время культурной революции с 1965 по 1976 гг. До 1982 г. институт не имел никаких контактов с зарубежными центрами изучения международных отношений и преимущественно занимался тем, что поставлял аналитическую информацию для МИД и Министерства государственной безопасности Китая. В 2010 г. институт насчитывал 150 профессоров и доцентов, работающих в одиннадцати исследовательских центрах: России, Америки, Латинской Америки, Европы, Японии, Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Западной Азии и Африки, информации и социального развития, безопасности и разоружения, мировой политики и мировой экономики. CICIR занял шестое место в топ десятке Global Times и третье место по влиянию после CASS и CIIS [19]. В глобальном рейтинге CICIR стоит на пятой позиции ведущих «мозговых центров» в Азии [9].

Окончание культурной революции, смерть Мао и приход к власти новой генерации политиков во главе с Дэн Сяопином ознаменовали собою новую волну создания «мозговых центров» в Китае. В 1977 г. в рамках Китайской академии социальных наук были созданы несколько специализированных институтов: Институт Американских исследований, Институт исследований Японии и Институт западноевропейских исследований. Специфика отношений материкового Китая с островом Тайвань инициировала появление Института исследований Тайваня в 1984 г. при Государственном Совете КНР. В 1988 г. возник научно-исследовательский институт Азиатско-Тихоокеанских исследований (Institute of Asia-Pacific Studies, IAPS) вобравший в себя шесть центров: Центр сотрудничества в АТЭС и в Восточной Азии, Центр исследований

Таблица 1
«Мозговые центры» Китая

№ п/п	Наименование	год основания	город
1	Китайская Академия Социальных Наук (CASS)	1977	Пекин
2.	Исследовательский центр развития Государственного Совета (DCR)	1981	Пекин
3	Китайская академия наук (CAS)	1949	Пекин
4.	Китайская академия военных наук	1958	Пекин
5.	Институт международных исследований Китая (CIIS)	1956	Пекин
6.	Институт современных международных отношений Китая	1980	Пекин
7.	Национальный комитет Китая Совета Тихоокеанского экономического сотрудничества	1986	Пекин
8.	Ассоциация науки и технологии Китая (CAST)	1958	Пекин
9.	Институт международных стратегических исследований Китая	1979	Пекин
10.	Шанхайский институт международных исследований (SIIS)	1960	Шанхай

Южной Азии, Центр по изучению Австралии, Новой Зеландии и Южно-тихоокеанских территорий, Центр по исследованию проблем региональной безопасности, Центр по проблемам отношений в Восточной Азии, Центр по изучению Юго-Восточной Азии [16]. IAPS курирует работу двух национальных исследовательских ассоциаций: Ассоциации Южно-Азиатских исследований Китая и Ассоциации Азиатско-Тихоокеанских исследований Китая. В настоящее время штат CASS насчитывает 3200 исследователей и располагает региональными отделениями в провинциях и крупных мегаполисах под непосредственным контролем Госсовета КНР. Китайская академия социальных наук занимает первое место в первой десятке рейтинга Global Times [19], второе место в Азии после Японского института международных отношений (Japan Institute of International Affairs, JIIA) и пятнадцатое место в мировом рейтинге мозговых центров за пределами США [9].

Несмотря на существование многочисленных «мозговых центров», аналитических и научно-исследовательских институтов Дэн Сяопин весьма редко прибегал к экспертной помощи в сфере внешней политики. К концу своей жизни Дэн больше полагался на экспертное мнение своей дочери, а не на мнения политических экспертов, но отсутствие интереса со стороны Дэн Сяопина не обязательно означало снижение влияния «мозговых центров» в 80-е гг., особенно это касается экономических вопросов [4, р. 3]. Китайское руководство в 80-е гг. XX в. активно привлекало экспертное сообщество к реализации экономических реформ. При Госсовете КНР в это время создаются четыре научно-исследовательских центра: Центр экономических исследований, Центр технико-экономических исследований, Исследовательский центр в области ценообразования, Научно-исследовательский центр в сфере сельского хозяйства. Данные четыре исследовательских центра будут интегрированы впоследствии в крупнейший и наиболее влиятельный после CASS Исследовательский центр развития Государственного Совета (DCR). События 1989 г., вызванные студенческими волнениями, несколько затормозили развитие «мозговых центров» в Китае, а некоторые видные китайские исследователи вынуждены были эмигрировать или оказались под домашним арестом, однако, несмотря на это существование мозговых центров как таковых не ставилось под сомнение руководством страны.

С 1992 г. «мозговые центры» Китая получили новые стимулы к развитию. В 90-е гг. китайские руководители все чаще и чаще стали обращаться к экспертному мнению «мозговых центров». Цзян Цзэминь часто прибегал к советам экспертов университета Фудань, а также сотрудников SIIS и SASS. В частности эксперты активно привлекались в сфере стратегического планирования и выработки политики по взаимоотношению с Тайванем. Декан юридического факультета университета Фудан Ван Хунин стал личным советником Цзян Цзэминя. Бывший руководитель Центральной партийной школы, Ху Цзиньтао активно обращался за советами в «мозговые центры». С Ху в качестве советников работали Ван Джиси и Чжэн Бейчжиан. С начала XXI в. «мозговые аналитические центры» выросли как в количественном, так и в качественном плане. Отмечается существенное повышение профессионализма сотрудников этих центров и усиливается интернационализация деятельности центров.

К 2011 году в Китае насчитывалось 428 исследовательских институтов, что позволило ему занять второе после Соединенных Штатов место по количеству «мозговых центров» в мире, а третью и четвертую позицию занимают Великобритания и Индия соответственно. Большинство из 428 «мозговых центров» являются государственными структурами и только 5% считаются формально независимыми. Независимые центры, как правило, имеют штат сотрудников не превышающий 30 человек,

а годовой бюджет таких центров составляет сумму, не превышающую 500 тысяч американских долларов [7, p. 36]. Вновь возникающие центры преимущественно специализируются в сфере экономики, экологии и социальной направленности. Сфера внешней политики находится в исключительной прерогативе государственных структур. Ни один из возникших за последнее десятилетие не попал в мировой рейтинг «мозговых центров», а наиболее авторитетными «мозговыми центрами», занимающимися внешней политикой являются центры, возникшие до культурной революции или сразу по ее окончанию.

Сегодня не существует единственно верного определения «мозгового центра». Профессор кафедры политологии из университета Западного Орегона Данальд Эйбельсон под «мозговым центром» понимает «некоммерческие, внепартийные (что не означает – внеидеологические), ориентированные на исследовательскую работу институты, одна из главных целей которых состоит в оказании влияния на общественное мнение и государственную политику» [1]. Изначально термин «мозговой центр» использовался в США в годы Второй мировой войны для обозначения надежного защищенного укрытия, где оборонные ученые и военачальники могли встречаться для обсуждения стратегических вопросов, но с тех пор термин стали использовать в более широком значении для обозначения более 2000 базирующихся в США организаций, которые занимаются политическим анализом, и еще приблизительно 2500 институтов по всему миру [1].

Научный сотрудник из Научно-исследовательского института внешней политики США Джеймс Макганн считает, что под термином «мозговой центр» следует понимать «независимую организацию, занимающуюся исследованием и анализом государственной политики, восполняющую потребность политиков в информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой» [8]. Данный информационный императив привел, по мнению Макганн, к созданию в начале XX в. первых «мозговых центров» – Королевского института международных отношений (1920 г.), Фонда международного мира Карнеги (1910 г.), Института мировой экономики Килля (1914 г.) и Института Бругингса (1916 г.) – и продолжает оставаться главной движущей силой распространения политологических организаций сегодня. Джеймс Макганн отмечает, что «мозговые центры» различных типов «выполняют сегодня много различных функций, в том числе: проведение исследований и анализа политических проблем; консультации по актуальным вопросам текущей политики; оценка правительственных программ; толкование политики для электронных и печатных СМИ, что облегчает понимание и поддержку политических инициатив общественностью; содействие построению «тематических сетей», вовлекающих разнообразный набор действующих лиц, которые встречаются специально по конкретному политическому вопросу или проблеме, поставка кадров на ключевые должности и органы власти» [8].

Профессор Гарвардского университета Стивен Буше сформулировал девять критериев, которые характеризуют исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это – организация, действующая на постоянной основе; во-вторых – специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политики; в-третьих – действующая благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвертых – тем, кто, в свою очередь, производит оригинальные идеи, осуществляет систематический анализ информации и проводит консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения, в том числе, посредством электрон-

ных медиа; в-шестых, такие организации не несут ответственности за деятельность правительств; в-седьмых – они стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых – основная деятельность их не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых – не в последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур [2, р. 2-3].

Большинство китайских научно-исследовательских институтов и аналитических центров, которые мы упоминали ранее, лишь частично отвечают обозначенным критериям. Однако, не следует делать скоропалительных выводов о том, что китайские «мозговые центры» не «настоящие мозговые центры». Действительно, несмотря на определенные различия, которые мы обсудим позже, многие китайские аналитические центры и научно-исследовательские институты на самом деле относительно близки к своим западным аналогам в лице «мозговых центров», если мы внимательно посмотрим на критерии, обозначенные выше. В целом китайские «мозговые центры» являются постоянными, ориентированными на политику государственных органов власти с собственным штатом научных сотрудников, которые регулярно публикуют и сообщают о результатах своих исследований широкой общественности, хотя и в меньшей степени, чем их западные коллеги. Все они стремятся к свободе исследований, но, как показывает практика, свобода эта относительная, так как ключевые научные темы определяет «государственный заказ» в лице правительства и партийных органов. Насколько китайские аналитические центры представляют частные интересы и обладают свободой действий, трудно узнать наверняка, учитывая непрозрачность финансирования и функционирования большинства из этих учреждений. Наконец, никто из китайских центров и исследовательских институтов не оказывает образовательных услуг и не выдает дипломов.

Очевидно, что, несмотря на сходство, «мозговые центры» Китая, и особенно те, чьи исследования сосредоточены на международных отношениях, отличаются от своих «западных коллег», но не до такой степени, когда они могут быть лишены возможности именоваться «мозговыми центрами». Существенными трудностями для сотрудников из этих центров представляются исследования на чувствительные политические темы, но они также имеют относительную свободу в маневре в зависимости от темы и привлекаемых людей. В рамках действующих китайских аналитических центров не существует значительного разнообразия мнений и позиций, которые отличают аналогичные западные «мозговые центры». Другое отличие состоит в их близости к правительству, которое дает возможность большего влияния на должностных лиц, принимающих решения в стране со стороны «мозговых центров», чем у большинства американских или европейских «коллег». Так, в Китае полностью отсутствуют частные «мозговые центры», т.е. не связанные с государством, специализирующиеся на исследованиях международных отношений. В связи с чем, у китайских государственных деятелей есть небольшой выбор в возможности профессионального консультирования в сфере международных отношений, а также мало стимулов искать подобные консультации за пределами традиционных институтов. Влияние «мозговых центров» на процесс принятия решений в сфере внешней политики, в значительной степени зависит от личных связей руководителей этих центров в политической элите китайского государства. Китайская практика повторяет зарубежную, когда бывшие дипломаты после окончания государственной службы трудоустраиваются в аналитические центры и тем самым обеспечивают дополнительные каналы влияния, сеть лич-

ных связей со структурами государственных органов власти. Конкуренция же между «мозговыми центрами» в Китае минимальна, поскольку все они имеют свои ниши.

В отличие от исследовательских институтов в области международных отношений, внешней политики США или Европы, которые влияют на политический и внешнеполитический процесс в рамках, как правило, неофициальных механизмов лоббирования и консультирования, их китайские коллеги используют преимущественно два основных канала влияния на принятие решений. Во-первых, они доводят до своей аудитории свои мнения с помощью формальных бюрократических каналов доступа, т.е. каждый из «мозговых центров» имеет свой собственный канал предоставления внутренних исследовательских отчетов для политических лидеров Китая через круг своих личных помощников или через бюро иностранных дел Центрального комитета КПК. Во-вторых, существуют неофициальные каналы, о которых говорилось выше, т.е. *guanxi* (личные связи). Личные связи это очень гибкий режим влияния, позволяющий «мозговым центрам» обходить бюрократические каналы. Директора и видные исследователи имеют личные, непосредственные отношения с высшими руководителями государства, партии. Непринужденность таких взаимоотношений положительным образом влияет на эффективность, результативность деятельности «мозговых центров», однако данные личные связи весьма трудны для обнаружения сторонними наблюдателями. Наконец, с точки зрения финансирования, китайские «мозговые центры» имеют значительно меньше источников финансирования, чем их западные аналоги. До недавнего времени все мозговые центры были на полном финансировании государства, а финансирование исследовательских институтов в сфере международных отношений со стороны государства является, и в ближайшее время, видимо, и будет продолжаться являться единственным источником денежных поступлений.

Окончание следует

Литература

1. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса Электронный ресурс. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> [Дата обращения: 4.03.2007].
2. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
3. Cabestan, Jean-Pierre, China's Foreign and Security Policy Decision-making Processes under Hu Jintao, Journal of Current Chinese Affairs, 3, 2009, p. 86.
4. Cheng, Li, China's New Think Tanks : Where Officials, Entrepreneurs, and Scholars Interact, China Leadership Monitor, № 29, 2009. p. 3.
5. Glaser, Bonnie S., Saunders, Phillip C., Chinese Civilian Foreign Policy Research Institutes : Evolving Roles and Increasing Influence, The China Quarterly, 2002, vol. 171, p. 604.
6. Haass R. Think Tanks and U.S. Foreign Policy: a Policy-makers perspective. Электронный ресурс. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73haass.htm> [Дата обращения: 1.03.2007]
7. Lili Wang, The Brookings Institution (2008), Think Tank in China : Growing Influence and Political Limitations, Washington DC, 2008, p. 36 Электронный

ресурс. URL. www.brookings.edu/~media/Files/events/2008/1023_china_think_tanks/20091023_china.pdf [Дата обращения: 15.01.2011]

8. Mc Gann, James G., Think Tanks and the transnationalization of foreign policy // Электронный ресурс. URL. <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> [Дата обращения: 1.03.2007].

9. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2009, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2010. p.40 Электронный ресурс. URL. http://www.sas.upenn.edu/irp/documents/2009GlobalGoToReportThinkTankIndex_1.31.2010.02.01.pdf

10. The Chinese People's Institute of Foreign Affairs Электронный ресурс. URL. <http://www.cpifa.org/en/s/toCpifaSurvey.do?channelId=5> [Дата обращения: 15.01.2011]

11. The China Institute of International Studies Электронный ресурс. URL. <http://www.ciis.org.cn/en/aboutus1.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]

12. The China Foreign Affairs University Электронный ресурс. URL. <http://www.cfau.edu.cn/cfauEN/index.html> [Дата обращения: 15.01.2011]

13. The China Institute of Contemporary International Relations Электронный ресурс. URL. <http://www.cicir.ac.cn/english/infoView.aspx?cid=172> [Дата обращения: 15.01.2011]

14. The Chinese Academy of Social Sciences Электронный ресурс. URL. http://bic.cass.cn/english/InfoShow/Arcitle_Show_Cass.asp?BigClassID=1&Title=CASS [Дата обращения: 15.01.2011]

15. The Development Research Center of the State Council Электронный ресурс. URL. <http://www.drc.gov.cn/english/index.asp> [Дата обращения: 15.01.2011]

16. Institute of Asia-Pacific Studies Электронный ресурс. URL. <http://www.rsis-ntsasia.org/people/members/member-iaps.html> [Дата обращения: 15.01.2011]

17. The Policy Planning Department Электронный ресурс. URL. <http://www.mfa.gov.cn/eng/wjb/zjzg/zcyjs/> [Дата обращения: 15.01.2011]

18. The Shanghai Institute for International Studies Электронный ресурс. URL. http://www.siiis.org.cn/en/About_Siis.aspx [Дата обращения: 15.01.2011]

19. Zhang, Yuchen. Think tank scholar has more fresh ideas than old shoes, Global Times. August 10, 2009

20. Zhu Xuefeng, Lan Xue, Think tanks in Transitional China, Public administration and development, vol. 27, Issue 5, 2007. p. 454.

УДК 32.019.5

Маклис А.

Возрождение российской «мягкой силы»

The Resurgence of Russian "Soft Power"

Согласно профессору Наю, государство извлекает «мягкую силу» из трех ресурсов: «своей культуры, политических ценностей и внешней политики». Цель данной статьи состоит в том, чтобы определить, как СМИ, демократия и иммиграция, которые являются репрезентативными для трех ресурсов Наю, используются в качестве инструментов российской внешней политики, направленной на увеличение «мягкой силы» России на постсоветском пространстве, и оценить вероятность успеха этой стратегии.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика, суверенная демократия, СМИ, иммиграция

According to Professor Nye, a country derives «soft power» from three of its resources: «its culture, its political values and its foreign policies». The purpose of this paper is to assess how media, democracy and immigration, which are representative of Nye's three resources, are being used as tools of Russian foreign policy to bring about an increase in Russian 'soft power' in the post-Soviet sphere, and the potential success of this strategy.

Key words: «soft power», foreign policy, sovereign democracy, media, immigration

«Мягкая сила» определяется профессором Гарвардского университета Джозефом Наем, как «способность получить желаемое путем привлечения, а не путем принуждения» [14, с. 5]. Профессор Най трактует «мягкую силу» как производную от трех ресурсов государства: «его культуры, политических ценностей и внешней политики» [14, с. 11]. Менее осязаемая и прямолинейная, чем «жесткая сила», «мягкая сила» в последнее время становится ключевым инструментом внешней политики России в регионах Восточной Европы и Центральной Азии. Данная статья посвящена рассмотрению средств внешней политики России, которые используются для ускорения роста ее «мягкой силы» в этих регионах. Посредством концептуального анализа роли, которую СМИ, демократия и иммиграция играют во внешней политике России, я попытаюсь оценить рост региональной «мягкой силы» России, поскольку три названные понятия являются репрезентативными для более широких ресурсов, лежащих в основе «мягкой силы» согласно Наю.

МАКЛИС Александра, студентка Чикагского университета. (г. Чикаго, США). E-mail: olamclees@uchicago.edu

Перевод Киреева А.А.

Показательными для трех ресурсов, обуславливающих, по мнению Ная, «мягкую силу», данные понятия являются по ряду причин. СМИ служат инструментом распространения источников «мягкой силы», поэтому анализ того, как Россия приобретает контроль над СМИ на постсоветском пространстве, дает возможность оценить ее способность к распространению русской культуры, ценностей и языка на этой территории. Демократии, концепция которой ранее была монополизирована Западом, в последнее время было противопоставлено российское понятие «суверенной демократии», как особого, уникального набора политических ценностей, которые сегодня могут продвигаться Россией на этом пространстве. Наконец, Россия, с ее растущей экономикой и рынком труда, стала центром притяжения для ищущих работу мигрантов из соседних, экономически существенно более слабых стран. В результате, российская миграционная политика играет большую роль в региональной стабильности, ведь Россия оказалась в состоянии поглотить избыточную рабочую силу своих соседей и поддержать кризисные экономики не за счет прямой помощи, но посредством денежных переводов, отправляемых домой работающими в ней мигрантами.

Хотя Россия не может, как прежде, соперничать с США с точки зрения качества и масштаба своей «мягкой силы», но вследствие внутреннего движения страны по пути промышленной и политической модернизации, а также по мере укрепления экономики и повышения активности в рамках международных институтов, региональная привлекательность России увеличивается, что дает ей возможность восстановить «мягкую силу» в регионе до уровня, близкого к советскому. В советскую эпоху «мягкое» экономическое и культурное влияние России на своих соседей власти стремились подкрепить «жесткой силой» войск и хорошо развитой инфраструктурой безопасности, что снижало практическую эффективность «мягкой силы» [14, с. 9]. Сегодня российская «мягкая сила» приняла иную форму. Она стала основным инструментом, используемым Россией для восстановления своего влияния в постсоветском регионе. Даже если принять во внимание случаи применения «жесткой силы», такие как российско-грузинский конфликт в 2008 году, очевидно, что внешняя политика России сфокусирована главным образом на распространении «мягкой силы». «Мягкая сила» была впервые включена в стратегию внешней политики России в «Обзоре внешней политики РФ», опубликованном в 2007 году. Среди задач новой внешней политики России, направленной на повышение региональной «мягкой силы», в нем названы: защита прав человека, поддержка интересов соотечественников, проживающих за рубежом, партнерские отношения в культурной и образовательной сферах, а также развитие средств массовой информации России за рубежом [3].

Реализация «мягкой силы» через культуру

Коммуникация представляет собой ключевой механизм распространения источников «мягкой силы». Следовательно, СМИ являются инструментом «мягкой силы». Это средства связи, с помощью которых страна способна продвигать свои культуру, язык и ценности. Поэтому я рассмотрю ту роль, которую средства массовой информации играют в российской «мягкой» внешней политике и то влияние, которое они имеют на постсоветском пространстве сегодня.

Распространение русского языка и культуры через СМИ за пределами России выделено в качестве средства российской внешней политики. «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года», подписанная Д.А. Медведевым в мае 2008 г., включает неоднократные упоминания

о телевидении, курируемом государством производстве фильмов и «патриотическом воспитании», как элементах национальной безопасности [5]. Популярная культура распространяется из России посредством широкой сети спутникового телевидения, благодаря растущему кинематографическому и музыкальному производству, а также стимулированию увеличения числа владеющих русским языком. В целях создания благоприятных условий для распространения русской культуры на постсоветском пространстве, внешняя политика России сосредоточена на продвижении русского языка и усилении своего влияния на средства массовой информации в этом регионе.

Петр Щедровицкий, автор, чьи идеи влияют на внешнюю политику России, в 2000 г. написал статью под заголовком: «Русский мир и транснациональное русское». В этой статье он указывает на причинную связь, состоящую в том, что «говорящие на русском в повседневной жизни, также и думают на русском, и, как следствие, будут действовать по-русски» [6]. А так как цель «мягкой силы» заключается в том, чтобы заставить другие страны думать и действовать также как вы, распространение русского языка стало одним из приоритетов внешней политики.

Доля русскоговорящих составляют примерно одну треть от общей численности населения в странах Балтии и около половины украинского населения [19]. При этом, важно подчеркнуть, что число людей, которые понимают русский язык, в этих странах еще больше. В Казахстане, Кыргызстане и Беларуси, русский является одним из официальных языков. Кроме того, русский язык имеет статус одного из официальных в ряде регионов Румынии, Молдовы и Украины. Во многих постсоветских странах русский часто используется в управлении, бизнесе и образовании, что побуждает к изучению этого языка молодое поколение. Тот факт, что за пределами России много русскоговорящих, говорит о том, что людям, владеющим русским языком открываются за рубежом большие возможности для трудоустройства и образования.

В 2007 году, осознавая важность популяризации русского языка в целях распространения русских СМИ и культуры за рубежом, правительство России создало Фонд «Русский мир». На сегодняшний день «Русский мир» создал 50 центров в 29 странах, оказывая при этом особое внимание постсоветскому пространству. Фонд «Русский мир» побуждает местные органы власти к сохранению начального и среднего образования на русском языке, организует семинары по русскому языку для учителей, которые преподают на нем, и способствует культурным обменам, базирующимся на знании этого языка. Поскольку эта программа – новая, статистика о ее результатах еще не обнародована, однако аналитические доклады, такие как «Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии», опубликованный Российской академией наук, подтверждают, что подобная деятельность позволила увеличить число русскоговорящих в последние годы [19].

Российское телевидение является довольно популярным в ряде стран СНГ и Балтии, особенно среди русскоговорящих. Так, например, по некоторым оценкам, 90% населения в странах Балтии понимает русский язык, что делает их большой целевой аудиторией для российских СМИ. В Эстонии 63% говорящего на русском населения обращается к российским СМИ как основному источнику информации [17]. Фактически, Первый Балтийский Канал, дочерний канал Первого Российского, является лидером в вещании национальных новостей в каждой из стран Балтии [17]. Согласно докладу, недавно опубликованному Центром восточноевропейских политических исследований, русскоговорящее меньшинство доверяет этому каналу больше, чем местным национальным средствам массовой информации, особенно в ситуациях, когда речь идет

об обсуждении интересов России.

Другим примером влияния российских СМИ служит Молдова. Молдавские зрители смотрят в основном российские программы, которые уже превзошли по популярности местные СМИ. Первый канал также является самым популярным телеканалом в Молдове и имеет наиболее высокий авторитет. О воздействии этого информационного доминирования России лучше всего свидетельствует тот факт, что в 2008 году в молдавских опросах общественного мнения Путин и Медведев занимали место самых популярных политиков, опередив политиков Молдовы [17]. Именно через СМИ Россия смогла обеспечить свое присутствие на молдавской политической сцене, заменив Украину в качестве ближайшего виртуального соседа Молдовы.

Как это и было заявлено в «Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года», поддерживаемое государством кинопроизводство в последние годы наращивалось в целях содействия русскому языку и культуре. В докладе Европейской аудиовизуальной обсерватории сообщается об увеличении с 2007 по 2008 гг. числа выпущенных фильмов на 13% (с 770 до 873 соответственно) [18]. Российская киноиндустрия выросла не только в количественном, но и в качественном отношении. Несколько российских фильмов в течение последних лет были выпущены в международный прокат и привлекли к себе внимание зарубежной аудитории. В странах с большой долей русскоговорящего населения в кинотеатрах многие зарубежные фильмы показывают на русском языке, потому что купить предварительно переведенные в России фильмы легче и дешевле. Российские фильмы также поставляются в страны Балтии и СНГ через российские телевизионные сети.

Много было сказано о том, что российская киноиндустрия создает фильмы, которые не только прославляют советское прошлое, но и переписывают его. Эти фильмы часто вызывают ностальгию у старшего поколения, так как они напоминают ему о своей юности в Советском Союзе, в то же время, они оказывают сильное влияние на восприятие СССР молодежью, поскольку молодое поколение не помнит этого периода. Поэтому кино – это эффективное средство не только создания образа современной России, но и ребрендинга для аудитории российских СМИ на постсоветском пространстве Советского Союза.

Таковы лишь некоторые примеры того, как Россия использует средства массовой информации для того, чтобы эффективно распространять русский язык и формировать положительный имидж Российской Федерации. Таким путем она может влиять на общественное мнение и через распространение культуры и информации увеличивать свою «мягкую силу» на постсоветском пространстве. Последние тенденции показывают, что численность русскоговорящих на постсоветском пространстве начала расти, и что Россия, в том числе благодаря влиянию российских СМИ и культуры, стала восприниматься в этом регионе более позитивно.

Реализация «мягкой силы» через политические ценности

Вторым ключевым ресурсом, из которого страна извлекает «мягкую силу» являются ее политические ценности. Как объясняет Най, страна «выражает свои политические ценности в том, что она делает, также как и в том, что она говорит» [14, с. 55]. Для того чтобы иметь возможность получить «мягкую силу» из политических ценностей, Россия должна обратиться к обоим этим формам выражения ценностей. В последние годы Россия пыталась сделать это двумя способами. Российские чиновники сейчас говорят о том, что для борьбы с коррупцией и содействия модернизации необходимо изменение политического климата в России

и создание новой системы ценностей, которую они назвали «суверенной демократией». Рассматривая изменение политического климата и новую российскую систему ценностей, я попытаюсь оценить использование концепции «суверенной демократии» во внешней политике России в качестве метода получения «мягкой силы».

После падения Советского Союза и окончания холодной войны, западные политические идеи демократизации достигли Балтии и стран СНГ. Некоторые из этих страны оказались особенно восприимчивы к этим идеям, проведя реформы, которые должны были приблизить их к западным либерально-демократическим стандартам. Однако, несмотря на эти реформы, многие постсоветские государства, включая Россию, подвергались резкой критике со стороны Запада за нарушения прав человека и недемократические действия. Зачастую эта критика исходила от стран, обвиняемых в лицемерии их собственной политики, которая порой прямо нарушала проповедуемые ими демократические принципы. Требования ускорить демократизацию, а также постоянная критика, привели к тому, что во многих странах возникло недовольство тем, как западные государства относятся к ним и сомнения в выгоды полного принятия западной либерально-демократической системы. Такая ситуация создала политический вакуум, который может быть заполнен не-западной идеологией.

Во времена СССР, Россия имела вполне определенную идеологию, которая была привлекательна для многих людей во всем мире. Однако с момента падения Советского Союза и установления демократии, Россия лишилась собственного уникального комплекса политических ценностей. Создание такой системы политических ценностей, привлекательной для других, способно потенциально увеличить российскую «мягкую силу». Как заявил министр обороны Сергей Иванов, «если есть западная демократия, должна быть и восточная демократия» [2].

В целях решения проблемы отсутствия пригодных для экспорта оригинальных ценностей, Россия разработала концепцию «суверенной демократии». Эта концепция была создана, чтобы выражать российскую «систему ценностей, которые являются демократическими, исходят из уникального исторического опыта России, и отличны от того, что понимает под демократией Запад» [15]. Хотя по поводу подлинной сущности «суверенной демократии» идет много споров, я хотела бы сосредоточиться, прежде всего, на применении этой новой идеологии в качестве средства распространения российской «мягкой силы» по всему постсоветскому региону.

Очевидные изменения внутреннего политического климата в России началась в сентябре 2009 года, когда президент Медведев опубликовал статью под названием «Россия, вперед!». Он признал многие из проблем, с которыми сталкивается Россия, такие как тревожные демографические тенденции, широко распространенная коррупция, неэффективность экономики и хрупкость демократии. О состоянии демократии в России, Медведев писал: «демократические институты созданы и стабилизированы, но их качество еще далеко от идеала» [12]. В статье он представил свое видение будущего развития России, включая расширение реформ в целях преодоления коррупции и постепенные изменения в политической системе для достижения открытости, свободы и конкуренции.

Два месяца спустя, он подтвердил это видение в Послании Президента Федеральному Собранию РФ [16]. В этом выступлении он изложил конкретные меры, направленные на борьбу с коррупцией и укрепление демократических институтов в России. Если дискуссия о реформировании избирательного процесса на сегодняшний день еще продолжается,

то атака на коррупцию уже началась. В декабре 2009 года Медведев подписал указ, нацеленный на реформирование МВД и ликвидацию преступности и коррупции в правоохранительных органах. Хотя эти действия являются только началом обещанных президентом реформ, они, насколько можно судить, подтверждают приверженность России задаче изменения политического климата в стране.

Борьба с коррупцией – это проблема не одной лишь России. Многие из российских соседей также сталкиваются с проявлениями широкой распространенности коррупционных отношений. В последние несколько лет грузинские власти предприняли кардинальную перестройку Министерства внутренних дел, основанную на нетерпимости к коррупции. Сегодня МВД доверяют 87% граждан Грузии. О таком общественном мнении правительство России в настоящее время может только мечтать [1]. Провозглашение антикоррупционной политики в России, позволяет предположить, что соседние страны в скором времени, следуя российскому примеру, также приступят к очистке своих сил внутренней безопасности. Будущий всплеск борьбы с коррупцией на постсоветском пространстве можно отнести к успехам «мягкой силы» России, поскольку это то, что Най называет «желанием подражать качествам, вызывающим восхищение» [14, с. 7].

Отвечая на критику со стороны Запада, Владислав Сурков, заместитель главы президентской администрации, заявил на встрече с иностранными журналистами в 2006 г., что при оценке политической системы России применяется двойной стандарт, хотя российское понимание демократии ни в коей мере не отличается от ее общепринятой европейской концепции. Сурков пояснил: «Наша российская модель демократии называется суверенной демократией. Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, но не управляться из-за рубежа» [20].

Этот призыв к суверенитету находит отклик во многих постсоветских странах. В Казахстане, на съезде партии «Асар» в 2006 г., Дарига Назарбаева, дочь президента Н. Назарбаева, заявила: «Долгое время мы двигались к демократии, руководствуясь картами, подготовленными на Западе. Но сегодня мы видим все больше и больше стран и народов в мире, которые отказываются жить в соответствии с единообразной моделью, созданной для них кем-то другим. Даже провал европейской конституции был актом защиты национального и своеобразного. Защиты суверенитета» [10]. Тяга к «суверенной демократии» как уникальному комплексу политических ценностей распространяется в регионе, приходя в столкновение с внедрившимися ранее на постсоветском пространстве западными идеалами. Дальнейшее распространение этих политических ценностей будет свидетельствовать об успешности использования Россией концепции «суверенной демократии» как способа укрепления своей «мягкой силой» в регионе.

Другим элементом внутренних политических ценностей России, который имеет резонанс у ее соседей, является политическая стабильность. По мнению многих наблюдателей, «оранжевая революция» на Украине в 2004 г. была победой Запада, подтвердившей его большую политическую и идеологическую привлекательность в сравнении с Россией [21]. Если это действительно так, то победу Виктора Януковича в 2010 г. Россия может записать на свой счет. Хотя возвращение правительства, более близкого к Москве, чем к Брюсселю, удивило многих, украинцы приняли это решение сознательно, после того как пережили хаос, связанный с быстрыми демократическими реформами правительства Ющенко. Призыв к созданию сильной и стабильной власти, которая, подобно российской, медленно движется по пути демократизации,

нашел отклик у украинских избирателей.

Привлекательность российской стабильности нашла выражение также в том, что первое, после недавней вспышки насилия на этнической почве, обращение за иностранной помощью со стороны действующего президента Кыргызстана Розы Отунбаевой было направлено именно в Россию. Президент просила военной помощи в восстановлении мира в регионе. Вместо войск, Россия прислала миллионы в виде гуманитарной помощи, включая продовольствие и медикаменты. Этот ответ, безусловно, отражает сдвиг внешней политики России в сторону инвестирования в «мягкую силу» и ее решение отойти от «жесткой силы» в качестве основного источника влияния в регионе.

Вторым противоречием, которое начинает возникать между Западом и некоторыми постсоветскими государствами, является расхождение между западными и восточными культурными и религиозными ценностями. Целый ряд стран, включая Россию, подчеркивают, что не все западные ценности, ассоциируемые с демократией, приемлемы с точки зрения их общего исторического и культурного наследия. Так, индивидуализм и значимость личности, которые часто полагаются в основу демократических ценностей, не всегда принимаются обществами, находящимися под сильным влиянием русского православия и ислама, так как эти две религии делают больший акцент на приоритете общности, соборности и умы, соответственно, над личностью.

Русская православная церковь официально оспорила универсальность западных ценностей на своем Соборе 2006 г., центральной темой обсуждения на котором был вопрос о том, «применимы ли западные стандарты человеческого счастья ко всем странам и культурам?» Это вызвало дебаты о необходимости создания новой системы ценностей. Митрополит Кирилл, глава Русской православной церкви, утверждает, что Россия должна разработать свою собственную версию того, что такое права человека и продвигать ее на международном уровне, выступая против «диктаторской позиции» Запада, состоящей в том, что все другие традиции «должны молчать и подчиняться» [4].

Эти события ведут к появлению разрыва между системами культурных и политических ценностей Запада и Востока, разрыва, который Россия намерена заполнить своей идеологией «суверенной демократии». Создавая своеобразный комплекс политических ценностей, отличающийся от западного, Россия формирует тем самым идеалы, которые пригодны для экспорта и в дальнейшем могут стать более привлекательными и приемлемыми для ее соседей. Приступая к обсуждению внутренних политических перемен и постепенно отказываясь от концепции универсальных ценностей, Россия превращает себя в страну, которая может стать центром притяжения для постсоветского региона и источником новой системы его политических и культурных ценностей. Этот тип притяжения и влияния, основанный на привлекательности внутренних политических и культурных ценностей России способен значительно увеличить потенциал российской «мягкой силы» в данном регионе.

Реализация «мягкой силы» через внешнюю политику

Третьим ресурсом, который Най выделяет в качестве источника «мягкой силы», является внешняя политика. Хотя внешняя политика страны охватывает целый ряд сфер, миграционные отношения между Россией и соседними странами оказывают наиболее непосредственное влияние на людей, живущих в этих государствах, и служат мощным фактором изменения восприятия России в регионе. В этом разделе я рассмотрю то, как миграция в Россию используется в качестве инструмента

для наращивания «мягкой силы» в изучаемом регионе.

Существует два типа факторов, которые мотивируют миграцию в Россию. Во-первых, «выталкивающие» факторы, включая высокий уровень безработицы в соседних странах, военные конфликты и политическую нестабильность, которые побуждают потенциальных мигрантов покинуть свою родину. Во-вторых, «притягивающие» факторы, такие как растущая экономика, предоставляющая рабочие места даже для необразованных, возможности получения образования для молодежи и близость к родине, которые делают Россию привлекательной. По данным ООН, Россия занимает второе место в мире после США по общей численности иммигрантов, живущих в пределах ее границ. По официальным данным, 180000 мигрантов посещает Россию ежегодно. Число незарегистрированных мигрантов, по некоторым оценкам, составляет от трех до четырех миллионов [7]. В 2005 г. 95% зарегистрированных мигрантов приехали из стран СНГ, главным образом, Казахстана, Украины, Узбекистана и Кыргызстана.

В связи с ростом экономики и сокращением численности населения, Россия нуждается в мигрантах, чтобы восполнить нехватку рабочей силы, особенно в области строительства, розничной торговли, общественного транспорта, личного и общественного обслуживания. Поскольку уровень безработицы в большинстве стран СНГ выше, чем в России, многие мигранты ищут работу в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск, где существует больше возможностей для трудоустройства. В Армении и в Грузии, на одну вакансию претендуют примерно 100 и 20 человек соответственно, тогда как в России – менее 3 [7]. Эти диспропорции, делающие Россию привлекательной для безработных из стран СНГ, увеличивают российскую «мягкую силу». В связи с тем, что экономики многих стран СНГ в значительной степени зависят от денежных переводов, эти страны нуждаются в отправке трудовых мигрантов в Россию для поддержания своего благосостояния.

В последние два десятилетия миграционная политика России эволюционировала от относительной иммиграционной открытости начала 1990-х гг., основанной на доктрине «laissez-faire», к ограничительным законам об иммиграции начала 2000-х гг., а затем (с 2007 г.) к политике «открытых дверей» для граждан из стран СНГ. Такие изменения в политике свидетельствуют, что Россия рассматривает миграцию и ее регулирование как инструмент влияния и реализации своей «мягкой силы».

В 2000 – 2005 гг. огромный приток в Россию незаконных мигрантов превратился в угрозу национальной безопасности, что привело к ужесточению миграционной политики, в свою очередь, спровоцировавшее дальнейший рост нелегальной миграции. С 2006 г. миграционная политика в отношении граждан СНГ была радикально пересмотрена в сторону либерализации. Возможность безвизового въезда, уведомительная регистрация и упрощенные процедуры получения разрешения на работу вновь открыли российский рынок труда для граждан Армении, Азербайджана, Молдовы, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Украины [9]. В 2007 году Россия установила квоту в 6 млн. разрешений на работу для граждан стран, которые заключили с ней соглашения о безвизовых поездках. В течение 2007 г. трудовым мигрантам из стран СНГ было выдано более 1,2 млн. разрешений на работу, что вдвое больше, чем в 2006 г., и в три раза больше, чем в 2005 г. Заместитель директора Федеральной миграционной службы Вячеслав Поставнин заявил в интервью: «Введением новых законов мы говорим мигрантам из стран СНГ: «Приходите открыто, работайте легально, платите налоги и соблюдайте законы, пользуйтесь равными правами с гражданами России». Мы ожидаем экономической выгоды от их при-

сутствия в России. Со своей стороны, мы гарантируем им уважение и защиту» [9].

По мнению Фионы Хилл из Института Брукингса, «с 2000 г. основной вклад России в безопасность и стабильность своих уязвимых южных рубежей был обеспечен не ее военными базами или развертыванием войск. Скорее он состоял в поглощении избытка рабочей силы из государств региона и перечислении им денежных средств в виде переводов, а не межгосударственной помощи» [8]. В качестве примера можно привести Таджикистан, который, согласно данным журнала «Economist», стал четвертым крупнейшим получателем денежных переводов на душу населения в мире, общий объем которых достиг 37% его ВВП в 2006 г. Денежные переводы в Кыргызстан и Молдову составили около 32% ВВП каждого из этих государств в 2006 г. Хотя в последние годы в связи с экономической ситуацией во всем мире объем денежных переводов сократился, большинство стран СНГ по-прежнему очень сильно зависят от их притока из России. Несмотря на то, что экономическая ситуация в России привела к уменьшению сумм переводов, число мигрантов из таких стран, как Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, едущих в Россию, увеличилось. В 2008 – 2009 гг. билеты в один конец в города России, в основном в Нижний Новгород и Екатеринбург, купило большее число молодых людей. Это говорит о том, что первоначальный шок в связи с сокращением денежных переводов, наряду с более сложной экономической ситуацией за пределами России, увеличивают количество желающих приехать в эту страну [11]. Такая высокая зависимость от российского рынка труда дает России определенную власть. Через установление квот на иностранную рабочую силу, которые могут использоваться в качестве разменной монеты, правительство России получило новый рычаг влияния на своих соседей.

Вторым типом миграции в Россию является молодежная миграция из стран СНГ с целью поступления в российские университеты. Говоря о США, Най пишет: «миллионы людей, которые учились в Соединенных Штатах на протяжении многих лет, являются замечательным резервом доброй воли для нашей страны. Многие из этих бывших студентов в конечном итоге приобретут положение, которое даст им возможность влиять на осуществление политики, важной для американцев» [14, с. 45]. Этот принцип относится и к России. Позволяя студентам из стран СНГ приезжать учиться, Россия получает возможность не только распространять свои политические ценности, но в перспективе, воспитывать будущий политический класс своих соседей. Так, например, 25 из 70 нынешних членов монгольского парламента, а также президент Азербайджана, глава Национального Банка Республики Казахстан, председатель Сената Республики Казахстан и министр иностранных дел Республики Беларусь окончили МГИМО [13]. И этот список касается только одного из московских вузов.

Имея ведущие вузы в регионе, и проводя очень открытую миграционную политику для студентов (особенно по сравнению с ЕС), Россия является привлекательным местом для молодежи постсоветского пространства. По данным Министерства образования и науки, в 2008 году в России учились 15 тысяч студентов из Китая, 13,5 тыс. из Казахстана, 4,4 тыс. из Украины, 4 тыс. из Вьетнама и 3,5 тысяч из Узбекистана и других стран СНГ [7]. Эти цифры показывают, что граждане, получившие образование в России, имеют значительный потенциал влияния не только в странах СНГ. Осознавая это, Министерство образования России создает разнообразные стипендиальные возможности для привлечения иностранных студентов из стран СНГ на учебу в Россию. Фонд «Русский мир» также организовал проведение семинаров и образовательных про-

грамм с целью оказания помощи молодежи стран СНГ в овладении русским языком для обучения в российских университетах.

Воздействие миграции в Россию, а, следовательно, и российской миграционной политики, на постсоветский регион вполне очевидно. Взаимосвязанные потоки трудовых и образовательных мигрантов, движущиеся в Россию, повышают ее привлекательность, а значит и потенциал ее «мягкой силы» в регионе. Миграционные тенденции также имеют сильное влияние на другие источники «мягкой силы», в частности культуру, делая Россию центром интеллектуального развития в регионе и позиционируя русский язык как необходимое средство получения образования и работы.

Заключение

Таким образом, Россия начала инвестировать в «мягкую силу» как инструмент восстановления своего влияния в постсоветском регионе. Экспансия российских СМИ в страны СНГ и Балтии уже оказывает заметное воздействие на распространение информации, а также русского языка и культуры в этом регионе. Создание позитивного имиджа России путем распространения культуры и информации российскими медиа смогло повлиять на общественное мнение и привело к увеличению ее «мягкой силы» на постсоветском пространстве.

Создав концепцию «суверенной демократии», уникальный комплекс политических ценностей, отличный от западного, Россия получила идеологию, которая может быть экспортирована. Приступив к обсуждению внутренних политических перемен и одновременно отказавшись от представления о существовании универсальных ценностей, Россия превращает себя в страну, которая может стать центром притяжения для постсоветского региона и источником новой системы его политических и культурных ценностей. Этот тип притяжения и влияния, основанный на привлекательности внутренних политических и культурных ценностей России способен значительно увеличить потенциал российской «мягкой силы» в данном регионе.

Воздействие миграции в Россию и российской миграционной политики на постсоветский регион, обусловленное взаимосвязью потоков трудовых и образовательных мигрантов, продолжают повышать ее привлекательность, а значит и потенциал ее «мягкой силы» в этом регионе. Миграционные тенденции также имеют сильное влияние на другие источники «мягкой силы», в частности культуру, делая Россию центром интеллектуального развития в регионе и позиционируя русский язык как необходимое средство получения образования и работы. Рассмотрев СМИ, демократию и миграцию, как репрезентативные показатели трех ресурсов, которые, по мнению Ная, лежат в основе роста «мягкой силы», я пришла к выводу, что внешняя политика России направлена на возрождение российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве и эта политика вполне может быть успешной.

Литература

1. Министр обороны России сообщил иностранным журналистам, что

существует особая «восточная демократия» // Newsru.com. 12.07. 2004. [Дата обращения: 19 октября 2010].

2. Медведев проводит обещанную реформу МВД: пятую часть сотрудников уволить, а новых набирать по другим критериям // Newsru.com. 24.12.2009.

3. Обзор внешней политики Российской Федерации, 2007. Электронный ресурс. URL: <http://www.mid.ru>. [Дата обращения: 11 октября 2010].

4. Права человека и нравственная ответственность. 4.04.2006. Электронный ресурс. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/102261.html>. [Дата обращения: 23 октября 2010].

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Электронный ресурс. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>. [Дата обращения: 11 октября 2010].

6. Шедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское. Электронный ресурс. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history9900/shedrovicky-transnatio/. [Дата обращения: 16 октября 2010].

7. Vanjanovic A. «Russia's new immigration policy will boost the population» // Euromonitor International. June 14th, 2007. Электронный ресурс. URL: http://www.euromonitor.com/Russias_new_immigration_policy_will_boost_the_population. [Дата обращения: 23 октября 2010].

8. Hill F. Moscow Discovers Soft Power. Brookings Institute. 2006.

9. Ivankhnyuk I. The Russian Migration Policy and its Impact on Human Development: The Historical Perspective. // UNDP. 2009. Электронный ресурс. URL: http://hdr.undp.org/en/reports/global/hdr2009/papers/HDRP_2009_14.pdf. [Дата обращения: 20 октября 2010]

10. Kimmage D. Kazakhstan: 'Sovereign Democracy' In Almaty And Moscow. 2006 // Radio Free Europe, Radio Liberty. Электронный ресурс. URL: <http://www.rferl.org/content/article/1069741.html>. [Дата обращения: 21 октября 2010]

11. Marat E. Shrinking Remittances Increase Labor Migration From Central Asia. // Central Asia-Caucasus Analyst. Feb. 11th. 2009.

12. Medvedev D. Go Russia! September 2009. Электронный ресурс. URL: <http://www.moscowtopnews.com/?area=postView&id=1546>. [Дата обращения: 21 октября 2010]

13. Mitrofanov A. and Simonov K. The Russian Language In The CIS Countries // Eurasian Home Analytical Resource. 2008.

14. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY., 2004.

15. Popescu N. Russia's Soft Power Ambitions. // Center for European Policy Studies. October 2006. Электронный ресурс. URL: <http://aei.pitt.edu/11715/01/1388.pdf>. [Дата обращения: 12 октября 2010]

16. Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. Nov. 12th, 2009. Электронный ресурс. URL: <http://eng.kremlin.ru/transcripts/297>. [Дата обращения: 11 октября 2010]

17. The 'Humanitarian Dimension' Russian Foreign Policy Toward Georgia, Moldova, Ukraine and the Baltic States // Center for East European Policy Studies. 2009.

18. The Film Industry in the Russian Federation //The European Audiovisual Observatory. Sept 2010. Электронный ресурс. URL: http://www.obs.coe.int/oea_publ/eurocine/russianfilmindustry_nevafilm2010.pdf. [Дата обращения: 11 октября 2010]

19. Tishkov V.A. The Russian Language and the Russian-Speaking Populations in the CIS and Baltic Countries // The Russian Academy of Sciences. 2008.

20. Vladislav Surkov Divides Democracy // Kommersant. June 29, 2006. Электронный ресурс. URL: http://www.kommersant.com/p686274/r_1/Vladislav_Surkov_Divides_Democracy/. [Дата обращения: 21 октября 2010]

21. Zarakhovich Y.A. Victory for Democracy in Ukraine? // TIME Magazine. 2006. Электронный ресурс. URL: <http://www.time.com/time/world/article/0,8599,1223082,00.html>. [Дата обращения: 16 октября 2010]

УДК 001

Литошенко Д.А.

**Состояние регионоведческих исследований
на юге Дальнего Востока России
к концу первого десятилетия XXI в.**

**Condition регионоведческих researches in the south of the Far East Russia
by the end of the first decade of XXI**

В рамках данной части статьи наше внимание будет сосредоточено на том аспекте намеченной ранее исследовательской программы, который вводит читателей в область, имеющую особое значение для воспроизводства высококвалифицированного регионоведческого научного сообщества и весьма показателен для динамики интеллектуальной жизни данного сообщества. Таким образом, мы сосредоточимся на следующих критических измерениях: а) регионоведческие исследования на страницах полидисциплинарного научного журнала «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук»; б) регионоведческие исследования на страницах специализированного научного журнала «Россия и АТР».

Критическое измерение: регионоведческие исследования на страницах полидисциплинарного научного журнала «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук»

Мультидисциплинарный научный и общественно-политический журнал ДВО РАН «Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук» был основан в 1932 году. Журнал выходит с периодичностью 6 номеров в год. Каждый очередной номер журнала содержит в среднем 17 статей. Импакт-фактор журнала, по версии Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), в 2009 г. составлял 0,262. Вопреки информации научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU», электронная сетевая версия журнала недоступна на указанном сайте изданий ДВО РАН [5], что создает дополнительные сложности в обзоре регионоведческих исследований на страницах рассматриваемого издания. Кроме того, данный факт сам по себе дает основания для сомнений в объективности и достоверности информации, предоставляемой Российским индексом научного цитирования, который позиционирует себя как ключевой компонент прогрессивной системы оценки эффективности на-

ЛИТОШЕНКО Денис Александрович, к.и.н., доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (г. Владивосток).
E-mail: magistr@hist.dvgu.ru

Продолжение. Начало см.: Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 1 (12). С. 100-109; Ойкумена. Регионоведческие исследования: Научно-теоретический журнал. 2010. № 3 (14) С. 138-147.

учных исследований в национальных масштабах.

Так же следует обратить внимание на то, что в рассматриваемый период могли быть опубликованы 60 номеров «Вестника ДВО РАН», а общий объем массива опубликованных статей и материалов должен был составить 1020 единиц. В то же время доступный нам по данным сайта «eLIBRARY.RU» массив включает 730 статей и материалов [1], что составляет без малого 71,6 % от максимального объема публикаций на страницах журнала, определяемого исходя из периодичности выходов его очередных номеров и их среднего объема. Следовательно, можно вести речь лишь о доступном нам для анализа сегменте массива публикаций «Вестника ДВО РАН», в связи с чем, остается надеяться, что выявленные нами закономерности окажутся в полной мере справедливы для всей совокупности публикаций журнала.

Необходимо подчеркнуть, что мы вполне осознаем специфику региональной географии авторов «Вестника ДВО РАН», многие из которых проживают за пределами пространственного ареала, определяемого как «юг Дальнего Востока России». Тем не менее, опубликованные ими статьи и материалы оказывали значительное влияние на интеллектуальный климат именно на юге российского Дальнего Востока, а потому могут быть обоснованно отнесены к анализируемому нами массиву публикаций регионоведческой направленности на страницах «Вестника ДВО РАН».

Следует отметить, что вплоть до конца 2005 года номера рассматриваемого журнала не отличались четкой структурной организацией. При таком положении вещей очередные номера издания, в содержательном плане, представляли собой «сборную солянку», наполнение которой определялось, главным образом, состоянием «редакционного портфеля» к моменту их сдачи в печать. Начиная с 2006 года массив публикаций на страницах журнала приобрел достаточно стройную организацию, достигшую в результате развития во второй половине первого десятилетия XXI в. известной степени совершенства. Последнее обстоятельство позволяет выделять два этапа в рамках рассматриваемого периода, различающихся принятым способом структурной организации публикуемых материалов.

Опираясь на данные, опубликованные на сайте «eLIBRARY.RU», можно реконструировать картину регионоведческих исследований на страницах рассматриваемого журнала в течение первого этапа интересующего нас периода – в 2001-2005 гг. [1]. Несмотря на то, что в данный промежуток времени, исходя из периодичности издания, должны были быть опубликованы тридцать номеров «Вестника ДВО РАН», информация имеется только по десяти из них. Общее количество статей, опубликованных на их страницах, достигает 214. Из указанного количества регионоведческую направленность имеют 26 статей и материалов (12 % от общего объема публикаций). На фоне столь скромной доли регионоведческих исследований среди публикаций «Вестника ДВО РАН» 2001-2005 гг., более обнадеживающе выглядят показатели регионоведческих исследований в рамках отдельных номеров журнала, колеблющиеся в пределах от 1/3 – до 2/3 массива публикаций. Наименьший показатель (2/27) у статей, посвященных исследованиям развития системы здравоохранения в Приморье и высшего медицинского профессионального образования на российском Дальнем Востоке, продемонстрирован в рамках номера, отличающегося выраженной медико-биологической тематикой.

Среди прочих статей регионоведческой направленности можно выделить следующие проблемно-тематические группы: археология – 6 статей; региональное науковедение – 5 статей; страны Северо-Восточной Азии – 2 статьи; международные отношения в АТР – 2 статьи; культура

российского Дальнего Востока – 2 статьи; научная жизнь российского Дальнего Востока – 2 материала; этнография, история Русской Америки, проблемы региональной безопасности, экономическое развитие российского Дальнего Востока, литературоведение – по одной статье для каждой из групп. Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод о том, что регионоведческие исследования на страницах «Вестника ДВО РАН» в 2001-2005 гг. отличались археологической, науковедческой и востоковедной специализацией, дополнявшейся устойчивым интересом к региональным международным отношениям и культурному развитию Дальнего Востока России.

Описанное положение вещей может быть объяснено действием таких факторов как: а) исключительная полидисциплинарность журнала, на страницах которого для публикации социогуманитарных исследований предоставляется весьма ограниченное место; б) отсутствие требования обязательного наличия у соискателя ученой степени кандидата наук публикаций в изданиях, входящих в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» ВАК. Однако уже на следующем этапе рассматриваемого периода ситуация кардинальным образом изменилась, и воспроизводство сообщества регионоведов, обладающих высшей научной и научно-педагогической квалификацией, было поставлено в прямую зависимость от наличия у претендента публикаций в соответствующих изданиях, что не могло ни повлиять на позиции, занимаемые статьями и материалами регионоведческой направленности в массиве публикаций «Вестника ДВО РАН».

На протяжении второго этапа (2006-2010 гг.) рассматриваемого периода было опубликовано 30 номеров журнала «Вестник ДВО РАН», о содержании 25 из которых у нас имеются достаточно достоверные и полные сведения. На этом этапе на страницах «Вестника ДВО РАН» было опубликовано 516 статей и материалов. В 16 номерах (64 % от общего числа) «Вестника» 2006-2010 гг. публиковались статьи и материалы регионоведческой направленности. Число статей и материалов регионоведческой направленности достигло 174 (33,7 % от общего количества публикаций). Доля регионоведческих публикаций в отдельных номерах журнала, по большей части, колебалась в тех же пределах, что были характерны для предыдущего этапа. В четырех номерах доля регионоведческих публикаций составляет 100 %.

В содержательно-тематическом отношении безусловным лидером в рамках второго этапа рассматриваемого периода выступают исторические исследования, результаты которых отражены в 43 публикациях (24,7 % от общего числа публикаций регионоведческой направленности). За рамками лидерской группы позиции распределяются следующим образом: экономика – 35 работ (20 %), науковедение – 18 (10 %), археология – 17 (9,8 %), этнография и социология по 13 (по 7,5 %), источниковедение и библиография по 4 (2 %), культуроведение – 3 (1,7 %). Пограничное положение занимают политология и исследования проблем образования, представленные, соответственно, двумя публикациями, доля которых в объеме рассматриваемого массива составляет 1 %. В единственном числе (по 0,6 %) представлены работы, посвященные театроведению, экономической географии, философии, проектам и инновациям (в гуманитарной сфере), государственному управлению, а также дебютные работы научной смены.

Принимая во внимание тематическое распределение публикаций на страницах номеров «Вестника ДВО РАН» в 2006-2010 гг., со всей определенностью можно говорить о том, что на втором этапе периода первого десятилетия XXI в. образ регионоведческих исследований, нашедший отражение в журнале, обладает выраженными историческими

чертами. Традиционно высокой остается публикационная активность представителей археологического и этнографического исследовательских сообществ. На этом фоне все громче заявляют о себе исследователи социологической, культуроведческой и политологической специализаций. Особым, с нашей точки зрения, и весьма любопытным явлением выступает увеличение числа науковедческих публикаций, свидетельствующее об активно идущих в науке юга Дальнего Востока России процессах саморефлексии и самоосмысления, закладывающих основы мировоззренческой и интеллектуальной самодостаточности. Последняя выступает критически важным дополнением к уже давно созданной структурно-организационной самодостаточности. Сочетание этих форм самодостаточности науки региона можно рассматривать как компенсацию по отношению к ностальгически-реставрационным тенденциям централизации и иерархизации национального интеллектуального и научно-образовательного пространства.

Критическое измерение: регионovedческие исследования на страницах специализированного научного журнала «Россия и АТР»

Реферируемый, специализированный научный журнал «Россия и АТР», учрежденный и издаваемый ДВО РАН и Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН), выходит в свет с октября 1992 г. под руководством бессменного главного редактора – директора ИИАЭ ДВО РАН, доктора исторических наук, профессора В.Л. Ларина [3]. По утверждению редакционного раздела на официальном сайте журнала «на страницах издания освещаются гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Приоритетное место среди них занимают материалы по вопросам истории, археологии, этнографии, культуры, политики, международных отношений. Тематический диапазон журнала в значительной степени направлен в сторону государств АТР. Это обусловлено известной необходимостью активной интеграции России, ее дальневосточных районов со странами региона. Публикации журнала всесторонне и под различными, порой диаметрально противоположными углами зрения, но всегда компетентно отражают процессы, проблемы исторического прошлого и настоящего России» [3], и у нас нет ни малейших оснований сомневаться в справедливости подобных заявлений.

В тематическом плане журнал соответствует коду 23.00.00 «Комплексное изучение отдельных стран и регионов» Государственного рубрикатора научно-технической информации (ГРНТИ), соседствуя и успешно конкурируя в этом проблемном поле еще с 75 отечественными и зарубежными изданиями [2]. С момента основания и вплоть до настоящего времени журнал «Россия и АТР» выходит с периодичностью 4 номера в год. Средний объем очередного номера журнала – 19 статей и материалов. За период существования журнала вышло в свет не менее 76 очередных номеров, общий объем массива опубликованных на их страницах статей и материалов составляет около 1444 единиц. Импаکت-фактор РИНЦ журнала «Россия и АТР» в 2009 году равнялся – 0,057 [2], что, без малого, в 4,6 раза меньше чем у рассмотренного выше «Вестника ДВО РАН».

Однако соотношение индексов научного цитирования – не единственный параметр, по которому можно произвести сравнение двух журналов. В новейшей истории обоих изданий прослеживаются закономерные этапы и вехи. Не будет преувеличением вести речь о том, что эти два издания образуют систему иерархии форм публикации результатов исследований, в рамках которой журнал «Россия и АТР» выступает в ка-

честве ключевого, базового компонента. Журнал «Россия и АТР», как и «Вестник ДВО РАН», оказался чувствительным к изменениям «правил диссертационных игр», произошедшим на рубеже XX-XXI вв., когда либерализация требований к публикациям результатов диссертационных исследований достигла своего максимума. Максимальные выгоды были извлечены журналом и из перемен обратной направленности во второй половине первого десятилетия XXI в.

В силу того, что журнал «Россия и АТР» является своего рода «домашним» изданием ИИАЭ ДВО РАН, тематика публикаций, представленных на его страницах, в решающей степени определяется приоритетными направлениями исследований данного учреждения, специализацией и профессиональными интересами его научных сотрудников, проблематикой диссертационных исследований его аспирантов и соискателей. Тем не менее, журнал «Россия и АТР» не замыкается в границах академического научного сообщества, а, напротив, активно привлекает сторонних авторов, в том числе и, из-за рубежа. Активно публикуются на страницах журнала представители вузовской научно-образовательной общественности. «Россия и АТР» имеет давние связи с профессорско-преподавательским составом, аспирантами и соискателями ДВГУ, ДВГТУ, УГПИ, МГУ им. адм. Г.И. Невельского, ВГУЭС, Владивостокского филиала РТА и др.

Вторая половина 2007 г., ознаменована в новейшей истории журнала «Россия и АТР» одним весьма примечательным и, без преувеличения, уникальным для данного издания явлением. Начиная с четвертого номера за этот год, в журнале появляется постоянная тематическая рубрика, получившая название «Политология» [4]. Надо признать, что данное явление имеет определенную предысторию, уходящую в середину 70-х годов XX в., когда ИИАЭ ДВО АН СССР издавался информационно-аналитический бюллетень «У карты Тихого океана» (возрожденный в 2007 г. [6]), на страницах которого большое место занимали публикации по проблемам международных отношений в АТР и политического развития стран региона. Тяготение к международной проблематике унаследовал и журнал «Россия и АТР». Статьи и материалы по проблемам международных отношений занимали заметные позиции в массиве его публикаций. Обособление же постоянной политологической рубрики было обусловлено введением в действие в июле 2007 г. очередной редакции «Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», в которой публикации в журнале «Россия и АТР» рекомендовались экспертным советом по политологии [7]. В настоящее время, в соответствии с редакцией «Перечня...» от 22.10.2010 г., подобной рекомендации не заявлено, а потому страницы журнала открыты для авторов, чьи исследования лежат в фарватере его традиционных тематических рубрик: 1) Дальний Восток России: история и современность, 2) историография, 3) всеобщая история, 4) международные отношения, 5) культура, 6) археология, этнография, 7) история и культура стран Восточной Азии, 8) из военной истории, 9) информационные технологии, 10) сообщения, 11) рецензии, 12) научная хроника и др. В целом можно говорить о том, что представленные на страницах журнала «Россия и АТР» статьи и материалы тяготеют к таким тематическим полюсам как: а) история Дальнего Востока России (в широком понимании истории); б) история стран Восточной Азии и АТР (опять же, в широком понимании истории); в) политика и международные отношения в региональном измерении; г) отраслевое и региональное науковедение.

Следует признать значительный вклад журнала «Россия и АТР» в воспроизводство, структурирование и организацию регионоведческого научного сообщества. Указанные направления деятельности журнала,

без преувеличения, выступают ключевыми аспектами его социокультурной миссии. Предоставляя свои страницы для публикации научных работ соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук журнал напрямую участвует в процесс воспроизводства наиболее высококвалифицированных стран регионоведческого научного сообщества в ареале всего отечественного Дальнего Востока, опираясь на тесные связи с рядом диссертационных советов по историческим, политическим, философским наукам, искусствоведению и культурологии, действующих в научно-исследовательских и образовательных учреждениях региона. Уже достаточно длительный срок являясь специализированным каналом научной коммуникации и привлекательной площадкой для обнародования результатов исследований, журнал «Россия и АТР» самим фактом своего существования и функционирования, задает контуры структурной организации регионоведческого научного сообщества, сочлены которого, простейшим образом, делятся на тех, чьи работы публикуются на страницах издания и тех, кто не входит в круг его авторов. Продолжением процесса структурирования регионоведческого научного сообщества выступает его формальная организация вокруг журнала, что, с учетом использования ресурсов ИИАЭ ДВО РАН, объединенного с «Россией и АТР» общим менеджментом, в значительной степени, журналу удается.

Таким образом, принимая во внимание изложенное выше, можно утверждать, что научный журнал «Россия и АТР» выступает полноправным субъектом поля регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока, а массив опубликованных на его страницах статей и материалов в полной мере отражает проблематику, уровень и масштабы исследований региональной направленности, проводившихся в первом десятилетии XXI в. в научно-образовательном пространстве рассматриваемого географического ареала.

Итак, подводя итог третьей части статьи, посвященной состоянию регионоведческих исследований на юге Дальнего Востока России к концу первого десятилетия XXI в., представляется возможным сформулировать некоторые промежуточные выводы. В первую очередь необходимо отметить, что рассмотренные критические измерения позволяют получить два весьма любопытных среза проблемного массива регионоведческих исследований на юге российского Дальнего Востока, каждый из которых выступает своего рода зеркалом как научных интересов представителей сообщества исследователей-регионоведов, так и спектра приоритетов ключевых субъектов поля регионоведческих исследований, существующих в форме специализированных учреждений. Далее, следует отметить открывающуюся возможность прогнозировать эволюцию исследовательского профиля регионоведческого научного сообщества и его отдельных представителей, по мере смены поколений интеллектуалов, тяготеющих к области регионоведческих исследований.

В целом можно сделать заключение о том, что массив регионоведческих научных публикаций на страницах рассмотренных журналов свидетельствует о закреплении за регионоведческими исследованиями прочных позиций в ряду приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности и устойчивом их функционировании в качестве комплексной, междисциплинарной сферы профессиональной активности ряда поколений ученых самого широкого спектра исследовательской специализации.

Окончание следует

Литература

1. Журнал «Вестник Дальневосточного отделения РАН» Электронный ресурс Электронный ресурс. URL: <http://elibrary.ru/issues.asp?id=2774> [Дата обращения: 17 февраля 2011].
2. Журнал "Россия и АТР" Электронный ресурс Электронный ресурс. URL: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7321 [Дата обращения: 20 февраля 2011].
3. Журнал "Россия и АТР" Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: <http://riatr.ru/index.html> [Дата обращения: 20 февраля 2011].
4. Журнал "Россия и АТР". № 4. 2007. Содержание // Журнал "Россия и АТР" Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: http://riatr.ru/2007_4.html [Дата обращения: 21 февраля 2011].
5. Издания ДВО РАН // Официальный сервер ДВО РАН Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: <http://www.febras.ru/izdat.html> [Дата обращения: 16 февраля 2011].
6. Информационно-аналитический бюллетень "У карты Тихого океана" Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: http://www.febras.ru/~ihae/pacific_ocean_map.html [Дата обращения: 21 февраля 2011].
7. Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (редакция июль 2007 года) Электронный ресурс. Электронный ресурс. URL: http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/VAK/files_help_desk/per3.doc [Дата обращения: 21 февраля 2011].

УДК 81'23[571.63+519.5]

Трегубова И.Г.

Диалог культур: русские и корейские соматические речения

Dialogue of cultures: Russian and Korean somatic phrases

Человек, как говорящая личность, как член социума и как носитель комплекса биологических и психологических черт в конце XX столетия стал объектом особого внимания исследований в области языкознания.

Изучение влияния экстралингвистических, а именно, социо- и психолингвистических факторов, на построение и функционирование высказывания вышло на первый план многих современных научных работ. В то же время не менее важным нам представляется составление речевого портрета не конкретного, а обобщенного носителя языка – представителя некоторого социума (от небольшой социальной группы до этноса).

В настоящее время существует проблема взаимодействия, взаимовлияния и ассимиляции различных национальных культур. Особенно остро этот вопрос стоит на приграничных территориях, какой является Приморский край. Приморье и Владивосток, в частности, всегда отличались многонациональным составом. В XXI веке доля иностранного населения в Приморье резко возросла, в том числе и среди студенческой молодежи, чему способствуют различные образовательные программы. Исследования в области взаимосуществования, взаимопроникновения разных культур, прежде всего, способны помочь взаимопониманию между представителями разных народностей.

Язык – важнейшее, но не единственное средство человеческого общения. Значительную роль в процессе коммуникации играют невербальные средства общения. Среди них важное место занимают соматизмы – значащие жесты, позы, мимика и выражение лица. Человек может выразить согласие словесно, а может в знак одобрения поднять руку (на собрании), или зааплодировать (на митинге), или кивнуть головой (в быту). Соматические речения разных представителей этноса имеют свою специфику.

Как таковое, соматическое речение не является единым и нерасчленённым. Оно состоит как бы из двух ярусов. Первый ярус – значение конкретного, зримого действия, к примеру, поворот головы влево и вправо один или несколько раз. Это первичное значение соматического речения «качать головой». Однако само действие в свою очередь обозначает символическое (коммуникативное, интенциональное) значение несогласия, отрицания, что и составляет вторичное значение этого сомати-

ческого речения. Второе значение непосредственно с формой не связано. Оно как бы через посредство первичного значения устанавливает связь со звучащей формой данного соматического речения. Одно и то же соматическое речение нередко обозначает несколько соматизмов. По свидетельству одних исследователей, речение «махнуть рукой» отражает по крайней мере пять различных жестов, по свидетельству других – восемь. Далее, каждый из этих соматизмов в свою очередь может иметь несколько самостоятельных вторичных значений. Так, соматическое речение «щелкать пальцем», имеющее одно первичное значение – резким отрывом соединённых большого и среднего пальцев производить короткие звуки, в разной речевой ситуации передаёт значение радости, желание вспомнить забытое, одобрение хорошей идеи, досады. Выделение и выявление первичных и вторичных значений соматических речений имеет большое практическое значение для сопоставительного изучения соматизмов разных культурно-языковых общностей.

Национальная самобытность соматических речений проявляется как в их первичных, так и вторичных значениях. Соотносительные соматические речения двух языков могут совпадать или расходиться в представленных этими речениями конкретных действиях и передаваемой этими действиями информации. На этой основе и строится сопоставительное изучение соматических речений разных языков. Нами было произведено сравнительное исследование русских и корейских соматических речений студенческой аудитории Академического колледжа ВГУЭС.

Выяснилось, что в русском и корейском языках первичное и вторичное значения соматизмов имеют как совпадения (в большинстве своем), так и различия.

К примеру, соматизм «манить рукой» различается тем, что у русских рука развернута к себе, можно поманить одним указательным пальцем, у корейцев же кисть руки направлена «от себя», а манить одним пальцем не принято. Обозначить себя как «я» через невербальное речение русский человек способен, направив большой указательный палец в грудь. Для выражения того же значения кореец направляет указательный палец на нос. «Наклон, поворот головы» во вторичном значении может трактоваться как указание на предмет или человека, как подтверждение, согласие, благодарность, легкое приветствие. Представитель Кореи кивок головы с поясничным наклоном воспримет однозначно как выражение почтения при прощании.

Надо отметить, что представители русской национальности жестикуют больше и активнее, чем корейцы, которые, в силу своей культуры, эмоционально более сдержанны. Амплитуда жестов у русских также больше. Отличаются у русских и корейцев роль и активность разных частей тела. Так, все движения головой у корейцев строго выверены и лишней раз не используются, менее подвижны и руки, если есть необходимость при разговоре задействовать их для жестикуют. Язык жестов вообще более присущ русскому человеку. Можно отметить целую «цепь» определённых движений при коммуникации. Так, американский психотерапевт Эрик Берн назвал знаки, которые мы подаём друг другу во время приветствия, «поглаживаниями»: «Правильно сказать «здравствуйте» – это значит увидеть другого человека, почувствовать его как явление, воспринять его и быть готовым к тому, что у него будет адекватная реакция». В приветствии, пишет учёный, содержится один из принципов гуманизма. Мы улыбнулись другому и поклонились, нам ответили тем же – это был обмен «поглаживаниями», то есть приятными ощущениями. В результате получается эмоциональное общение, где своеобразный контакт по отношению к другому – знак доверительности:

«у меня нет с собою оружия», «я открыт перед тобою», «ты можешь дотронуться до меня, чтобы убедиться в моей искренности».

Восточный народ – корейцы – более сдержанны в проявлении своих чувств. Нельзя сказать, что они не обнимаются и не целуются, или значения этих соматизмов чем-то отличаются от русских, и всё же в публичной обстановке для корейцев такое проявление нежности считается неприемлемым. Так, на прощанье не обнимаются и не целуются даже родные, в отличие от русских. Как не вспомнить в данном случае строки Константина Симонова: «...в бой провожая нас, русская женщина порусски три раза меня обняла».

В связи с расширением международных связей в области соматических речений наблюдается так называемая аккультурация, под которой понимается процесс усвоения личностью, выросшей в определенной культуре, элементов этой культуры. Элементом аккультурации, к примеру, явилось посылание воздушных поцелуев, которые в последние годы стали появляться на корейской сцене.

Что заимствовали корейцы у русских в области соматических речений? Пока определённо сказать трудно. Но растущее общение двух национальностей, усилившееся особенно в последнее десятилетие, даёт возможность говорить о взаимовлиянии двух культур, а значит, и о взаимопроникновении, в том числе, и соматических речений в языки этих народов.

УДК 371

Михалёва И.В.

Президент Российской Федерации, как субъект современного политического процесса

**The president of the Russian Federation,
as the subject of modern political process**

Занимая высшую должность в системе государственной власти РФ, Президент призван осуществлять важнейшие функции в сфере государственного управления, от его решений зависит характер проводимых в обществе преобразований и реформ, что существенно влияет на внутривластное развитие страны и на отношение населения к государственной власти. В данной статье автор ставит цель дать оценку Президенту России как субъекту современного политического процесса.

Рассмотрение данной проблемы представляется актуальным в свете понимания особенностей современного политического процесса в России. Особенно важно обозначить участие Президента в определении стратегического курса внутривластного развития страны и определить факторы, влияющие на эффективность политики, проводимой Президентом. Интерес представляет также анализ персоны нынешнего Президента России Д.А. Медведева.

Институт президентской власти в России имеет сравнительно короткую историю. Пост избираемого всенародно Президента РСФСР был установлен в соответствии с результатами всероссийского референдума в марте 1991 г. Первый Президент РСФСР был избран путем прямых всенародных выборов 12 июня 1991 г. Конституция Российской Федерации (1993 г.) внесла существенные изменения, касающиеся как статуса Президента, так и порядка его избрания, компетенции, процедуры отрешения от должности. Конституция исходит из ведущего положения Президента в системе государственных органов власти. Президент как глава государства в России не входит в систему разделения властей, а возвышается над нею, осуществляя координирующие функции [3, с. 68].

Президент является гарантом Конституции России, прав и свобод человека и гражданина. Он представляет Россию внутри страны и на международной арене, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства.

Президентом может быть избран гражданин России не моложе 35 лет, постоянно проживающий в стране не менее 10 лет. Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избиратель-

ного права при тайном голосовании. Одно и то же лицо не может быть Президентом России более двух сроков подряд [2, с. 75].

Президент России, в соответствии с Конституцией, назначает выборы в Государственную Думу, распускает Государственную Думу, назначает референдум, вносит законопроекты в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные законы, назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации и имеет право председательствовать на заседаниях Правительства. Он же имеет право принять решение об отставке Правительства.

Президент представляет Государственной Думе кандидатуры на должности (назначение и освобождение): Председателя Центрального банка Российской Федерации; Председателя Счетной палаты и половины состава ее аудиторов; Уполномоченного по правам человека.

Президент рассматривает решение Государственной Думы о недоверии Правительству; согласует с Советом Федерации назначение и освобождение от должности: Генерального прокурора Российской Федерации; судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда.

Президент России, осуществляя руководство внешней политикой России, подписывает международные договоры и грамоты. Он является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами России, вводит на территории страны военное положение, а при определенных обстоятельствах, вводит чрезвычайное положение, решает вопросы гражданства России и осуществляет помилование.

Президент России обладает неприкосновенностью. Он может быть отрешен от должности Советом Федерации по инициативе Государственной Думы. Однако процедура отрешения чрезвычайно сложна.

В правовом государстве статус главы государства максимально точно определяется Конституцией и принятыми на ее основе законами. Это необходимо для того, чтобы лицо, занимающее высшее положение в государстве, имело ясные права и обязанности и не могло, выходя за установленные пределы, своими действиями порождать угрозу конституционным правам и свободам граждан. Устойчивость конституционного строя, гражданский мир и реальность прав и свобод граждан в решающей степени зависят от баланса и гармонии между поведением главы государства и других органов власти.

Конституционный статус реализуется в нормах Конституции, определяющих функции и полномочия главы государства. Эти два понятия очень близки, но не тождественны. Под функциями понимаются наиболее важные общие обязанности главы государства, вытекающие из его положения в системе органов государственной власти. Полномочия же вытекают из функций и состоят из конкретных прав и обязанностей главы государства по вопросам, отнесенным к его компетенции. В той мере, в какой функции и полномочия присущи исключительно главе государства (т.е. не делятся с парламентом, правительством, судебными органами), они называются прерогативами главы государства (например, предлагать парламенту кандидатуру на пост главы правительства, присваивать высшие воинские звания).

Существенное отличие статуса Президента Российской Федерации заключается в его доминирующем положении во взаимоотношении с другими ветвями власти. Как справедливо отмечает отечественный политолог В. Никонов, российский президент «обладает и исполнительными правами, поскольку формирует правительство и фактически руководит им. И законодательными, поскольку издает указы. И судебными, поскольку может выступать арбитром в спорах между центральной и региональной властью» [2, с. 75].

Под руководством Президента России в стране проводятся реформы, направленные на демократизацию и либерализацию, создание гражданского общества и правового государства. Однако цена этих реформ оказалась очень высокой: в 1990-х гг. произошло падение промышленного и сельскохозяйственного производства, оказалась разрушенной система социальной защиты, у большинства населения ухудшилось материальное положение по сравнению с дореформенным периодом. Реформы были проведены в интересах небольшой части населения. Лишь в последние годы начался рост промышленного производства, произошла некоторая политическая стабилизация, но страна по-прежнему остается бедной с большим количеством нерешенных проблем.

Все это дает основание оппозиции утверждать, что Конституция Российской Федерации предоставила Президенту слишком много прав и обязанностей, поэтому необходимо перераспределение полномочий между Президентом и другими ветвями власти.

Сегодняшний президент РФ – Дмитрий Медведев долгое время считался темной лошадкой российской политики. Медведев долгое время создавал себе имидж прогрессивного политика – признавался в любви к тяжелому року и вставлял в речь молодежный сленг. Некоторое время назад политологи рассматривали его как либеральную альтернативу более жесткому Сергею Иванову – Медведев даже вступил в заочную дискуссию со своим оппонентом, отметив, впрочем, что серьезных разногласий между либералами и силовиками в Кремле нет. Дмитрий Медведев в Кремле считался либералом – как один из немногих приближенных президента, не служивший в органах. Его называли мягким и не слишком амбициозным политиком, готовым поступиться высокими постами, если попросят. Медведев не был замечен ни в принадлежности к какой-либо политической партии, ни в участии в стычках кремлевских силовиков. При этом его считали опытным аппаратчиком и мастером подковерной интриги. В Кремле, по некоторым данным, за глаза его называли «Визирь» [3, с. 90].

Выдвижение Дмитрия Медведева в качестве преемника Путина оказалось еще одним неожиданным ходом Владимира Владимировича, который не устает «удивлять» своими «экспромтами» как российскую, так и мировую общественность. Ставка на Медведева предопределяет президентско-премьерский конфликт, который разгорится в России и заставит выступать Путина в качестве арбитра в межэлитных войнах.

Несмотря на немного «своеобразную» форму выдвижения (когда четыре партии, еще недавно конкурирующие на выборах, выставляют единого кандидата и подают на рассмотрение действующему президенту), она, пожалуй, наиболее точно отображает реальный механизм определения преемника в России. Речь идет о коллективном характере принятия решения (по крайней мере, публично), где мнение самого Путина является пусть и решающим, но далеко не единственным и всеопределяющим.

В любом случае, кандидатура Медведева была оптимальна с точки зрения уравнивания позиций внутрикремлевских групп, где был заметен перекося в сторону усиления «силового крыла» и ущемления «либералов» (вспомним нападки на Алексея Кудрина и его окружение).

Также, немаловажным фактором для поддержки Медведева Кремлем можно считать его реноме как представителя идеального типа «мягкого» реформатора, который хоть и не завоевал большой народной любви на уровне социальных реформ, но все же, в отличие от остальных либералов не получил колоссальный антирейтинг, как, например, министры Греф или Зурабов [3, с. 90].

Еще одним важным «за» для Медведева являлась его «удобо-

варимость» для Запада по сравнению с другими претендентами. Еще в январе 2009 года выступление Медведева в Давосе было расценено как презентация нового преемника Западу, об рыночную либерально-демократическую риторику которого разбивались все привычные нападки западных журналистов.

Главный кремлевский либерал – такое определение закрепилось за Дмитрием Медведевым. Не работал в органах госбезопасности – тоже немаловажно для имиджа нынешнего госчиновника. Начало этому образу положило одно из первых интервью Медведева в ранге руководителя кремлевской администрации.

Впрочем, это не так важно. Президент тоже как-то пообещал, что государство не будет банкротить ЮКОС. Или другое либеральное интервью Медведева – уже журналу «Эксперт» летом прошлого года, где он ставит под сомнение набирающий популярность термин «суверенная демократия».

Но этим, пожалуй, публичная жизнь Медведева и ограничивалась. Он, что называется, молчун. Никаких ярких заявлений, подобно Сергею Иванову, не делал, участвовал в довольно скучных мероприятиях, хотя русским языком владеет лучше большинства чиновников. Свою роль в этом сыграла и работа Медведева – руководитель администрации – фигура не самая публичная. Да и назначение главным по социальным нацпроектам – поездки по фермам и сельским библиотекам – не лучшая стартовая позиция для громких речей.

С другой стороны, Медведев не раз делал попытки стать ближе к народу. Например, хорошо подготовился к пресс-конференции в Интернете и, в отличие от Путина, охотно шутил на темы, популярные в сети – про Медведева и «олбанский язык».

Но это все крохи – хоть в биографии Медведева нет темных пятен, известен он был широким слоям населения не больше, чем другие министры. Зато среди чиновников он пользовался уважением – дипломированный юрист, без пяти минут профессор, его учебник по гражданскому праву уже полтора десятилетия штудируют питерские студенты. Отношение к Медведеву соответствующее – прекрасный специалист, либерал, сторонник рыночной экономики.

Но главное – при всей своей либеральности Медведев неизменно подчеркивал – никаких группировок в Кремле нет, все делают одно общее дело.

Как показывает мировой опыт, национальные лидеры в условиях народовластия не в состоянии обеспечивать легитимную преемственность политической власти. Поэтому Президенту Д.А. Медведеву придется выбирать: или восстанавливать трудную и сложную для нынешнего Кремля модель консенсусного управления федерацией, или же продолжать укрепление путинского авторитаризма и централизации [1, с. 108].

Итоги 2008 года пока говорят о том, что принципиально никто ничего не хочет менять. Но надолго ли сохранится такое равновесие? Ведь сложившаяся за последние годы система бюрократического руководства страной не способна к развитию в условиях кризисных явлений. Путинская бюрократия – это усредненная, безынициативная и неспособная к творчеству чиновничья среда, прежде всего, из-за низкого уровня профессионализма и образования.

Она эффективна только в условиях политической и экономической стабильности и проявляет активность в большей мере лишь для очищения системы от инородных явлений.

Делая вывод, следует заметить, что путинская модель управления не справилась со стратегической задачей – она не сумела реализовать

формулу совмещения общественного развития и порядка в стране.

Самым важным для Президента России в условиях существующего политического окружения является поиск консенсусных механизмов обеспечения своей автономности. Без этой свободы самостоятельные и эффективные политические решения на уровне Президента России невозможны. Если эта проблема не будет решена, то возникнет опасный прецедент двоевластия. Для современного, еще неокрепшего российского государства, имея в виду, что Президент России – глава государства и гарант Конституции, это чревато серьезными политическими последствиями.

Устремления действующей властной элиты по удержанию своих полномочий любой ценой вплоть до 2020 года бессмысленны и тоже чреваты непредсказуемыми политическими последствиями. Если гражданам России не будет обеспечено реальное право на участие в государственном управлении через право выдвигать (без учета партийной принадлежности) свою кандидатуру и быть избранным депутатом, мэром, губернатором или Президентом России, то все, что делалось за последние четверть века М. Горбачевым, Б. Ельциным и другими лидерами советской и российской демократии, будет отброшено назад вместе с обветшалыми и формальными демократическими институтами.

Сторонники данного института убеждены в необходимости сильной централизованной власти в стране в период реформ. «Президентский вариант» разделения властей в государстве они считают оптимальным вариантом для стран с переходной экономикой. Сильная власть, по их мнению, позволяет эффективно управлять и предупреждать возникновение политических конфликтов. Она необходима для обеспечения единства государственной власти. Недостатки существующей формы правления объясняются тем, что президентской власти приходится действовать в сложных условиях, на неблагоприятном социальном фоне.

Противники института президентства в современном его виде убеждены, что Конституция была смоделирована под конкретного лидера. Следствием этого стало формирование государственной системы, где Президент обладает чрезмерно сильной властью, позволяющей ему проводить радикальные реформы, а парламент ослаблен, и поэтому принцип разделения властей не реализуется.

Однако, следует отметить, что Президент в любом случае является очень влиятельной фигурой в политической жизни страны, выступая как своеобразный символ государства и играя решающую роль в определении политики государства.

Литература

1. Баранов Н.А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы. СПб., 2008. 276 с.
2. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
3. Современная российская политика: Курс лекций / Под ред. В. Никонова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Дацышен В.Г.

Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони

The Russian regions in works of foreign researchers: «Siberian republic Tuva» of Indian historian S.K. Soni

История российских регионов вызывает неизменный интерес у зарубежных исследователей. Однако, зачастую, иностранные историки игнорируют российские архивы и работы местных ученых. В результате возникает крайне упрощенная и значительно искаженная картина исторического развития российских регионов. В качестве примера можно привести статью известного индийского историка Шарада К. Сони «Сибирская республика Тува» [10, с. 269].

Работа Ш.К. Сони была опубликована в переводе на русский язык в 2008 г. в сборнике материалов состоявшейся в Калькутте конференции «Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия». Благодаря этой публикации научная общественность получила возможность познакомиться с современным уровнем знаний и представлений по истории указанного сибирского региона за рубежом. Сразу следует отметить, по мнению индийского историка, Тува является «самой небольшой и отдаленной республикой в составе Российской Федерации». Не вполне понятно, что скрывается за выражением «самая небольшая и отдаленная», но Тува действительно является уникальным во всех отношениях регионом. Здесь уместно отметить, несмотря на то, что уже в XVII-XVIII вв. работы изучавших Туву русских и состоявших на службе в России европейских путешественников и исследователей, стали достоянием мировой науки, и сегодня даже серьезные зарубежные ученые представляют этот регион лишь в виде «этнографической экзотики». Показательно, известный японский исследователь Тодорики Масахико, автор работы «Тува и Южная Сибирь», в предисловии к историко-картографическому исследованию «Старые карты Тувы» написал: «Тувинцы достигли международной известности из-за их горлового пения хоомей и почтовых марок. Тува стала также хорошо известна благодаря известному физика Р. Фейнману» [12, р. 3].

Ш.К. Сони принадлежит к числу современных историков, достаточно широко известных не только в своей стране, но и за рубежом, в Европе, США, Китае¹. Специализируясь на проблемах истории Цен-

ДАЦЫШЕН Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: dazishen@mail.ru

¹ 45-летний доктор Шарад К. Сони является сотрудником Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Assistant Professor at the Central Asian Studies Division, Centre for South, Central, Southeast Asian and Southwest Pacific Studies,

тральной Азии, он продолжает известную традицию изучения истории региона через призму «Большой Игры» (The Great Game). Данный подход, являясь популярным в англо-саксонской историографии, имел прочные позиции в Британской Индии, а сейчас мода на него возродилась и в России [6]. Статья «Сибирская республика Тува» написана не «по случаю». Ш.К. Сони является автором целой серии известных монографических исследований по истории Монголии и международных отношений в регионе [14; 15]. В частности, проблемы истории Тувы и русско-тувинских отношений он уже рассматривал в своей известной монографии «Монголо-русские отношения: от Кяхты до Владивостока» [14, p. 73-81]. В ситуации повышения интереса отечественных историков к зарубежным исследованиям, целесообразно сравнить защищаемые индийским коллегой подходы и концепции с имеющимися у нас фактами и документами по данному поводу.

В начале своей статьи Шарад Сони заявляет: «Подоплека вхождения Тувы в состав бывшего СССР отражает всю историю российско/советско-китайского соперничества за доминирование в монгольском приграничье. И это соперничество, в котором Россия одержала победу над Китаем, претендовавшим на установление контроля над Тувой, всегда мешало попыткам объединения Тувы с Монголией на основе общих этнических и культурных связей» [10, с. 269]. Данный принципиальный тезис дается со ссылкой лишь на статью старейшего американского советолога и монголоведа Роберта Артура Рупена, но без учета богатейшей российской историографии¹. Что касается тувинско-монгольской «общности», то уже первая русская экспедиция в этот регион 1608 г. информировала: «ясашные люди алтыновы от Алтына-царя отступили и с ним воюютца» [9], а в современной науке тувинско-монгольские противоречия нередко ставятся в качестве самостоятельного предмета исследования [7], проблема и сегодня не теряет своей актуальности [2]. Та мысль, что русско-китайское соперничество стало непреодолимым препятствием для объединения Монголии и Тувы, не нова, но уважаемый коллега из Индии, как и его предшественники, почему-то не стал затруднять себя поисками фактов и доказательств.

Говоря об истории Тувы в составе Цинской империи, автор пишет, что вся ее территория вошла в состав монгольского Сайн-нойон-ханского аймака [10, с. 270]. На самом же деле, в XVIII в. чиновником, назначаемым правителем Саин-Нойоновского аймака, управлялся лишь Бээзи (Бэйсэ Хемчикский) хошун, некоторые тувинские сумоны были под властью правителя Цзасакту-хановского аймака, но подавляющее большинство территории и населения современной Тувы были объединены в аймак под властью наследственного тувинского амбын-нойона [3; 4; 5; 13]. Фактически Тува в составе Цинской империи представляла из себя территориально-национальное автономное государственное образование во главе с амбын-ноеном. Правителю Оюнарского хошуна, за которым была закреплена должность амбын-ноена, подчинялись наследственные владетели Тоджинского, Салчакского и Хемчикского хошунов. А по ряду вопросов ему подчинялись и принадлежавшие монгольским феодалам Бээзи хошун, Сартул, Шалык, Маады и Чооду сумоны. Таким образом, формирование тувинской государственности в недрах Китайской

School of International Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India). В 2005-2006 гг. он работал в качестве приглашенного преподавателя в Школе международных исследований Пекинского университета, а, кроме того, работал в Монголии, Европе, США.

¹ В своей работе автор не упоминает даже вышедшую в Новосибирске накануне конференции обобщающую коллективную монографию по рассматриваемой теме: История Тувы: В 3 т. Т. II / Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.

империи напрямую не было связано ни с «Большой Игрой», ни с русско-китайскими отношениями. Более того, именно китайско-монгольские противоречия были важнейшим фактором «обособления Тувы».

Вызывает вопросы следующий тезис: «...царская Россия стала проявлять интерес к идее присоединения Тувы. Первый шаг в этом направлении был сделан в ноябре 1911 г. после того, как в результате успешной борьбы против маньчжурского господства во Внешней Монголии было провозглашено создание автономного государства» [10, с. 272]. Не вполне понятно, что имеется в виду под «царской Россией», если речь идет о власти и обществе в лице ее заметных представителей, об общественном мнении, то в России всегда было достаточно много сторонников немедленного присоединения Урянхайского края. Например, об этом говорилось в известной работе «Рассуждение о предприятии войны с китайцами, сочиненное в 1763 г. коллежским советником и Академии Наук профессором бывшим действительным статским советником и кавалером Миллером». Если же говорить о 1911 г., то уже в «Протоколе Совещания под председательством Иркутского Генерал-Губернатора Егермейстера Двора Его Императорского Величества Тайного Советника Князева» от 28 февраля 1911 г. было записано: «Было бы очень важным фактором в нашу пользу, если бы урянхи сами добровольно отказались платить подати Китаю, оставаясь на первое время перед китайским правительством вне чьего либо подданства. На эту меру, может быть, урянхи пойдут с известной готовностью, как обеспечивающую развитие их благосостояния, но необходимо будет поддержать Амбань-нойона нашим небольшим отрядом, чтобы обеспечить за ним безопасность со стороны китайских властей и подчинить ему другие мелкие урянхайские власти. Потом было бы возможным, оставляя урянхов под нашим влиянием, ввести среди кочевников необходимые реформы, не затрачивая на них русских средств и заселяя беспрепятственно страну, а потом постепенно и присоединить край» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 771. Л. 21). Таким образом, «первый шаг был сделан» не только до объявления монголами своей независимости, но и до начала Синьхайской революции, и совершенно вне прямой связи с этими событиями.

Не подтверждается документами и заявление уважаемого индийского ученого (со ссылкой на того же Р.А. Рупена) о том, что: «большинство коренных тувинцев разделяли это стремление (войти в состав Монголии – В.Д.), о чем свидетельствует тот факт, что в 1912 г. даже тувинский амбань-нойон Комбу Доржу обратился к правительству в Урге с просьбой о включении Тувы в состав Монголии» [10, с. 272]. Хорошо известно, что еще 15 февраля 1912 г. Комбу Доржу и его сторонники обратились к российскому правительству с заявлением об отделении Урянхия от Монголии и просьбой о покровительстве. В секретном рапорте Усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова от 25 мая 1912 г. сообщалось: «В феврале урянхи объявили себя независимыми во главе с Амбань-нойоном, имея в виду перейти в подданство России» (АВПРИ. Ф. 143. Д. 3113. Л. 117). Об этом же писал еще в марте 1912 г. министру иностранных дел С.Д. Сазонову глава Первого департамента МИД Г.А. Казаков, то же можно прочитать в переписке между Ургой и Улясутаем. Таким образом, почти все правители тувинских хошунов первоначально ориентировались на российское покровительство, и лишь не дождавшись ответа на свои предложения со стороны русских властей, обратились за покровительством к Урге, и последним это вынужден был сделать сам Комбу Доржу.

Представляется крайне упрощенным следующий тезис: «Тува осталась под российским протекторатом вплоть до 1917 г.» [10, с. 273]. В годы революции и гражданской войны ситуация была настолько про-

тиворечивой, что однозначные и упрощенные оценки сильно искажают реальность. Действительно, на заседании съезда русского населения Урянхайского края 16 июня 1918 г. была принята резолюция: «Заслушав решение сойотского народа о самоопределении, в силу которого весь сойотский народ объявляет себя отныне совершенно самостоятельным, не зависимым ни от кого народом, краевой съезд представителей русского населения в Урянхае приветствует это решение сойотского народа» (ЦГАРТ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 25. Л. 48). Но это было лишь подтверждение большевистской политики «права наций на самоопределение», а не решение проблемы государственного устройства Тувы. В «Обзоре деятельности Советских учреждений с января по 1 августа 1920 г.» Енисейской губернии отмечалось: «что касается Усинско-Урянхайского края, то с самого переворота и до настоящего времени его политическое положение остается не выясненным. Поэтому по отношению к этому краю Губернским Управлением милиции принято лишь выжидательное положение» [8]. Антисоветские правительства в России вообще не ставили под сомнение факта протектората над Тувой, а тувинские лидеры искали покровительства и у правительства Колчака, которое удовлетворило просьбу Камбо-ламы Лопсан-Чамзы и нойона Буян-Бадырғы об отправке в 1919 году тувинской делегации в Омск [11].

Уважаемый индийский историк пишет «Советский период в истории Тувы начался только в 1921 г.» [10, с. 273]. Как известно, советизация Тувы началась сразу же после Октябрьского переворота 1917 г. Насколько же начало 1920-х гг. были «советским периодом» можно судить по документам: советский представитель Н.М. Медведев на заседании Райбюро РКП(б) 24 марта 1923 г. докладывал: «Директивы Н.К.И.Д. о вызове самодеятельности Танну-Тувинского народа можно считать выполненными. Физиономия правительства сейчас достаточно ясна – оно преследует цели, обратные нашим, по социально-политическому составу оно буржуазное» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 3. Л. 63).

Далее Шарад Сони пишет, что в 1921 г. «Тува была признана Советской Россией» [10, с. 274]. Но документы не подтверждают это заявление. Например, в отправленной 1 сентября 1921 г. в Кызыл телеграмме говорилось: «Сиббюро ЦК РКП получена от Вас телеграмма о том, что Урянхай на своем съезде провозгласил свою государственную необходимость, фактически край остается под протекторатом Советской России. Сиббюро ЦК РКП считает нужным указать, что оно не разделяет той линии, которую, по-видимому, Вы проводите в Урянхае. Установление протектората Совроссии над Урянхаем будет большой политической ошибкой и вскоре испортит наши отношения с Монголией. С нашей точки зрения, Урянхай должен входить на широких автономных началах в состав Монголии» [1]. Противоречивость ситуации достаточно хорошо отражена в секретном Информационно-политическом письме № 1 Сибревкома и Сиббюро РКП(б): «Населяющие этот край сойоты относятся антогонистически к монголам /и китайцам/, рассматривая их как пришельцев завоевателей ... Сиббюро поэтому считало, что политика в Урянхайском вопросе должна быть такой: Советская Россия не покушается на Китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхкрае: Монголия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхкрай – на широких автономных началах в состав Монголии... По последним сведениям ЦК и Наркоминдел полностью одобрили линию Сиббюро» (ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 110. Л. 6-7). Таким образом, документы говорят, что тувинское общество и правители тувинских хошунов поддерживали идею развития своей государственности под покровительством России, но советские лидеры, признавая право тувинцев на самоопределение, были против

советского покровительства, а настаивали на вхождение в состав Монголии, хотя и на автономных началах. И даже в 1923 г. в официальных документах говорилось: «Урянхайский вопрос пока еще не принял более или менее конкретных и определенных норм» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 13. Л. 13).

Не подтверждается документами следующий тезис: «В начале 1920-х гг. премьер-министр Тувы К. Дондук объяснял: “Тувинский народ... должен объединиться с Монголией”. В 1924 г. тувинцы даже пошли на крайнюю меру и объявили о своем присоединении к Внешней Монголии. Однако они потерпели неудачу, после того как для подавления беспорядков были присланы советские войска, успешно справившиеся с поставленной задачей» [10, с. 275]. Что касается отправки советских войск для подавления восстания в 1924 г., то по этому поводу есть много документов. Например, в письме Я.С. Чугунова к С.К. Кочетову говорится: «Районное Бюро ставит Вас в известность о своем постановлении, состоявшемся 12 апреля 1924 года по вопросу военных действий Кемчикском районе. Принимая во внимание политическую обстановку Урянхая, РайБюро находит невозможным ведение военных операций, характер которых будет иметь вид «объявления войны Кемчуку» при активном участии колонистских частей. Указанное положение ясно, что должно вылиться в форму войны русских с тувинцами отчего мы безусловно должны в настоящей обстановке воздержаться» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 6). Прямой запрет на подавление с помощью советских частей восстания 1924 г. в Туве исходил от самого наркома Г.В. Чичерина (ГАКК. Ф. П-7031. Оп.1. Д. 11. Л. 40). Восстание действительно было ликвидировано, но, как докладывали из Тувы: «Для обороны и ликвидации Кемчикских бандитов по предложению Урянхпраительства создан совместно с Колонией Урянхайско-Колонистский штаб, располагающий весьма ограниченными силами Урянхпраительства и Колонии. В штаб вошли два представителя от Урянхпраительства и два от РСТК» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 12. Л. 3). Но не только не вводилось советских войск для подавления восстания, но вообще никаких активных военных действий не велось. Что же касается тезиса «о присоединении к Внешней Монголии», то по этому поводу можно привести Ноту МИД Тувы МИДу МНР от 29 февраля 1924 г.: «МИД считает, что Танды-Тува наша исконная Родина и не принадлежит Монголии. Народное Правительство Танды-Тувы просит уважаемое правительство Монголии прекратить издевательские переписки и установить с нами дружеские отношения» (ЦГАРТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 306. Л. 28). Конечно же, в Туве в этот период имели место «промонгольские настроения», и Я.С. Чугунов докладывал: «Вопрос о присоединении к Монголии принадлежит инициативе Буяна-Батарху, Нимичжаба, Хамбы-ламы, Нармандыху и др...» (ГАКК. Ф. П-7031. Оп. 1. Д. 8. Л. 62). Однако документы доказывают, что тувинская элита поднимала «монгольский вопрос» для давления на Москву в своих интересах, и в интересах региона, в частности так Буян-Бадыргы реагировал на отстранение большевиками от власти своего «соратника» в деле создания Тувинской республики И.Г. Сафьянова.

Недостаточно убедительной представляется точка зрения, что Тува де-факто была признана в июле 1924 г. [10, с. 275]. Советский представитель Я.Х. Давтян писал в Совмин ТНР 3 июля 1924 г.: «Вопрос о дальнейшем существовании Танну-Тувы (Урянхая) был оставлен открытым при переговорах Монголии с СССР и не получил окончательного разрешения. Советское Правительство всегда считало и считает, что воссоединение Урянхая с Монголией должно произойти не путем насильственного порабощения Монголией тувинского народа, а путем длительного

процесса сближения обоих народов в их освободительно-революционной работе» (ЦГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 14). Несомненно, процесс признания де-факто существования Тувы имел место уже в 1921 г., и завершился он признанием Тувы де-юре в 1925 г., когда было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений и обмене дипломатическими представительствами между СССР и ТНР, а так же принято решение о признании независимости ТНР на II Великом хурале МНР.

Подводя итоги, можно сказать, что уважаемый индийский коллега, не имея возможности опереться на богатую источниковую базу изучаемого вопроса, отчасти уже введенную в научный оборот российскими исследователями, воспроизвел устаревшую и крайне упрощенную концепцию истории Тувы, закрепившуюся в западной историографии много десятилетий назад. Сама цель научной статьи, показать, как Москве «удалось помешать объединению монголов и тувинцев», уважаемым коллегой поставлена не правильно. Документы наглядно показывают, «мешала Москва объединению монголов и тувинцев», или «помогала объединению монголов и тувинцев», что на самом деле тоже имело место, не это определяло процесс становления и развития тувинской государственности, который шел параллельно с процессом интеграции Тувы в единое политическое, экономическое и культурное пространство России. Нахождение Тувы в составе российской Сибири является результатом не «Большой Игры», не российско-китайского соперничества, а сложных и противоречивых объективных процессов развития народов Евразии. Полагаю, что активизация международного сотрудничества историков в деле выявления и введения в научный оборот исторических документов, позволит вывести историческую науку на новый уровень, а в частности, и ликвидировать крайне упрощенные и устаревшие концепции истории российских регионов, сохраняющиеся в зарубежной историографии.

Литература

1. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922 гг.) / Сб. док. Новосибирск, 1996.
2. Дацышен В.Г. Потенциал конфликтности в зоне российско-монгольской границы в Туве // Международные процессы. Т.3. № 1 (7). 2005. С. 79 – 86.
3. Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616-1911 гг. Томск, 2005.
4. История Тувы. Т.1. Новосибирск, 2001.
5. Маннай-оол М.Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.
6. Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Сынцзыан. М., 2007. 512 с.
7. Оюунбилэг Т. Пограничный конфликт Монголии и Тувы и его причины. // Монголия-Бурятия-Тува-Иркутская области: развитие, взаимодействие, и вызовы внутри и вокруг Байкальского региона. / Материалы международного семинара. Улан-Батор, 2002.
8. Полгода в Советской власти в Енисейской губернии. Красноярск, 1920.
9. Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т.I. М., 1969.

10. Шарад Сони. Сибирская республика Тыва // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия: Сб. мат. Новосибирск, 2008.
11. Dacysen V. Le Sangha de Touva Durant le protectorat Russe (1911-1921) // *Slavica occitani*. Toulouse. 21. 2005. P.401-411.
12. Old Maps of Tuva 1. The detailed map of the nomadic grazing patterns of total area of the Tannu-Uriankhai. Ed. Todoriki M. Tokyo, 2008.
13. Old Maps of Tuva 2. Tannu-Uriankhai Maps in Eighteenth Century China. / Ed. Todoriki M. Tokyo, 2009.
14. Soni Sharad K. *Mongolia China Relations: Modern and Contemporary Times*. New Delhi: Pentagon Press, 2006.
15. Soni Sharad K. *Mongolia-Russia Relations (Kiakhta to Vladivostok)*. Delhi, 2002.

Фадеичева М.А.

«Два не отрываться»: этнонациональная политика демографической сверхдержавы

«Two not to come off»: the ethnonational policy of a demographic superstate

В научных монографиях посвящения встречаются нечасто, особенно посвящения событиям. То, что привлекает внимание к монографии А. Кузнецова после ее названия, это – посвящение 110-летию Императорского восточного института – Дальневосточного государственного университета. Интересна преемственность: логика империи подсказывала, что научная мысль должна развиваться не только в центре, но и по краям, проявляя непосредственный интерес к ближайшим соседям. Можно предположить, что многие процессы, происходящие в Китае, были видны и видятся гораздо лучше вблизи от границы с ним, нежели из центра России.

Актуальность темы монографии не вызывает ни малейшего сомнения. Действительно, современный Китай является одной из демографических сверхдержав, поэтому формирование ханьской этнической общности, а также объединительные тренды строительства гражданской нации представляют несправедливый научный интерес, имеющий выход в политическую практику. Более того, выводы монографии, многие ее идеи, приведенные примеры и факты, наводят на дальнейшие размышления и самостоятельные выводы, не всегда совпадающими с выводами автора. Это свидетельствует о дискуссионном характере исследования, что применительно к научному произведению представляется несомненным достоинством.

Примечательно, что исследование имеет серьезное теоретико-методологическое обоснование, которому посвящена первая глава монографии. В ее первом параграфе «Антропоцентрированные подходы и концепции» дается критический анализ различных идей, которые положены в основу изучения проблем Востока. Камнем преткновения здесь видится изучение Востока как Другого с позиций Запада. Автор разделяет взгляд, что ориентализм представляется западным стилем доминирования, реструктурирования и властвования над Востоком, осуществляющимся посредством выработанного им дискурса. В результате весь ориентализм направлен только на постижение внешней стороны Вос-

ФАДЕИЧЕВА Марианна Альфредовна, д.полит. н., гл. научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: fm366@uralmail.com

Рецензия на книгу: Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 188 с.

тока и находится очень далеко от него. Но это – не вина Запада и не беда Востока. Что же поделать, если, как пишет автор, не во всех бывших колониях или странах мировой периферии научная мысль достигла такого уровня развития, который позволил бы самостоятельно разработать концептуальные основания и инструментарий для решения актуальных социально-политических проблем?

Отсюда следует проблема определения уровня «самобытности» истории, культуры, политики стран Востока, которая определяет то, насколько применимы западные теории и концепты к анализу истории и современности незападного мира. Автор утверждает, что многие идеи и концепты некритически усваиваются и бессмысленно привносятся в другую реальность. Так, например, концепт идентичности развивался сначала на Западе, а затем очень быстро он был привнесен на Восток. Однако без ответа остается вопрос, который напрашивается сам собой: почему же столь быстро тлетворные идеи западной науки проникают на самобытный Восток?

В параграфе втором «Мировое комплексное регионоведение и разработка аналитических моделей изучения стран и регионов» одним из главных выводов является признание того, что именно системный подход, а не цивилизационный и прочие другие, является наиболее эвристичным при изучении социально-политических проблем не только Востока, но и других регионов. Здесь же тщательно прописывается процедура авторского исследования этнополитической ситуации, этнической политики и нациестроительства в Китае.

Принципиально важным и необходимым в методологическом отношении представляется параграф «Проблема изучения этноса, нации и нациестроительства в современном научном дискурсе». Проблема несогласованности ключевых концепций приводит к пессимистическим выводам о невозможности понять природу этничности. Нельзя не согласиться с тем, что неспособность разграничить нации и этнические общности стала камнем преткновения, как научного дискурса, так и разных вариантов национальной политики XX века. Вместе с тем, автор реализует свой замысел определения ключевых понятий, таких как этнос, нация, этническая политика, национальная политика, этнонациональная политика, нациестроительство, государственное строительство и других, опираясь на модернизированное и примененное к новой реальности богатое наследие С.М. Широкогорова.

Глава «Китай как полиэтническая страна. Основные векторы этнонациональной политики Китая и КНР в XX – начале XXI вв.» начинается со скрупулезного анализа этнического состава населения и современного положения этнических общностей в Китае. Для этого используются как политико-правовые документы, так и статистические данные. Например, интересен тот факт, что в 1953 г. в Китае было определено 38 «национальностей», а в 1954 г. их количество возросло до 400. Однако установка Мао Цзэдуна на объединение привела к тому, что стало принято говорить о наличии 55 неханьских национальностей. Автор не соглашается с доводами конструктивистов об искусственном, «сконструированном» происхождении феномена этнических общностей. Заметим, что воображаемые «конструктивисты», имеют в виду не этнические общности, а нации, когда говорят о конструктах и воображаемых сообществах.

Несомненный интерес представляет то, как использовались теория, идеология и опыт советской национальной политики китайскими товарищами. И далее в монографии этот сюжет возникает неоднократно. Возможно, было бы еще более занимательно и поучительно, если бы он был выделен в отдельную главу или параграф.

Основные векторы этнонациональной политики в Китае в первой половине XX века (1900-1949) рассмотрены в тесной связи замысловатой истории с предысторией, начиная с XIV века, и незатейливых идеологем национальной политики вроде гоминьдановской Декларации о двух основных целях. Негативная цель состоит в ликвидации неравенства национальностей, а позитивная – в сплочении всех национальностей страны и образовании большой китайской нации (чжунхуа миньцзу). Или прокламаций КПК: «Всякая нация имеет право на самоопределение, и в этом не может быть ни малейшего сомнения» или «Мы стоим за национальную автономию».

Чем ближе к современности, тем более захватывающей становится политическая история, которая раскрывается в параграфе «Основные направления этнонациональной политики в КНР – вторая половина XX – начало XXI вв.» в связи с особенностями политической культуры и этических норм в государственной жизни. В итоге становится понятно, что этнонациональная политика на протяжении последнего и в начале нынешнего века развивалась в разных направлениях, определяемых то Гоминьданом, то КПК, то влиянием современных западных идей мультикультурализма. В конце 70-х гг. XX века Дэн Сяопин провозгласил новые приоритеты, находящиеся в сфере развития экономики, а не классовой борьбы. Ветер перемен принес новый лозунг «два не отрываться», что значило обобщение опыта истории национальных отношений в Китае. Смысл этого лозунга предельно понятен: ханьцы не должны отрываться от национальных меньшинств, национальные меньшинства не должны отрываться от ханьцев. Автор полагает, что в настоящее время научной и политической элите Китая необходимо как можно скорее освоить новые идеи и риторику в отношении этнических общностей («национальных меньшинств») и соотнести ее с реальными условиями, чтобы определить новые приоритеты в национальной политике. Но если сами китайские товарищи не понимают, куда влечет их неведомая сила исторических событий, то это можно сделать со стороны, в очередной раз в некотором смысле с Запада.

Именно этому посвящена глава «Формирование и основные этапы развития национального (этнополитического) дискурса в Китае». Здесь подробно изложены и подвергнуты анализу многие интересные концепции. Во-первых, это принадлежащая началу XX в. концепция китайской нации и национализма Лян Цичао с его эпатажными рассуждениями о национализме как спасительной идеологии для Китая и как великом, самом светлом, честном и справедливом принципе, возбуждающем умы людей всего мира. Для доказательства своих националистически-расистских идей Лян Цичао использовал формальную логику: освоить весь мир сможет именно желтая раса, так как Азия – главная часть планеты, Китай – главная часть Азии. Следовательно, в XX веке китайцы станут самой сильной расой, а в XXI веке Китай гордо воспарит в мире. Во-вторых, это идеи Сунь Ятсена о проблемах китайской нации и национализма, его меняющиеся взгляды от работы «Три народных принципа» к работе «Шесть лекций по национализму». Занятно, что в силу своей практической занятости Сунь Ятсен поручал писать свои статьи Ван Цзинвею. В результате в начале XX века в Китае возникли две различные концепции нации и национализма: «гоминь» – нация как политический порядок (Лян Цичао); «миньцзу» – нация как социально-культурное явление (Сунь Ятсен).

В этой же главе автор обращается к тому, как складывался официальный дискурс КНР по национальному вопросу, как складывалась концепция единой китайской нации с конца 40-х годов XX века. В китайской обществоведческой науке возобладала идея нации, состоящей

из наций, которая не является собственно китайским изобретением. Однако дискуссии по поводу сущности нации не прекращались и в конце XX века, но весьма напоминали дискуссии его начала. Сколько бы ни дискутировали китайские ученые, они, по верному замечанию еще одного китайского ученого Фэй Сяотуна, не решив проблему нации, оставались в потемках.

Особое внимание в монографии уделено уникальному тайваньскому кейсу. Проблемам Тайваня в этнополитическом контексте посвящена четвертая глава монографии, в которой раскрывается этнополитическая ситуация на Тайване конца XIX – 1980-х гг. XX вв., рассматривается этнонациональная политика на Тайване в условиях демократизации.

Актуальным проблемам этноса и нациестроительства в Китае посвящена последняя глава монографии. Прежде всего, в ней рассматриваются общие проблемы этноса и этнической политики Китая. Автор вновь обращается к наследию С.М. Широкогорова, который представлял этнос как явление мобильное, когда возможно как центробежное движение, когда формируются новые этнические общности, так и центростремительное, когда они консолидируются при стирании этнических различий. Далее рассматривается китайская политическая практика нациестроительства в связи с ситуацией нациестроительства в мире в начале XXI века в свете новейших трендов, которая не может не влиять на Китай. КНР в своем развитии еще остается на нациестроительной стадии развивающейся страны. Очень показательна позиция Ван Сяодуна, который высказался так, что по отношению к внешнему миру право нации – это и права человека, а во внутренней политике права человека – это и права нации, в условиях современной международной ситуации, если вовсе не обращать внимания на права нации, то не будет и прав человека. Можно сказать, что в Китае в полном масштабе воспроизводятся дискуссии о приоритете либо коллективных прав общностей, либо индивида и порядке их защиты. Все процессы глобализации, модернизации, реформируемое состояние, в котором находится Китай, оказывают влияние на состояние его общества, деформируют традиционную этническую культуру. По совершенно справедливому и глубокому замечанию автора, с которым невозможно не согласиться, традиционную культуру можно обнаружить в относительно изолированных общностях или в специальных этнографических музеях-заповедниках. Иначе говоря, в Китае, как и во многих других государствах, в сфере этнонациональной политики сталкиваются противоречивые политические идеологии и практики.

Нельзя не согласиться и с другим замечанием автора, что важность идеологии в этнической политике и нациестроительстве нельзя переоценить. Именно с этого начинается один из принципиально значимых параграфов монографии «Национализм и дискурс национализма в Китае». В нем представлена идейная борьба КПК против национализма как пережитка, которому нет места в социалистическом обществе, как бы он ни являлся, либо в его великоханьской форме, либо в форме местных национализмов, о чем собственно не уставал говорить Дэн Сяопин. Здесь автору удается пробраться сквозь бамбуковые заросли прочих типов китайских национализмов: элитного, модернизационного, подлинного, нового, толерантного, противостоящего ксенофобии. В результате автор принимает точку зрения, согласно которой на протяжении XX века бурные социально-экономические и политические перемены в Китае сопровождались транзитом от традиционного этноцентризма к связанному с ним модернизационному национализму.

Что же собой представляет современный Китай в этнонациональном отношении? Китай остается страной незавершенного нациестроительства и разделенной нацией. Существует ханьская этническая общ-

ность, которая охватывает основную часть населения материкового Китая и Тайваня, а также многочисленную диаспору хуацяо. При сохранении этнокультурного единства эти этнические составляющие разделены политически. Вместе с тем, в Китае существует определенная полиэтническая общность, которая официально трактуется как единая нация, образованная другими нациями.

В заключении представлены три варианта развития нациестроительства и этнической политики в КНР. Первый – подъем уровня развития «национальных» автономий для стабилизации общей ситуации при поощрении миграции ханьцев на территории автономий. Второй – промежуточный между первым и соблюдением демократических требований, что возможно в условиях федеративного переустройства. Третий – наименее желательный, развитие по сценарию Косово, однако он – и менее вероятный. Какой из них будет реализован, покажет время. Однако ведущий тренд очевиден: нациестроительство принимает не унифицированный, а плюралистический характер.

Итак, кажется, что многое определено, акценты расставлены, выводы сделаны, сценарии прописаны. Однако сама проблематика такова, таковы перипетии китайской этнической истории и этнонациональной политики, таково состояние этнополитологии в целом, что уместно вспомнить вместе с автором монографии замечание известного американского антрополога К. Гиртца по поводу положения дел в изучении проблемы национализма как «концептуальной трясинь». Действительно, это была также констатация общего состояния наук о национальном и этническом. Однако в концептуальную трясину можно не попасть, умея передвигаться по методологическому болоту. Поэтому представленный в монографии анализ этнонациональной ситуации в современном Китае, освещение в историческом контексте проблем нациестроительства в этой влиятельной полиэтнической стране, рассмотрение проблемы Тайваня в этнополитическом контексте представляют несомненный интерес для политологов, специалистов в области этнонациональных проблем, этнологов и востоковедов

Гусева А.А.

Пятые Мандельштамовские чтения

The fifth Mandelshtamovsky readings

Пятые Мандельштамовские чтения, посвященные 120-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама, собрали в библиотеке ВГУЭС студентов, преподавателей и представителей культурной общественности Владивостока 14 января 2010 года.

Кроме постоянных участников чтений, таких как преподаватель Академического колледжа ВГУЭС И.Г. Трегубова, приморский поэт А.А. Егоров, студентка гр. МО-08-01 А.К. Никулина, в этом году среди выступающих были: директор Приморской государственной публичной библиотеки им. М.Горького А.Г. Брюханов, преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Я.А. Барбенко, преподаватель истории Академического колледжа ВГУЭС З.Н. Бондарчук, студенты Института иностранных языков, Института сервиса, моды и дизайна ВГУЭС и Академического колледжа ВГУЭС. В общем, число участников чтений стало рекордным по сравнению с прошедшими за четыре года чтениями, и составило 35 человек.

Открыл чтения директор Приморской государственной публичной библиотеки им. А. М. Горького А.Г. Брюханов докладом ««Три сестры» Е. Звенияцкого как реплика Осипу Мандельштаму. К вопросу об античеховской позиции поэта».

Приморский поэт А.А. Егоров, постоянный участник и почетный гость Мандельштамовских чтений, присутствовал на всех пяти презентациях памятнику О. Мандельштаму во Владивостоке. В своей работе «Недавнее» он выражает личное отношение к происходившему.

Презентацию журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» провел преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института права и управления Я.А. Барбенко. Электронная версия журнала размещена на сайте библиотеки ВГУЭС в разделе полнотекстовые ресурсы.

И.Г. Трегубова, преподаватель литературы Академического колледжа ВГУЭС, выступила с докладом «Отражение феномена «исчезновения действительности» О. Мандельштама в эстетической философии Д. Хармса». «Исчезновение как феномен: исчезновение – не просто вещь, которая исчезла. Исчезнувшей вещи нет, но ее исчезновение есть»

Начиная с первых Мандельштамовских чтений, Ирина Геннадьевна принимает в их работе самое активное участие, причем, всегда, вместе с ней пробуют свои силы и ее ученики. Хочется отметить высокий уровень подготовки их выступлений и серьезность заявленных тем. На

этих чтениях с докладами выступили: ученица 9 «В» класса Адель Цебенко и 11 «А» Евгения Соколова.

Настоящим подарком для собравшихся стала литературно-музыкальная композиция учащихся Академического колледжа ВГУЭС «Твой мир, болезненный и странный, Я принимаю, пустота!», которую подготовила и провела преподаватель Академического колледжа И.Г. Трегубова. Прозвучавшая в исполнении ученицы 9 «А» класса песня «Ленинград» не оставила равнодушным ни одного слушателя.

Преподаватель истории Академического колледжа ВГУЭС З.Н. Бондарчук в докладе «Мандельштам – тоска Вселенной...» использовала творческие работы своих учащихся, в которых они отразили личное восприятие стихов О. Мандельштама. «В интерпретации стихов О. Мандельштама могут быть различные пласты восприятия, в том числе и на чувственном уровне. Нам показалось интересным почувствовать поэта как личность, как философа, как часть Вселенной. Если захотеть услышать, то практически во всех стихах звучит именно эта тема. Складывается ощущение, что он хочет рассказать о вечности, о времени, о своём назначении человека на такой огромной и маленькой Земле. Он пришёл сюда для того, чтобы приоткрыть какую-то тайну», – отмечает З.Н. Бондарчук.

Сами творческие работы учеников были представлены на выставке в читальном зале № 2, наряду с выставкой литературы об О.Э. Мандельштаме из фондов библиотеки ВГУЭС, которую оформили сотрудники библиотеки ВГУЭС Н.Н. Садыкова, С.В. Ярошук и Д.В. Махно.

Подготовленные доклады отличались высоким уровнем, чувствовалось, что их авторами была проведена большая исследовательская работа. Каждый из выступающих открывал для слушателей своего Мандельштама. Выступления докладчиков перемежались литературными и музыкальными композициями, чтением стихов.

Особо хочется отметить выступление иностранных студентов Института иностранных языков и международных отношений, отделения лингвистики, гр. БЛГ – 07-02 и БЛГ – 07-03: Сунь Суань, Ван Цинн, Чжан Янь, Чжоу Шии, Се Вэнькай, Би Чуньсяо, Чжао Хао. Звучавшие в их исполнении стихи О. Мандельштама, отличало лирическое, проникновенное исполнение. Чувствовалось, как близко этим китайским студентам стало творчество русского поэта благодаря Пугачевой Е.Н., ассистентке кафедры русского языка.

Институт сервиса, моды и дизайна представляли на чтениях студенты кафедры моды и дизайна и кафедры культурологии.

Студентки 2 курса Анастасия Золотарева и Аннетта Лиходедова, гр.ДВ – 09-01, подготовили интересный доклад с презентацией «Живописные образы в поэзии О.Мандельштама». Научный руководитель – И.С. Кочеткова, преподаватель кафедры сервиса и моды ИСМД.

Стихи прочла и студентка кафедры культурологи ВГУЭС Косилова Кристина, гр. КЛ – 08-01. С анализом творчества О.Э. Мандельштама выступили студенты-культурологи Кудрявцева Ольга, Ким Жанна, Мишина Ульяна, Кармалыга Эльвира, гр. БКЛ – 10-01 С темой доклада им помогла определиться старший преподаватель кафедры культурологии Ткачук М.А.

Ярким и эмоциональным было выступление студентки Анастасии Никулиной, гр. МО – 08-01 ««Секрет» О.Мандельштама». Она раскрыла собравшимся главный секрет О. Мандельштама, помогающий оставаться ему в ряду самых значительных поэтов XX века. «Секрет» Мандельштама состоял в верности жару молодости. Только в юности безмятежно счастлив человек, а дальше начинаются деньги, растекаются взгляды и оценки, и липкий, плохо смываемый налет затягивает чувства. С осла-

бленными чувствами какое счастье, ведь оно само есть чудо нематериальности. Осип Эмильевич стремился сохранить это чувство молодости, молодости души, наивности, но в силу исторических событий не смог. Поэтому жару молодости он предпочел правду».

Отметим, что Анастасия – постоянная участница Мандельштамовских чтений, она сама человек творческий, инициативный и невероятно обаятельный.

В рамках заявленной краеведческой тематики с докладом «Драматургия М.Горького во Владивостоке» выступила Екатерина Дымова, учащаяся Профессионального лицея ВГУЭС, гр. НФТ – 10-01. Кстати, вместе с сестрой, Любовью Дымовой, тоже студенткой ВГУЭС, гр. РБ – 10-02, они читали стихи у памятника О. Мандельштаму.

Мы надеемся, что преподаватели и студенты нашего ВУЗа будут принимать более активное участие в данном мероприятии, поскольку оно способствует укреплению имиджа ВГУЭС как социально ответственного института, решает задачи формирования и развития исторической памяти и патриотизма среди молодежи, поднимает интерес к краеведению, прививает студентам навыки исследовательской работы.

Приглашаем всех, кто любит поэзию, интересуется историей нашего края на следующие чтения, которые состоятся осенью 2011 года. О конкретных сроках проведения чтений будет объявлено на сайтах ВГУЭС (<http://www.vvsu.ru/>) и библиотеки ВГУЭС (<http://lib.vvsu.ru/russian/>).

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе "Новости".

Редакция журнала извещает читателей о том, что в статье А.К. Ерохина «Толерантность как идеал образования в философии Рабиндраната Тагора», опубликованной в № 2 «Ойкумены» за 2007 г., был обнаружен плагиат (две трети от объема статьи). В соответствии с решением редакционной коллегии, работы А.К. Ерохина впредь к публикации в журнале приниматься не будут. Надеемся, что профессиональная недобросовестность названного автора будет принята во внимание редакциями и других научных изданий. Со своей стороны, заявляем, что мы ужесточим контроль над поступающими работами с целью выявления текстов с признаками плагиата и обнародования информации об их изготовителях. Редакция «Ойкумены» приносит извинения читателям и авторам журнала за допущенное нарушение авторских прав.

Сокращения

АВПРИ	- Архив внешней политики Российской империи
АУВД ПК	- Архив Управления внутренних дел по Приморскому краю
ГАПК	- Государственный архив Приморского края
ГАКК	- Государственный архив Красноярского края
ГАХК	- Государственный архив Хабаровского края
ЦГАРТ	- Центральный государственный архив Республики Тыва

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, заведующий сектором экономического районирования Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, декан факультета международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** (*ответственный редактор*) – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории политики Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической теории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента, руководитель центра социологических и маркетинговых исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать переносов строк, сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Сылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, **Электронный ресурс. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.]**.
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
12. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2011 № 2 (17)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 31. 05. 2011 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 19,25. Уч. -изд. л. 18,52. Тираж 200 экз. Заказ 64
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

